

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2011 – 7 (229)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2011**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *Д.Е. Фурман* – д-р ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2011. – № 7 (229). – 192 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. Кузнецов.</i> Масштабы распространения коррупции в России.....	5
<i>Светлана Глинкина.</i> Коррупция в современном мире	15
<i>Роман Силантьев.</i> Исламо-христианский «диалог» в России.....	24
<i>Г. Овруцкая, Ю. Синявская.</i> Конфликтный потенциал современных диаспор в принимающих обществах. (На примере Ростовской области)	31
<i>Гульнара Габдрахманова.</i> Формирование рынка халяль-продуктов в современной России на примере Татарстана.....	36
<i>Марина Гугова.</i> Становление политического плюрализма в Кабардино-Балкарии в конце XX в.	47
<i>Владимир Попов.</i> Сможет ли Россия удержаться на Северном Кавказе?.....	49
<i>С. Суций.</i> Русское население в республиках Северного Кавказа в начале XXI в.	67
<i>Параг Ханна.</i> Азербайджан: Пробка в Каспийской бутылке	71
<i>Е. Байдаров.</i> Ресурсный национализм в Казахстане	79
<i>Адриан Пабст.</i> Что представляют собой последние события в Киргизии	83
<i>Елена Кузьмина.</i> Новый виток Большой игры?	86
<i>Александр Джумаев.</i> К историко-культурным основаниям близости Средней Азии и России: Взгляд из Узбекистана.....	97
<i>Николай Косолапов, Марина Стрежнева.</i> Постсоветское пространство: Условность или реальность?.....	111
<i>Марван Искандар.</i> Россия на Ближнем Востоке	124
<i>А. Малащенко.</i> Революции в Тунисе, Египте и Ливии.....	143

Рашида Мрасси. Региональные, географические и стратегические векторы, влияющие на внешнеполитический курс Турции	149
Е. Дунаева. Текущая расстановка политических сил в Иране	159
Р. Мухаметзянова-Дуггал, З. Хабибуллина. Индия и Россия: Государственное регулирование хаджа	169
Эмиль Паин. Невольники общин	176
Ю. Кирина. К разграничению понятий «фундаментализм» и «политический ислам»	183

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

Е. Кузнецов,
публицист
**МАСШТАБЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
КОРРУПЦИИ В РОССИИ**

Любые прения о масштабах коррупции в России выглядят банальными. Главным образом, из-за их заранее предreshенного исхода. Все согласны, что ситуация ужасна: от технарей до гуманитариев, от крайне правых до крайне левых, от людей со сверхдоходами до граждан, живущих за чертой бедности. Это фактически признает даже главный коллективный рассадник коррупции – бюрократия. Оживление наблюдается лишь в тех случаях, когда делается попытка ответить на два извечных русских вопроса: «кто виноват?» и «что делать?». То есть когда едва ли не по разряду называются конкретные фамилии обвиняемых в коррупции чиновников либо когда кто-то предлагает новые или озвученные на свежий лад старые инициативы по борьбе с коррупцией. Однако говорить о том, как же все плохо на самом деле, необходимо, особенно актуально это в обстановке кризиса.

Забегая вперед, стоит также отметить, что нечистоплотность сейчас проявляется не только во взаимоотношении власти и общества во всем его многообразии – от рядового индивида до гигантского предприятия или профессиональной ассоциации. Различные незаконные механизмы широко распространены и при осуществлении взаимодействия частных социально-экономических акторов, например двух частных компаний (пресловутые «откаты» практикуются при осуществлении множества коммерческих сделок). Их влияние на жизнь, естественно, нельзя недооценивать – нынешнее неприемлемое положение вещей создано, в том числе, и нечистыми на руку менеджерами.

Представление о степени коррумпированности России как государства дают различные рейтинги, проливающие свет на

объективную реальность. Для ее понимания важно также проследить динамику перемещения России по их строчкам.

Среди международных индексов о коррупции в России самым известным является ежегодный Индекс восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index, сокращенно – CPI), публикуемый международной неправительственной организацией «Transparency International». CPI позволяет измерить степень распространения коррупции среди государственных служащих и политиков на основе независимых оценок – внешних и внутренних. Понимается же под коррупцией «злоупотребление публичной властью в личных целях» в самых разных ипостасях: стандартное взяточничество, откаты, растраты и пр. Индекс составляется на основе целой серии отдельных исследований в форме опросов экспертов и бизнесменов по таким направлениям, как частота дачи взяток, их объем и т.д. Строить коррупционный ранжир на фактической информации невозможно – коррупция – феномен теневой или, на худой конец, «серый». Отсюда любая конкретная цифра предполагает очень серьезные допущения.

С их учетом этот оценочный индекс дает по России картину крайне мрачную. Ее могут подтвердить сами россияне. С середины 1990-х, когда индекс был впервые представлен широкой общественности, РФ находится ближе ко дну шкалы (оценка 10 представляет собой идеал прозрачности и честности государственного аппарата – чем она ниже, тем хуже дела в этом государстве). Так, получив в год дефолта оценку 2,4 и заняв 76-ю из 85 позиций, Россия начало 2000-х годов встретила с оценкой 2,1, поделив с Кенией 82-ю позицию из 90 возможных. После этого Россия продемонстрировала позитивную динамику (показатель 2,8 и 90-я позиция из 145 относительно «общего зачета» в 2004 г.), и затем вновь – безостановочное падение. В результате в 2008 г. Россия получила 2,1 (147-я позиция из 180 – вместе с Сирией и Кенией), что даже ниже показателей таких явно проблемных стран, как Мали и Молдова.

Справедливости ради стоит подчеркнуть, что несколько стран из состава бывшего СССР все же показали худшие, нежели Россия, результаты: боготворимая некоторыми в плане государственной политики Белоруссия получила ровно 2, а Узбекистан – так и вообще 1,8. Если же посмотреть в конец списка, то в последней пятерке можно увидеть Афганистан, Гаити, Ирак, Мьянму и Сомали. С учетом того, что творится на территории этих стран, можно заключить, что коррупция представляет собой угрозу не только

экономической безопасности России – даже при всех возможных, признаваемых «Transparency International» погрешностях при определении конкретной позиции РФ.

Другой авторитетной организацией, живо интересующейся коррупцией в публичной сфере, является Всемирный банк. Комплексная диагностика состояния власти с его стороны проводится в рамках проекта по работе с Индикаторами управления (Worldwide Governance Indicators, сокращенно – WGI). В числе шести направлений, по которым отслеживается качество власти, наличествует и степень эффективности осуществления контроля над распространением коррупции: «Та степень, в которой власть употребляется в личных целях, включая как мелкие, так и крупные формы, равно как и степень “захвата” государства... частными интересами». Картина, которую россиянин может увидеть на этой шкале, полностью соответствует выводам, сделанным «Transparency International». Вся первая половина 2000-х ситуация если не успокаивала, то хотя бы обнадеживала: в 2000 г. РФ набрала 13,6, в 2002 – 20,9, а в 2003 – 28,2. Однако потом все пошло по знакомой нисходящей: 27,7 в 2005, 22,3 – в 2006, 17,4 – в 2007 и 15,5 – в 2008 г. Так что сейчас Россия находится по уровню коррупции в одном (пятом) разряде из шести возможных вместе с Ливией, Кенией, Парагваем, Киргизией и др. И хотя по рейтингу Всемирного банка есть страны, в которых ситуация еще хуже, но среди государств группы БРИК Россия очевидный аутсайдер.

Еще одним интересным механизмом ранжирования государств в зависимости от тяжести их поражения коррупцией является Глобальный индекс честности – Global Integrity Index, на который в своей деятельности опирается неправительственная организация «Global Integrity». Идея индекса состоит в том, чтобы измерять не коррупцию, а эффективность противодействия ей. То есть анализу подлежат наличие в той или иной стране антикоррупционных механизмов, их эффективность, доступ к ним граждан и т.д. При таком подходе фактологическая база исследования может рассматриваться как более прочная и надежная. Одновременно этот подход позволяет получить не только общее представление, но и разбить его на своеобразные блоки: созданные на бумаге условия для борьбы с коррупцией, их действенность и даже «зазор» между ними. В общем, подход действительно новаторский. Применительно к России, он подтверждает выводы «Transparency International» и Всемирного банка.

В соответствии с «Global Integrity Report» 2008 г. РФ попала в группу «слабых стран» (всего разрядов существует четыре: «сильный», «средний», «слабый» и «очень слабый»), набрав 69 баллов из 100. Вместе с ней в эту группу попали также Украина, Турция, Бангладеш и др. Интересно отметить: наши «бумажные» механизмы по борьбе с коррупцией «Global Integrity» оценила довольно высоко, дав 89 баллов из 100. То есть она воздала должное формально-правовой базе России, зато правоприменительную практику неплохого законодательства специалисты «Global Integrity» удовлетворительной не нашли – здесь у России 52 балла.

Таким образом, все признанные в мире рейтинги констатируют негативный характер коррупционной динамики в России. De facto признается, что в России коррупция в ряде сфер является скорее правилом, нежели исключением. Этому соответствует появление в современном русском языке своеобразных терминов, подчеркивающих обыденность, без пяти минут «нормальность» и сильную укорененность этого явления – «административная рента», «статусная рента», «государственная рента». Примером могут служить слова Л. Радзиховского: «В настоящее время «бюрократическая система “заточена” под извлечение ренты. Если нет ренты (или она качественно уменьшилась), исчезает один из главных стимулов для всей бюрократической машины». В этой формулировке и содержится ключевой для понимания нынешней ситуации момент: именно к извлечению административной ренты и сводится сегодня деятельность управленческого аппарата в РФ. Коррупция является не побочным продуктом функционирования того или иного государственного органа, а едва ли не движущим мотивом его деятельности.

По сути речь идет о существовании неофициального, но фактически признанного обществом института, который приближает российскую бюрократию к феодальным образцам, т.е. средневековой системе кормления в феодальном обществе. Такие параллели напрашиваются сами собой.

Не зря множество независимых экспертов оперируют термином «феодализм» применительно к современной России. В частности, тяготеющий к левым воззрениям М. Делягин довольно часто использует этот термин с различными смысловыми добавлениями, например «военно-полицейский феодализм». Некоторые же скептически настроенные деятели заходят в своей критике еще дальше. Как, например, А. Илларионов, сравнивший используемые

в современной РФ механизмы не с «феодализмом», а с «категорией восточных деспотий». Совсем недавно этот термин использовал и Президент РФ Д. Медведев, произнесший слово «феодализм», когда речь зашла об имеющем место ограничении допуска предпринимателей на некоторые региональные рынки.

Разберем подробнее моменты, наглядно роднящие современную российскую систему с «феодальной». Первое, на что надо обратить внимание: контроль населения над исполнительной ветвью власти находится в зачаточном состоянии.

Второе, достаточно очевидное обстоятельство сводится к тому, что пресловутого господства права в наших пенатах не наблюдается. В подтверждение этого можно привести Индекс экономической свободы, который в числе прочих контрольных параметров оценивает, например, свободу в фискальной и инвестиционной сфере, равно как и свободу от коррупции. Здесь у России в 2009 г. скромное 146-е место из 179. Притом что в качестве главных тянущих на дно камней выступают именно свобода от коррупции (23 из 100) и положение дел с имущественными правами (25 из 100). Право частной собственности, ситуацию с которым здесь можно было бы раскрыть поподробнее, заслуживает, впрочем, отдельного рассмотрения. К нему мы вернемся далее. Для иллюстрации отсутствия в России господства права приведем пример: стоило только верховной власти дать санкцию на интенсификацию преследования за служебные преступления, как уже в феврале 2009 г. «Российская газета» получила от Следственного комитета при Прокуратуре РФ информацию, что за истекший к тому моменту год число обвиняемых чиновников только со специальным статусом увеличилось в три раза – до 11 тыс. человек. Остается только догадываться, насколько вольготно себя успели почувствовать такие чиновники за истекший с начала нефтяного бума срок, а также какая бездна раскроется, если более тщательно контролировать деятельность бюрократов рангом пониже.

Третье: информирование населения и иностранных партнеров о «правилах игры», т.е. разъяснение формальных процедур все еще далеко от должного уровня. Здесь подтверждением служит Индекс открытости бюджета за 2008 г., делящий страны мира на те, что предоставляют «исчерпывающую», «значительную», «некоторую» и «минимальную» информацию по бюджетному процессу, отводя самый низ шкалы для тех, кто предоставляет «скудную информацию» или не предоставляет ее вообще. Россия в этом плане показала себя относительно других государств несколько луч-

ше, нежели обычно, получив 58 баллов из 100 (22-е место). Однако поводом для самоуспокоения это не является, так как для члена Большой восьмерки соседство с Кенией (те же 58 баллов) не предмет для гордости. С другой стороны, инициативы, выдвинутые президентом Медведевым по программе «Электронное правительство», внушают надежды, так как, если они будут реализованы на практике, прозрачность бюджета увеличится. Впрочем, сделать это будет совсем не просто, это признает сам глава государства.

Так или иначе, в сложившихся условиях есть все предпосылки для того, чтобы чиновничество чувствовало себя «новыми феодалами» и поступало соответственно. Существование в формате «номенклатурного феодализма» укоренилось настолько, что бюрократия озаботилась проблемами наследственной передачи статуса. Система фактически функционирует в режиме не столько самосохранения, сколько самовоспроизводства и саморасширения. Недаром результаты опросов социологов о факторах, влияющих на карьерный рост, показывают, что на первое место ставятся личные связи претендента, а эксперты дружно сетуют на закупорку лифтов вертикальной социальной мобильности. Впрочем, описание расцвета рынка государственных коррупционных услуг, в котором воедино слились и причины, и следствия, не отвечает на все вопросы, среди которых главным является вопрос, почему теневая составляющая государственной службы часто превалирует над всем остальным, являя собой едва ли не суть государственной службы?

При попытке ответить на него внимание акцентируют, как правило, на целом ряде причин. В качестве первой запрашивается отсутствие импульса с самого верха на ведение внятной антикоррупционной политики. Однако после широкой огласки принятия национального антикоррупционного плана эту тему, вроде бы, поставили на повестку дня всерьез и надолго. Будет ли этого достаточно? Естественно, нет, поскольку система, как уже указывалось, находится в стадии самовоспроизводства. То есть бюрократия не только модифицировала собственный образ действий, но и далеко зашла в обработке своего окружения, местами изменив неблагоприятные для себя установки общества, местами усилив уже существующие благоприятные. А потому необходимо не только охарактеризовать работу бюрократии, но и указать на контроль, который она осуществляет над социумом.

Свою роль играет проистекающий из культурно-исторического контекста менталитет россиян. Обусловленные им

ценностные и поведенческие ориентиры граждан не только не способствуют борьбе с коррупцией, но и могут мешать этой борьбе. Так, возьмем для анализа относительно свежие данные ВЦИОМ, обращая внимание не только на распространенность приоритетов россиянина, но и на степень их постоянства.

Например, в пресс-выпуске ВЦИОМ № 1210 от 27.04.2009 «Коррупция бессмертна, но бороться с ней все равно надо» содержатся следующие интересные цифры: на вопрос о возможности в принципе победить коррупцию в кризисном 2009 г. отрицательно ответили 58% россиян. При этом в «духоподъемном» 2006-м той же точки зрения придерживалась абсолютно равная часть населения. Одновременно почти идентичная картина наблюдается и при расстановке акцентов в определении главной причины коррупции. Большинство стабильно выделяет в качестве основного «спускового крючка» «жадность, аморальность российских чиновников и бизнесменов». В 2006 г. приверженцев означенного «социокультурного» подхода было 40%, в 2008 – 39, в 2009 – 44%. На «неэффективность государства» и «несовершенство законов» ответственность возлагали 37%, 35 и 34% соответственно. И лишь меньшинство все это время винило «низкий уровень правовой культуры и законопослушания подавляющего числа населения», т.е. демонстрировало склонность к тому, чтобы начать с себя и со своего окружения. В аналогичные отрезки времени таких сознательных россиян насчитывалось лишь 18%, 21 и 18%. Таким образом, можно признать, что население России в подавляющем большинстве считает коррупцию чем-то едва ли не заданным, т.е. имманентной составляющей российской жизни.

Двойственность отношения россиян к коррупции – порицание, с одной стороны, и одновременная уверенность в том, что с ней ничего не сделаешь, и смирение перед этим фактом – с другой, подтверждается следующим опросом. Когда бывший президент РФ В. Путин еще до начала нынешнего кризиса начал призывать сделать РФ «самой привлекательной страной для жизни», ВЦИОМ (пресс-выпуск № 947 от 30.04.2008) предложил гражданам России выбрать несколько благ из списка, которые для них прежде всего соответствовали такому заманчивому статусу. Низкий уровень коррупции в качестве атрибута лучшей страны в мире назвали всего 3% населения, «развитие законов и их соблюдение» – 1%. Одновременно в качестве главного препятствия на пути к созданию самой привлекательной страны на земле большинство россиян (15%) назвали «коррупцию, беспредел власти и чиновников». На-

лицо очевидная дезориентация населения в вопросах антикоррупционной политики. В такой обстановке на первых порах можно надеяться лишь на моральную поддержку борьбы с коррупцией, которая пока не будет играть решающую роль.

Другой важной причиной засилья коррупции в России является статус частной собственности в России, как в аспекте ее институционального положения в государстве, так и в аспекте ее восприятия обществом. Речь не идет о формальном признании. Как бы далеко ни зашло построение «государственного капитализма российского образца», необходимость частной собственности не отрицает ни президент, ни глава правительства, ни Федеральное собрание. Однако в том, что касается обеспечения гарантий частной собственности в рамках реальной и правоприменительной практики, сомнения возникают. Но ведь охрана частной собственности и подкрепление ее статуса реальными делами является чуть ли не единственным действенным механизмом поддержания законности в условиях отсутствия адекватной возможности населения влиять на бюрократию. И если собственника, безотносительно того, чем он владеет (недвижимость, средства производства, продукт умственного труда – объект собственности здесь совершенно неважен), можно заставить делать все, что угодно под угрозой полузаконного лишения собственности, то ни о какой борьбе с коррупцией речи быть не может.

Список причин расцвета коррупции в современной России выходит довольно обстоятельным. Иначе и быть не может – ни одна причина по отдельности не могла бы привести к такому катастрофическому положению, когда из-за разгула коррупции под вопросом оказалось будущее страны.

Для ознакомления с практикой реализации коррупционных схем стоит обратиться к результатам одного из исследований уже упоминавшегося Всемирного банка о коррупции в России, которое хоть и вышло в 2006 г., но актуальности не потеряло до сих пор. Речь идет об отчете, озаглавленном как «Administrative and Regulatory Reform in Russia Addressing Potential Sources of Corruption», Дело в том, что данный отчет содержал в себе ряд сведений, почерпнутых из обзора по «Окружающей обстановке для бизнеса и предпринимательскому поведению», которое, в свою очередь, было подготовлено все тем же Всемирным банком в сотрудничестве с Европейским банком реконструкции и развития. Обзорение заключалось в суммировании данных опросов представителей фирм, оперирующих в странах Восточной Европы и Азии.

В итоге выяснилось следующее: почти 40% коммерческих организаций по России заявили, что им приходится часто сталкиваться с «неофициальными платежами». А сам хит-парад коррупционных ситуаций выглядел так – с большим отрывом (на это указали от 20 до 30% фирм) лидировали четыре сферы: получение лицензий и разрешений; взаимодействие с пожарной и строительной инспекциями; получение государственных заказов и уплата налогов. В числе других зон риска (от 5 до 20% компаний) были указаны вопросы защиты окружающей среды, подключения к электрическим сетям, а также решение проблем охраны труда и здравоохранения. Чтобы понять, какие средства и схемы могут скрываться за этими цифрами, достаточно привести по одному примеру в каждой из наиболее уязвимых сфер.

Так, летом 2007 г. при получении того, что Всемирный банк называет «неофициальным платежом», был задержан исполняющий обязанности заместителя министра промышленности и природных ресурсов Республики Карелия. В ходе суда было установлено, что последний принял взятку в размере 11,8 млн. руб. за беспрепятственную и ускоренную выдачу лицензии на добычу местного гранита. В результате чиновник был осужден. Недавно был вынесен обвинительный приговор в отношении начальника ФГУП «Управление автомобильной магистрали “Невер–Якутск”». Состав преступления практически идеально соответствует пункту с распределением государственных подрядов – проштрафившийся чиновник вымогал 2,5 млн. руб. за то, чтобы «пособствовать» получению государственного подряда на работы одной компании. Об осужденных за взяточничество налоговиках приходится слышать чаще всего. Приведем пример такого рода из Сибири. За вымогательство взятки в 360 тыс. руб. (речь шла о сокрытии нарушений, вскрытых при выездной проверке) был осужден сотрудник Федеральной налоговой службы РФ по Ангарску.

Данные примеры, иллюстрирующие проблему коррупции, взяты из жизни разных регионов России. Даже при несовершенстве российской правоохранительной системы регулярно происходят коррупционные скандалы различного масштаба. Размер взяток колеблется от внушительного до смешного. Различаются должности чиновников и важность решаемых вопросов. Но несомненно одно – коррупция во всех этих сферах стала нормой.

Взятки и откаты процветают не только в мире бизнеса. «Простой люд» вниманием тоже не обделен. Здесь из-за высокой степени анонимности провести систематизацию коррупционных

явлений сложнее. Придется опять обратиться к соцопросам – пусть и с понятным здесь осторожным отношением.

Так, в соответствии с одним из исследований ВЦИОМ (пресс-выпуск № 474 от 21.06.2006) 19% россиян нередко давали взятки, а еще 34% приходилось делать это в единичных случаях. Стоит помнить, что данные этого опроса могут не вполне соответствовать реальности, ведь людям может быть стыдно признаться в совершении преступления. Тем не менее даже с учетом этого цифра выглядит впечатляющей. Можно также упомянуть еще один опрос ВЦИОМ примерно того времени, где респондентов попросили назвать самые коррумпированные институты в России: С большим отрывом вперед вышли власть на местах (31%) и ГАИ (30%). В числе «фаворитов» оказались милиция (22%), федеральные власти, правительство (20%) и суд (14%).

Что же нас ждет в будущем? Коррупционные схемы в массовом порядке реализуются государственными служащими на самых разных уровнях. Как долго такая неэффективная система может сохраняться в условиях глобальной конкуренции? Прогноз дать сложно. Если бы Россия действительно оставалась «тихой гаванью» в шторме мирового кризиса, а экономика России продолжала расти, то коррупция как норма только бы упрочнялась. Но кризис реален, и тот социально-экономический порядок, что господствовал в период экономического роста, неизбежно будет подвергнут перестройке. Масштабы такой перестройки будут зависеть от длительности и остроты экономического кризиса, от того, как будет меняться экономическая ситуация в последующие годы. Можно с уверенностью утверждать, что лишь накал ситуации заставит политическую элиту что-то предпринимать.

При обмелении молочных (точнее нефтяных) рек вырастут шансы на то, что «реальная и системная борьба с коррупцией в России начнется. При высоких ценах на нефть лозунги борьбы с коррупцией рассматривались не более чем предвыборная риторика. Сегодня в условиях глубокого спада промышленного производства и стагнации противодействие коррупции становится в буквальном смысле вопросом национального самосохранения.

Добиться реальных успехов в борьбе с коррупцией, воспринимаемой обществом как норма социальных отношений, нельзя принятием тех или иных поправок к законодательству и даже специальных законов по борьбе с коррупцией. Опыт развитых стран показывает, что необходимым условием успеха является политическая конкуренция, независимость суда, свободные СМИ, пра-

вильная мотивация чиновников, активная антикоррупционная политика центра. Чрезвычайно полезными могут стать заимствование отработанных за рубежом правовых механизмов и институтов, делающих работу государственных органов открытой и подконтрольной обществу, препятствующих чиновному произволу, нарушению гражданских прав и свобод.

Если же такой реальной борьбы с коррупцией не будет, то мздоимство окончательно переломит хребет российской экономике, даже без очередного обвала цен на нефть. Именно эта дилемма и стоит сегодня и перед властью, и перед обществом.

*«Можно ли в борьбе с коррупцией в России использовать зарубежный опыт»,
СПб., 2010 г., с. 7–20.*

Светлана Глинкина,
доктор экономических наук (ИЭ РАН)
КОРРУПЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

К началу третьего тысячелетия человечество вступило в ту фазу развития, когда мир становится единым не только с философской точки зрения, но и в реальности. Новая ситуация – результат, прежде всего, активно развивающейся экономической глобализации, ведущей к формированию взаимозависимого всемирного рынка. Экономическая глобализация в свою очередь детерминирует политические интеграционные процессы. Возрастает роль политического, военного и культурного взаимодействия между странами, значение международных организаций, призванных стать в определенных пределах наднациональными органами управления в современном мире. Важной предпосылкой процесса глобализации является существование глобальных проблем (экологический кризис, бедность, межконфессиональные и межэтнические конфликты, терроризм и т.п.), преодоление которых невозможно исключительно в рамках национальных границ. К числу таких проблем с полным основанием можно отнести и существование широкомасштабной коррупции внутри и за пределами национальных государств.

Коррупция как международное явление

Поскольку национальные государства не существуют в вакууме, а включены в глобальную мировую систему экономических и социально-политических отношений, можно говорить о том, что любой разновидности коррупции, в том числе и так называемой «внутренней», или «национальной», присущ международный характер, ведь любой вред элементу системы приводит к ослаблению всей системы. Анализируя влияние коррупции на всемирный финансовый кризис (речь идет об азиатском финансовом кризисе 1998 г), бывший вице-президент США А. Гор отмечал, «никакая страна не в состоянии отгородиться от воздействия коррупции, имеющей место за ее пределами». Процессы глобализации, развитие внешних связей, становление международных политических и экономических институтов дали рождение и новым разновидностям коррупции – ее транснациональной и международной формам.

Как правило, транснациональная коррупция связана с экономической деятельностью хозяйствующих субъектов в иностранном государстве. Она «проявляется в виде подкупа иностранных должностных лиц с целью получения хозяйствующим субъектом возможности вести или продолжать экономическую деятельность в какой-либо стране, либо получать несоответствующее преимущество». Особую опасность при этом представляет коррупция в деятельности транснациональных корпораций (ТНК), которые являются доминирующей экономической силой в современном мире. По данным ООН, насчитывается примерно 80 тыс. транснациональных корпораций, контролирующих свыше 800 тыс. зарубежных филиалов.

Мощь многих ТНК сопоставима с государствами средних размеров. Так, выручка компании «Еххон Mobile Сорп.» в 2006 г. превышала ВВП таких стран, как Швеция, Украина, Австрия, Финляндия или ОАЭ. Такая ситуация существенно ограничивает возможности контроля со стороны национальных государств за деятельностью ТНК как внутри страны, так и в еще большей степени за ее пределами. Доминирующее положение ТНК многократно умножает их коррупционный потенциал, и, как следствие этого, на мировых рынках нередко господствует недобросовестная конкуренция, снижается эффективность проектов и инвестиций.

Развитие международной системы, рост значения и расширение круга стоящих перед ней задач обусловили необходимость

создания крупномасштабной системы международных органов и организаций. Их функции активно развиваются, деятельность охватывает все более широкие сферы жизни мирового сообщества: поддержание мира и безопасности, защита прав человека, регулирование производства и распределения материальных благ, здравоохранение, защита окружающей среды, борьба с организованной преступностью и т.д. и т.п. Особенно велика регулирующая роль международных финансовых институтов, таких как Международный валютный фонд и Всемирный банк. Обратной стороной укрепления роли международных организаций является феномен международной коррупции, которая, как правило, сводится к подкупу должностных лиц международных организаций либо к злоупотреблениям данными лицами своими полномочиями в личных или групповых интересах.

Ряд исследователей выделяют такую разновидность международной коррупции, как подкуп одними государствами других (международную политическую коррупцию). Так, по мнению О.Н. Ведерниковой, «проявлением международной коррупции является факт подкупа странами НАТО правительства Югославии, совершенного в форме обещания многомиллионной финансовой поддержки при условии выдачи президента СРЮ С. Милошевича. Очевидно, что международная коррупция порождает коррупционные войны, продажность правительств, неправосудность судебных решений. В условиях обнищания стран “третьего мира”, низкой эффективности институтов управления в странах с переходной экономикой индустриально развитые страны “первого мира” получают возможность с помощью коррупции свергать неудобные правительства, устанавливать лояльные режимы, подкармливать оппозицию действующим властям».

Зарубежные исследователи отмечают, что негативные последствия политической коррупции не ограничиваются причинением ущерба внутригосударственным интересам, но могут иметь серьезное международное значение. Так, например, утверждается, что решение американской администрации о начале военных действий против Ирака было продиктовано личными финансовыми интересами президента США Дж. Буша, а также интересами влиятельных представителей нефтяного бизнеса, с которыми он связан на протяжении многих лет. Американский политический обозреватель Т. Райт в статье, озаглавленной «Порнография власти», утверждает, что объявленная Ираку война является «коррупционной», поскольку ее истинным мотивом является получение

доступа к иракской нефти, а девизом семьи Буша на протяжении нескольких поколений служит лозунг «нефть всегда гуще, чем кровь», что оправдывает любые злоупотребления с целью получения выгоды.

Масштабы международной коррупции

Международная коррупция отличается высочайшей латентностью. Ревностно относящиеся к своей репутации международные организации стремятся всеми доступными средствами не допускать фактов коррупции, а в случае таковых делают все возможное чтобы не допустить утечки компрометирующей их информации. В большинстве случаев дело ограничивается внутренними расследованиями. Широкая общественность узнает лишь о вопиющих коррупционных скандалах. К числу наиболее известных среди них следует отнести скандал, разразившийся вокруг программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие». Программа была утверждена согласно резолюции Совета Безопасности ООН и позволила Ираку при С. Хусейне продавать нефть на мировом рынке в обмен на продовольствие, медикаменты и другие товары, необходимые населению Ирака. От продовольствия, получаемого по этому плану, напрямую зависело выживание 60% 26-миллионного населения страны.

Первые поставки продовольствия начались в марте 1997 г. Программа работала по следующей схеме: средства за нефть, экспортируемую из Ирака, перечислялись покупателем не правительству Ирака, а на депозитный счет, которым управлял нью-йоркский филиал банка «BNP Paribas». Эти средства частично направлялись на уплату военных репараций Кувейту, частично расходовались на организацию деятельности ООН в Ираке. Остальная, большая часть поступлений, использовалась иракским правительством на закупку определенных товаров, не подпадавших под действие международного эмбарго. На протяжении всех лет реализации программы в адрес участвующих сторон в средствах массовой информации появлялись обвинения в коррупции, приводились факты многочисленных злоупотреблений. В частности, указывалось на то, что большая часть доходов программы поступает на счета «дружественных» компаний и частных лиц, членам правительства Ирака и чиновникам ООН. Прямая причастность руководящих должностных лиц ООН к скандалу выявилась в феврале 2004 г., после того как в документах иракского Мини-

стерства нефти стало фигурировать имя исполнительного директора программы Б. Севана.

По данным доклада специальной независимой комиссии Волкера, Б. Севан получил взятку наличными на сумму около 150 тыс. долл. В 2005 г. по ходатайству комиссии он был лишен статуса неприкосновенности и отстранен от должности в ООН в связи с началом расследования по выявленным фактам мошенничества. Продолжение этой истории оказалось весьма неожиданным. Выяснилось, что ООН, согласно постановлению Административного трибунала этой организации, обязана выплатить «все разумные издержки», понесенные Б. Севаном до 3 февраля 2005 г., что подтвердили представители пресс-службы ООН. Таким образом, ООН вынуждена фактически оштрафовать сама себя за инициированное ею же расследование, причем сумма штрафа значительно превышает размер хищений, инкриминируемых Б. Севану. Точная сумма компенсации будет определена после независимой проверки счетов, выставленных Б. Севану его адвокатами. Первоначальное требование истцов – самого администратора программы и его адвокатской фирмы – составляет 880 300 долл. 98 центов плюс проценты за просрочку. Между тем арестовать и судить Б. Севана американские власти вряд ли смогут. Еще в августе 2005 г., за считанные дни до публикации доклада Волкера он уехал из США и вернулся на родной Кипр. А согласно кипрскому законодательству правительство этой страны не выдает своих граждан другим государствам за преступления, совершенные за границей.

После появления Пан Ги Муна в качестве Генерального секретаря ООН организация по-прежнему остается объектом жестких нападок. Критикуются результаты внутреннего реформирования ООН, в частности создание нового контрольного подразделения вместо прежнего, на счету которого более 300 расследований, выявление около 20 случаев недобросовестного поведения сотрудников ООН и наложение запрета на привлечение к работе в качестве подрядчиков более 50 коммерческих организаций. По мнению ряда наблюдателей, при очередной реформе внутренней структуры ООН остается в силе ее «более чем прохладный подход к выкорчевыванию внутренней коррупции» и в целом главенствует принцип «институционального лицемерия»: «Если утечки информации в наших интересах, мы – за них, а если нет, мы – против».

15 марта 1999 г. после коррупционного скандала впервые в истории Европейского союза состоялась коллективная отставка Еврокомиссии во главе с ее руководителем Ж. Сантером, бывшим

премьер-министром Люксембурга. Отставке предшествовали многочисленные публикации в средствах массовой информации, обвинявшие отдельных еврокомиссаров в фаворитизме, использовании служебного положения в личных целях. Еще в декабре 1998 г. Пауль ван Буитенен из отдела финансового контроля Еврокомиссии передал в Европарламент досье, в котором документально подтверждались факты недобросовестного поведения отдельных членов комиссии. В результате годовой финансовый отчет последней впервые в истории организации не был одобрен. Европарламент сформировал группу из «пяти мудрецов» (трех аудиторов и двух юристов) для проведения расследования сложившейся ситуации. Проводившееся в течение трех месяцев расследование имело целью установить, в какой мере Еврокомиссия как организация или ее члены несут ответственность за факты мошенничества, служебные злоупотребления или кумовство, о которых сообщалось в ходе дебатов в Европарламенте. Результаты расследования были представлены в пространном докладе. Доказанными оказались факты найма на работу родственников и знакомых, заключение контрактов с «дружескими» компаниями, лоббирование экономических интересов определенных групп. Ж. Сантер как глава Еврокомиссии обвинялся в недобросовестном исполнении своих должностных обязанностей, создании «государства в государстве», передаче ряда функций Комиссии сторонним организациям без обеспечения должного контроля за их деятельностью.

Последующие руководители Еврокомиссии заверяли ответственность в своем стремлении выправить внутреннюю ситуацию в аппарате Евросоюза, однако, по мнению ряда экспертов, в частности члена Европарламента Пауля ван Буитенена, борьба с коррупцией в Европе ведется неэффективно: «Новая инстанция – Бюро по борьбе с мошенничеством (European Anti-Fraud Office) успешна в противодействии внешней коррупции в странах ЕС, но не внутри Еврокомиссии». В ходе интервью радиостанции «Немецкая волна» на вопрос, какие меры необходимо было бы принять, чтобы одолеть коррупцию, Пауль ван Буитенен заметил, что в некоторых странах, в Германии или Голландии, уже существуют возможности осуществлять реальный контроль, там есть независимые юридические организации и сильные парламенты. Но «на европейском уровне демократия отсутствует, есть только бюрократия и общая ситуация с коррупцией даже ухудшается, хотя теперь существует положение, призванное защищать разоблачителей коррупции (whistleblowers). Однако если кто-то этим займется, его

просто уничтожат. Если какой-то сотрудник Комиссии, как это было в 1999 г., заподозрен в коррупции, то с началом расследования его перемещают в другой отдел, он продолжает работать и получать зарплату. Если же кто-то поднимает шум, его увольняют. По данным журнала «Шпигель», в 2006 г. на стадии рассмотрения находилось 400 дел по подозрению сотрудников ЕС в коррупции, из них примерно в 70 случаях были замешаны сотрудники центрального аппарата в Брюсселе. «Но лишь самые одиозные дела передаются в итоге в прокуратуру – и все это на фоне того, что нечеткость структур ЕС, непрозрачность и тем более слабый контроль создают прекрасную питательную среду для фаворитизма, семейственности и коррупции», – замечает автор статьи из журнала «Шпигель». Более того, с каждым годом контроль за совершаемыми сделками, особенно со стороны Счетной палаты, становится все более слабым. «Если бы ЕС была компанией, все комиссары давно сидели бы в тюрьме», – замечает Д. Хэннан, депутат Европарламента от Великобритании, один из самых смелых критиков состояния дел в ЕС.

Международная коррупция процветает и в корпоративном секторе, чему долгое время способствовало налоговое законодательство ряда государств, предусматривавшее вычеты из налогооблагаемой базы средств, потраченных на взятки иностранным чиновникам. Прямой подкуп местных чиновников ради получения определенных льгот являлся и является важным институтом, закрепившимся в практике многих стран. Распространенные на II Всемирном форуме по борьбе с коррупцией (Гаага, 2001) данные Государственного департамента США свидетельствуют о том, что только за предшествовавшие форуму семь лет на подкупы чиновников с целью получения около 400 международных контрактов было израсходовано, по меньшей мере, 200 млрд. долл. США.

Чрезвычайно интересные материалы содержатся в Докладе о коррупции в мире за 2009 г. «Коррупция и частный сектор», подготовленном международной неправительственной организацией «Трансперенси Интернэшнл». Согласно этому документу, в одних только развивающихся странах и странах с переходной экономикой компании, вступающие в сговор с коррумпированными политиками и государственными чиновниками, тратят на взятки ежегодно до 40 млрд. долл.

Исследование показывает, что, по оценке половины опрошенных управляющих международными компаниями, затраты на осуществление проектов из-за коррупции выросли за последние

пять лет минимум на 10%. Расплачиваются в конечном счете граждане: в период с 1990 по 2005 г. потребители по всему миру переплатили около 300 млрд. долл., пользуясь услугами почти 300 негосударственных международных картелей.

Абсолютное большинство среди фирм-взяткодателей составляют западные компании, действующие в развивающихся странах. В средствах массовой информации широко освещался ход американо-германских расследований в отношении компаний «Сименс» и «Даймлер», осуществлявших коррупционные выплаты в более чем 20 странах мира. В заключении по делу «Соединенные Штаты Америки против Daimler AG», размещенном в юридической базе судов ПАСЕ, детализировано обвинение в коррупционных связях германской автомобильной компании и чиновников разных стран. Пользуясь тем, что компания «Даймлер» была зарегистрирована в США и у правоохранительных органов этой страны был доступ к ее финансовым документам, Минюст провел проверку деятельности компании. Специалисты выяснили, что в течение 10 лет – с 1998 по 2008 г. – «Даймлер» участвовал в коррупционных схемах по подкупу чиновников, чтобы получить госзакупки на выгодных условиях. Всего установлены случаи коррупции в 22 странах, в том числе в Египте, Туркмении, России, Германии, Вьетнаме, Венгрии, Нигерии и других странах. В обвинительном заключении Минюста сообщается, что представитель «Даймлер» в России давал взятки российским чиновникам в период с 2001 по 2005 г. напрямую, а также через агентов и холдинговые компании. Среди покупателей значатся сотрудники МВД, Минобороны, Гараж особого назначения, администрации Уфы и Нового Уренгоя, а также «Доринвест» и некие анонимные чиновники. Всего за этот период немецкая компания продала российским госучреждениям автомобилей на общую сумму 64,6 млн. евро. «В связи с этими продажами транспортных средств “Даймлер” совершил незаконных платежей на 3 млн. евро российским правительственным чиновникам», – сообщается в докладе. В апреле 2010 г. между американской юстицией и автоконцерном было заключено мировое соглашение в рамках внесудебного урегулирования предъявленных обвинений. Концерн был оштрафован на 180 млн. долл. С начала сентября 2010 г. разгорается вторая волна коррупционного скандала вокруг компании «Сименс». Первая была связана с подозрениями немецких правоохранительных органов о том, что компания предоставляла откаты российским чиновникам при заключении контрактов на продажу телекоммуникацион-

ного оборудования. Руководство компании привлекло к ответственности ряд высокопоставленных менеджеров. Вторая волна скандала – следствие выявленного прокуратурой Швейцарии крупного подозрительного счета, принадлежащего концерну. Швейцарский банк, где был открыт счет, обратился в прокуратуру с просьбой проверить его на предмет отмыwania денег. В результате была обнаружена целая сеть фирм, которые получали от «Сименс комьюникэйшнс» («Simens Communications») крупные гонорары за дорогостоящие услуги, такие как консалтинг или развитие проектов. Прокуратура выясняет, не идет ли речь о фиктивных фирмах и контрактах. По версии следствия, после того как многомиллионные суммы выводились из «Сименс», ими распоряжались особые управляющие из числа бывших сотрудников концерна. Вполне достоверными, впрочем, считаются сведения о том, что бывшие менеджеры «Сименс комьюникэйшнс» и другие управляющие действовали не по собственной инициативе, а по указаниям концерна.

Анализ показывает, что ни одна отрасль мировой экономики не является свободной от коррупции, однако особенно высоки взятки при заключении контрактов на поставку вооружений, доступ к разработке природных ресурсов, организацию строительных работ. Так, в ноябре 2005 г. в США к 15 месяцам тюрьмы и штрафу в размере 91 тыс. долл. был приговорен экс-менеджер компании «Хэллбэртэн» Г.А. Пауэлл. Он был признан виновным в том, что за вознаграждение в 110 тыс. долл. пролоббировал интересы иракской компании, с которой был заключен контракт на восстановление четырех зданий в Ираке. В документах, поданных в американскую комиссию по ценным бумагам и биржам, концерн признал факты «неуместных выплат», совершенных в нарушение законов Германии и США. Расследование по этому поводу проводилось властями двух стран с 2004 г. в рамках изучения работы программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие».

В октябре 2006 г. норвежская нефтяная компания «Статойл» признала себя виновной в даче взяток иранскому высокопоставленному чиновнику в 2003 г. и согласилась заплатить штраф в размере 21 млн. долл. Расследование проводилось Министерством юстиции и комиссией по ценным бумагам и биржам США. Взяткой был признан 11-летний контракт на сумму 15,2 млн. долл. с иранской консалтинговой компанией «Хортон инвестмэнт», после подписания которого норвежцы получили право на разработку иранского нефтяного месторождения Южный Парс.

В октябре 2006 г. главе департамента разведки и производства французской «Тоталь» Кристофу де Маржери предъявлены обвинения в даче взяток иракским чиновникам. По подозрению французской полиции менеджер использовал связи в правительстве Саддама Хусейна, чтобы в 1996–2002 гг. выплачивать взятки чиновникам в обмен на более удобный для «Тоталь» доступ к иракской нефти. Предполагается, что выплаты компания проводила через швейцарскую компанию «Теллиак».

Исследователями фиксируется много случаев, когда ТНК прямо вмешивались в политику местных властей, инициировали кампании по формированию новых правительств, которые были бы более восприимчивы к их требованиям. Результаты исследований, представленных в Докладе о коррупции в мире за 2009 г., свидетельствуют о том, что чрезмерное и неправомочное воздействие некоторых финансово мощных компаний на принятие политических решений приводит к возникновению клептократических систем и задержке роста экономики. По расчетам «Стандарт энд пуэрс» («Standard & Poor's»), в 2008 г. почти трети из 100 компаний с наибольшей капитализацией, требовался внутренний контроль затрат на политический лоббизм.

Как правило, попытки лоббирования непрозрачны и направлены на то, чтобы избежать системы сдержек и противовесов.

*«Новая и новейшая история»,
М., 2011 г., № 11, с. 13–21.*

Роман Силантьев,
кандидат исторических наук (МГЛУ, г. Москва)
**ИСЛАМО-ХРИСТИАНСКИЙ
«ДИАЛОГ» В РОССИИ**

Межрелигиозный диалог в постсоветский период российской истории приобрел особое значение в связи с резким обострением межнациональных и межрелигиозных отношений на постсоветском пространстве. Советская политика профилактики такого рода конфликтов, строившаяся на атеистической пропаганде и стирании границ между этносами, быстро стала неактуальной, а адекватной замены ей найти не удалось. Именно поэтому власти делегировали немалую часть полномочий по предотвращению конфликтов на религиозной и национальной почве общественным деятелям и духовным лидерам, оказавшись особенно заинтересо-

ванными в создании постоянно действующих структур, в рамках которых могли бы находить общий язык люди разных национальностей и вероисповеданий.

Межрелигиозный диалог в новейший период, так же как и в советское время, оказался нацелен в первую очередь на миротворческую деятельность, однако только этим его задачи не исчерпывались. К участию в нем были допущены не все желающие, а только представители крупнейших религиозных традиций России, в 1997 г. получивших название «традиционные конфессии». Основными участниками межрелигиозных мероприятий в постсоветской России стали православные христиане, мусульмане, иудеи и буддисты, изредка к ним присоединялись католики и старообрядцы и никогда – последователи новых религиозных движений.

Взаимопольное сотрудничество традиционных конфессий действительно смогло снять напряжение в сфере межрелигиозных и межнациональных отношений, а также помогло дополнительно оптимизировать процесс духовного возрождения России. Духовные лидеры разных религий смогли совместными усилиями добиться у властей реализации важных инициатив в защиту традиционных духовных ценностей россиян. К сожалению, ситуация в межрелигиозном диалоге в постсоветской России оказалась не такой безоблачной, как во время первых межрелигиозных встреч советского периода. Ряд мусульманских лидеров России не упустили возможность прослыть защитниками интересов мусульман через выпады в адрес других религий. Такого рода политика помимо обострения межрелигиозных отношений привела также к значительному росту исламофобии, так как среднестатистические граждане России не были осведомлены о расколе исламского сообщества и воспринимали сделанные с телеэкранов и газетных полос резкие заявления некоторых муфтиев как консолидированную позицию всех мусульман.

Особенно отличились на этой стезе лидеры Совета муфтиев России. Молодой муфтий Равиль Гайнутдин изначально постарался как можно сильней отмежеваться от своего учителя Талгата Таджуддина, известного особо теплыми отношениями с Русской православной церковью, и занял максимально непримиримую позицию по отношению к православному большинству. После резких выпадов в адрес РПЦ, сделанных в середине 1990-х годов, он попытался примириться с Московским патриархатом, в 1997 г., даже издав специальную фетву об уважении к иудеям и христианам, однако конструктивного сотрудничества с православными у

него не получилось. Так, встретившись в сентябре 1998 г. с Патриархом Московским и всея Руси Алексием II, Гайнутдин поспешил заявить, что по его требованию Патриарх снял с занимаемой должности архиепископа Ярославского и Ростовского Михея, которой якобы препятствовал строительству второй мечети в Ярославле. На самом деле никаких санкций в отношении архиепископа не последовало, а первая личная встреча Гайнутдина с Патриархом стала и последней.

Конечно, отношение лидеров Русской православной церкви к мусульманским духовным лидерам «старого» и «нового» поколений заметно различалось. Расколы и свержения уважаемых муфтиев не прошли незамеченными православной общиной, тем более что гонимые представители «старого» поколения временами были вынуждены просить православных братьев о помощи – как это, например, сделал верховный муфтий Талгат Таджуддин осенью 1994 г. Кроме того, руководство Московского патриархата не могла не огорчать и оскорбительная критика в адрес своих давних партнеров по межрелигиозному диалогу, инициаторами которых выступали предавшие их ученики и сподвижники. В конце концов, большие сомнения у православных вызывала и легитимность новых муфтиев, многие из которых выглядели откровенно криминальными элементами или экстремистами. Все это в совокупности сильно затрудняло установление отношений с Высшим координационным центром духовных управлений мусульман России, а затем и с Советом муфтиев России.

Со своей стороны, новые лидеры российского ислама не скрывали враждебного отношения к православным. Пока Русская православная церковь вела переговоры с мусульманами Кавказа об урегулировании чеченского кризиса, муфтий Равиль Гайнутдин давал интервью следующего содержания: «К сожалению, высшие иерархи наших церквей в основном встречаются, декларируют, а на деле не осуществляются те достигнутые договоренности. И я хотел бы показать на примере. И Святейший Патриарх Московский и Всея Руси, и другие руководители, встречаясь с мусульманскими религиозными деятелями, говорят, что на территории Чечни ведется конфликт не на религиозной основе. Мы уважаем друг друга и призываем наших верующих, чтобы они встали на путь мира и согласия. В то же время Русская православная церковь направляет своих священнослужителей в войсковые части, которые ведут войну на территории Чечни. Отправляя воинов на войну, они благословляют их на убийство. И мусульмане, увидев, что свя-

щенник Русской православной церкви благословляет на убийство и освящает оружие, спрашивают: а где же та искренность, а где же те договоренности, которые были заявлены, что “мы не будем поощрять войну, убийства наших граждан”?”. В марте 2000 г. в Мемориальной синагоге на Поклонной горе, на третьем заседании Межрелигиозного совета России муфтий Равиль Гайнутдин устроил скандал по причине присутствия на нем верховного муфтия Талгата Таджуддина и покинул заседание, изложив свою позицию в статье «Кому выгоден раскол мусульман?», напечатанной его советником Вячеславом-Али Полосиным в «Мусульманской газете».

Главная мысль этой статьи заключалась в том, что у мусульман России есть один законный лидер – Равиль Гайнутдин, поэтому Православная церковь поступила провокационно, позвав в МСР также «запыленную фигуру прошлого» – верховного муфтия Талгата Таджуддина. «А кому вообще было нужно приглашать “альтернативное” Совету муфтиев России Уфимское центральное духовное управление? Как отреагировал бы сам митрополит, если бы, придя на заседание МСР, он увидел бы рядом с собой анафематствованного им священника Глеба Якунина, киевского патриарха, епископов Зарубежной и Катакомбной церквей? Имеет ли сам митрополит полномочия представлять интересы самой древней христианской церкви в России – старообрядческой?» – вопрошал автор статьи.

С 2005 г. Совет муфтиев стал резко критиковать инициативы Русской православной церкви по введению в школах основ православной культуры и возрождению института военных священников, невзирая на то, что ранее муфтий Равиль Гайнутдин собственноручно подписал обращение Межрелигиозного совета России к министру образования В.М. Филиппову о раздельном преподавании в средних школах основ четырех традиционных религий России. Апогеем антиправославных заявлений Равиля Гайнутдина стали его высказывания на пресс-конференции в феврале 2006 г., когда он обвинил православных иерархов в сознательном занижении численности мусульман, которых на самом деле в семь раз больше, чем православных христиан.

В одном ключе со своим лидером выступали и другие представители Совета муфтиев России. Председатель Совета, муфтий Саратовской области кардинальным образом ухудшил отношения с Саратовской епархией Русской православной церкви, сначала написав хвалебное предисловие к антихристианской книжке

«Евангелие глазами мусульманина», а затем резко выступив против установки поклонных крестов. Представитель Совета муфтиев в Дальневосточном федеральном округе муфтий Абдулла-Дамир Ишмухаммедов в начале 2009 г. заявил, что православие может вызвать социальный взрыв в Приморском крае, после чего получил гневную отповедь Владивостокской епархии, которая прекратила с ним все отношения.

Наиболее тяжелые последствия для христианско-мусульманского диалога имела риторика главы ДУМ Азиатской части России Нафигуллы Аширова и главы ДУМ Нижегородской области Умара Идрисова. Сначала, 5 декабря 2005 г., на сайте Вячеслава-Али Полосина появилась подборка мнений ряда мусульманских деятелей, которые требовали убрать христианскую символику с Герба России. Причины, по которым верховный муфтий Нафигулла Аширов, карельский муфтий Висам Бардвил и глава аппарата ДУМ Нижегородской области Дамир Мухетдинов заметили на гербе кресты и святого Георгия Победоносца только через пять лет после его утверждения Государственной думой, так и остались неизвестными, однако резонанс их высказывания вызвали самый широкий. Дискуссия об изменении герба быстро переросла в скандал, в котором все ведущие СМИ подвергли резкой критике «гербофобов». Не менее резкие заявления сделали представители Русской православной церкви, ЦДУМ и КЦМСК, иудейских и буддийских центров. Муфтий Равиль Гайнутдин был приглашен в Администрацию Президента РФ, где ему напомнили о недопустимости подобных выступлений и настоятельно рекомендовали денонсировать сделанные его соратниками заявления. На следующий день московский муфтий заявил, что «мы живем в светском государстве и уважаем государственную символику Российской Федерации, принятую Государственной думой и утвержденную Президентом России», однако его сопредседатели остались при своем мнении.

В конце февраля – начале марта 2007 г. Аширов сделал ряд резких заявлений в отношении православных, иудеев и госчиновников, особенно ополчившись на факультативное преподавание «Основ православной культуры» в школе при российском посольстве в Гаване. «Решение родительского собрания не может идти вразрез с Конституцией. Если завтра родители захотят, чтобы их дети изучали “Майн кампф”, это что, будет законно, и директор школы обязан будет идти у них на поводу? Есть же государственные нормы!» – заявил «Интерфаксу» Н. Аширов, назвав свою ар-

гументацию «железной». В итоге за антисемитские заявления верховного муфтия извинилась пресс-служба Совета муфтиев, а за сравнение Евангелия с «Майн кампф» – сам Аширов лично. В марте 2008 г. Нафигулла Аширов переключился на «еврейскую» тему, развив свои высказывания на тему Израиля, сионизма и евреев как таковых. Иудеи на эти высказывания отреагировали вполне предсказуемо, в очередной раз потребовав от Совета муфтиев объяснений. Правда, на этот раз, не получив вразумительного ответа, Федерация еврейских общин России (ФЕОР) объявила о замораживании отношений с Советом.

Глава Совета муфтиев Равиль Гайнутдин, снова поставленный своими сподвижниками в крайне неудобное положение, первое время упорно отмалчивался. Действительно, осудить антисионистские заявления Аширова он никак не мог – это означало бы политическое самоубийство как в арабском мире, так и среди большей части адептов Совета муфтиев. Поддержка же своего прямолинейного сопредседателя сулила Гайнутдину глубокое неудовольствие властей и автоматический выход из процесса межрелигиозного диалога. Поэтому московский муфтий молчал до последнего, а на его сайте повторялась дежурная фраза о том, что «официальная позиция Совета муфтиев России вырабатывается и принимается коллегиально и озвучивается Председателем СМР или уполномоченными на это лицами», а ответственность за этот конфликт возлагалась на журналистов и иных провокаторов, среди которых был назван почему-то епископ Егорьевский Марк, заместитель председателя Отдела внешних церковных связей Московского патриархата.

Развивающийся конфликт пыталась урегулировать Общественная палата, однако на посвященное ему заседание представители Совета муфтиев не пришли, что не помешало членам комиссии по межнациональным отношениям и свободе совести принять антиашировское заявление. Впрочем, в самый острый момент конфликта его стороны удалось помирить – главный раввин России Берл Лазар и муфтий Равиль Гайнутдин при посредничестве целого ряда высокопоставленных лиц встретились и приняли совместное заявление, в котором даже никого не осудили. В обмен на прекращение конфликта муфтий Равиль Гайнутдин пообещал Берлу Лазару если не избавиться от Нафигуллы Аширова полностью, то хотя бы вывести его из числа сопредседателей Совета муфтиев.

Казалось, главе Совета муфтиев удалось сохранить лицо, с наименьшими потерями пережив столь щекотливую ситуацию, однако входящий в Совет муфтий Карелии Висам Бардвил имел особое мнение на этот счет. После долгожданного примирения он активно поддержал своего коллегу Аширова, с новыми силами обрушившись на «преступный сионизм». Возмущенные иудеи вновь запросили официальную реакцию Совета муфтиев, где им традиционно ответили «о лицах, имеющих право выражать официальную позицию Совета». Висама Бардвила не осудили, однако пообещали подобных высказываний впредь не допускать. Это обещание продержалось ровно сутки – до того момента, когда Нафигулла Аширов расставил все точки над «i», заявив, что ФЕОР устроила провокацию против мусульман, ввела в заблуждение Равиля Гайнутдина, в то время как подавляющее большинство мусульман России искренне не любят сионистов. «Я уверен, что он (московский муфтий) никогда не будет осуждать тех людей, которые осуждают преступления сионизма», – прямо заявил Аширов «Интерфаксу». В итоге ФЕОР официально прекратила отношения с Советом муфтиев России, о чем в январе 2009 г. упомянул его председатель, главный раввин Берл Лазар: «Мы полагаем, что в Совете муфтиев России есть радикальные силы, а г-н Гайнутдин, к сожалению, не контролирует ситуацию. Он заверял нас, что не согласен с муфтием Ашировым, мы это слышали многократно. Поэтому практически мы с Советом муфтиев не сотрудничаем. Когда мы получаем от них приглашения, мы их не принимаем. Я общаюсь с г-ном Гайнутдином, как с одним из муфтиев», – заявил он в интервью газете «Известия».

В сентябре 2005 г. глава ДУМ Нижегородской области Умар Идрисов в своей речи, посвященной годовщине трагических событий в Беслане, произнес следующую фразу: «В октябре 1552 г. русское воинство, напутствуемое духовенством, получило разрешение на резню всех татар мужского пола в Казани, всех, кто был выше колесного обода», чем фактически приравнял православное духовенство к духовным лидерам террористов-детоубийц. Осенью 2005 г. на официальном сайте Нижегородского муфтията появились материалы, которые резко критиковали празднование Дня народного единства, обвиняя Русскую православную церковь в его некорректном лоббировании, сообщали об антиисламском сговоре Московского патриархата с властью и призывали мусульман оказать влияние на выборы следующего Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси. В итоге в декабре 2005 г. Нижегородская

епархия выступила со следующим заявлением: «В последнее время некоторые представители Духовного управления мусульман Нижегородской области выступили с заявлениями, которые дестабилизируют сложившиеся межконфессиональные и межэтнические отношения в регионе. В связи с этим Нижегородская епархия Русской православной церкви заявляет, что Нижегородскую область всегда отличали веротерпимость, межрелигиозный мир и взаимное уважение традиционных для нашей страны религиозных сообществ. Подобного рода безответственные действия представителей Духовного управления мусульман Нижегородской области являются провокационными и направлены на разжигание межнациональной и межконфессиональной вражды. Нижегородская епархия выражает серьезную озабоченность в связи с вышеизложенным и призывает все здоровые силы общества противостоять участвовавшим попыткам расшатать стабильную политическую и религиозную ситуацию в регионе», после чего прекратила все отношения с ДУМ Нижнего Новгорода и Нижегородской области.

Данный случай официального разрыва отношений между православными и мусульманами стал первым в новейшей истории России. И, по всей видимости, не последним – культура межрелигиозного диалога быстро падает, о чем с обеспокоенностью говорил Межрелигиозный совет России весной 2008 г. Острых моментов в православно-мусульманских отношениях в России со временем станет только больше, поэтому одной из задач мусульманской дипломатии на этом направлении станет выработка новых форм диалога и устранение от участия в нем откровенных христианофобов.

«Национальные интересы», М., 2011 г., № 1, с. 36–39.

Г. Овруцкая, Ю. Синявская,

политологи

КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННЫХ ДИАСПОР В ПРИНИМАЮЩИХ ОБЩЕСТВАХ (На примере Ростовской области)

Стремительный рост иммигрантских сообществ и их институционализация заставили заговорить о «диаспоризации мира» как об одном из сценариев развития человечества. Диаспоры оказывают серьезное влияние на принимающие страны. Они меняют их демографическую структуру, этнический и конфессиональный

состав. Что касается определения самого термина «диаспора», то ситуация в научном мире неоднозначна. Мы представляем диаспору как часть этноса, рассеянную по территориям, которые занимают другие этнические общности, причем деятельность этой части направлена на сохранение и воссоздание своего этнокультурного облика и консолидацию ее членов по этническому признаку. Основными характеристиками диаспоры являются наличие «исторической родины»; поддержание коллективной памяти о географической локации, истории, культурных достижениях; установление хозяйственно-экономических связей с новым местом; естественное воспроизводство численности группы на данной территории.

Транснациональность – еще одна важная характеристика диаспор, приобретаемая ими в последние годы. Трансформация диаспор («транснациональных общностей»), по мнению В.А. Тишкова, стала результатом изменения характера пространственных перемещений, появления новых транспортных средств и коммуникативных возможностей, а также видов деятельности. Коммуникативное пространство этноса при перемещении части его членов на новую территорию проживания организует их и дает им поддержку. Сплочению диаспоры способствуют культурные и конфессиональные отличия от принимающего общества. Эти различия, с одной стороны, ведут к большему отчуждению по отношению к коренному населению, а с другой стороны, стимулируют установление связей с соотечественниками, возрождение своей культуры и укрепление структуры диаспоры в целом. Однако, диаспоры не однородны и не все их члены одинаково этноцентричны. Здесь возможны две очевидные ситуации, зависящие от степени устойчивости диаспоральной культуры и диаспоры к ассимиляции или аккультурации: при низкой устойчивости намечается интеграция в принимающее общество, при высокой – культурный конфликт, который, на наш взгляд, является первичным в этой ситуации по отношению к возможным этнополитическим конфликтам. Второй вариант более характерен для тех групп, которые предпочитают селиться компактно. Они создают своеобразные анклавные территории, где живут не только в соответствии со своими культурными нормами, но и, что более серьезно и опасно, пытаются приводить в действие законы страны исхода, происходит «транснационализация места». Это касается таких общин, как китайская, турецкая, арабская и ряда других. Именно диаспоры такого типа несут в себе наиболее конфликтный потенциал. Люди могут жить

годами изолированно в этих анклавах, не выучив язык страны пребывания, не говоря уже о ее культуре и законах.

Россия, учитывая постоянное нарастание плотности миграционных потоков и численный рост диаспор, в этом отношении не составляет исключения. Диаспоры стали важнейшим фактором социальной, культурной, политической и экономической сферы регионов, поэтому их изучение позволяет оптимизировать менеджмент в сфере межкультурных, а также этносоциальных отношений. Однако роль и место общин диаспор в общественной жизни российских регионов имеет свою специфику. Особенно выделяется в этом плане Северо-Кавказский регион.

В Ростовской области формирование современной этнокультурной / этноконфессиональной карты проходило в два этапа. Первый этап: примерно с середины 60-х годов XX в. в Ростовскую область стало приезжать большое количество представителей народов Кавказа. В основном они расселялись в юго-восточных, а затем и в восточных районах области. Большую часть приезжих составляли чеченцы, постепенно возвращавшиеся из Средней Азии после сталинской депортации (основной вид деятельности – сельское хозяйство, овцеводство). В 1970 г. количество чеченцев в Ростовской области не превышало 2527 человек, а к 1979 г. их было уже 9183 человека. К 1989 г. основная часть чеченской диаспоры проживала в Дубовском (более 2 тыс. человек); Заветинском (около 4 тыс.), Зимовниковском (более 2 тыс.), Пролетарском (более

1 тыс.), Ремонтненском (более 2 тыс.) районах.

Кроме чеченцев в Ростовской области с конца 70-х годов отмечается количественный рост числа представителей дагестанских народностей – даргинцев, аварцев, лезгин, кумыков, табасаранцев, а также переселенцев с Южного Кавказа – азербайджанцев. Рост численности кавказских диаспор во многом был обусловлен системой отходничества – выездом работоспособного мужского населения в экономически более развитые регионы Советского Союза, в число которых входила и Ростовская область.

Последняя волна миграции мусульманского населения на Дон была связана с развалом СССР. Основными факторами миграции становились, во-первых, разгоревшиеся конфликты на постсоветском пространстве, повлекшие за собой волну вынужденных переселенцев, во-вторых, экономический кризис. Отличительной чертой последней волны миграции было то, что большинство приезжих составляли выходцы с Кавказа и Средней Азии.

Количество представителей этносов, традиционно исповедующих ислам, по данным переписи 2002 г., составляло в Ростовской области около 110 тыс. человек (примерно 2,5% всего населения).

Таким образом, на территории Ростовской области сформировались два самостоятельных типа диаспор, отличающихся завершенностью процесса социальной адаптации: традиционные и новые. Традиционные диаспоры области (армянская, греческая, немецкая) характеризуются наличием продолжительной традиции проживания в регионе. Это определяет специфику расселения, тип поселений, тенденции занятости, высокую степень социокультурной адаптации и слабо выраженную конфликтность, доминирование культурного направления работы организаций.

Второй тип – новые диаспорные общины – сформировались в Ростовской области в постсоветский период. Главными условиями формирования диаспор были как стрессовые (чеченцы, турки-месхетинцы), так и экономические (даргинцы, аварцы и др.) причины. При этом миграция носила неконтролируемый характер. Представители молодых диаспор в подавляющем большинстве проживают в сельской местности; их отличает большая компактность проживания в ограниченном числе районов области. Новые диаспоры обладают относительно высоким уровнем миграционного и естественного прироста, поэтому в них достаточно высок процент молодежи. Для этого типа характерна специализация на определенном виде деятельности, в частности – скотоводстве. Специфику адаптации новых диаспор определяет сравнительно большая культурная дистанция с местным обществом, объясняемая, в том числе, и культурно-религиозными различиями, при этом наиболее культурно дистанцирована диаспорная молодежь.

Изменение этноконфессионального баланса в Ростовской области сопровождалось конфликтными ситуациями, например, конфликты с участием представителей этнических мусульман: турок-месхетинцев, чеченцев и представителей дагестанских народов (в Багаевском, Ремонтненском, Сальском районах). Во всех конфликтах принимали участие представители казачьего движения Дона. Однако большинство межэтнических конфликтов в своей основе носили экономическо-хозяйственный, либо криминальный характер и не представляли собой религиозное противостояние. С другой стороны, нельзя не признать этнокультурную основу таких конфликтов, тот факт, что подобные ситуации вызывают слишком сильный резонанс в обществе коренного населения, которое с течением конфликта пытается разделять участников

именно по этнокультурному признаку, а не по признаку личного экономического успеха или принадлежности к криминальным сообществам.

Конфликтные тенденции в Ростовской области подталкивают представителей этноорганизаций к сотрудничеству с представителями коренного населения. Особую роль играет казачество как один из посредников в урегулировании данных конфликтов. Об этом свидетельствует ряд подписанных соглашений о мирном сосуществовании между казаками и представителями диаспор. Происходит осмысление необходимости добрососедских отношений, наблюдается кооперация сил духовных наставников с целью урегулирования возникающих противоречий: религиозно-культурная коммуникация становится одной из ведущих на пути к согласию. Например, к урегулированию конфликта в Сальске (2006) были привлечены представители местного духовенства и национальных организаций.

Полагаем, что конфликтогенность новых диаспор определяется в первую очередь не социально-экономическими (безработица, жизненно-бытовые условия, этническая преступность), а социокультурными и культурно-психологическими факторами (культурная дистанция, негативные этнические стереотипы). Поэтому в основу профилактики культурных конфликтов между диаспорами и принимающим населением предлагается положить политику, направленную на изменение стратегии общин новых диаспор в отношении социокультурных норм большинства, а также на подготовку местного населения к позитивному восприятию инокультурных групп и возможным противоречиям с ними. С этой точки зрения предпочтительно принятие диаспорами стратегии культурной адаптации, создающей условия для снятия противоречий в сфере культурных и межличностных коммуникаций.

Считаем, что методологической основой интегративных процессов является логика консенсусной этнокультурной парадигмы, в рамках которой диаспоры рассматриваются не только как конфликтогенный, но и позитивный ресурс в полиэтнических обществах. В рамках данного подхода, этничность, как фактор повседневной рефлексии, определяющей контуры взаимодействия как на межличностном, так и на межгрупповом уровнях, имеет позитивный характер. Большое значение при формировании позитивной идентичности имеет использование конструктивного ресурса института национально-культурной автономии. Необходимо также совмещение национально-культурной деятельности с рабо-

той по интеграции, включению в институты гражданского общества, координации деятельности диаспоральных общественных объединений со стороны государственной власти. Целью проведения вышеобозначенных управленческих стратегий является предупреждение обретения диаспорами этнополитической конфликтной субъектности в принимающем их обществе.

«Современное развитие регионов России: Политико-трансформационные и культурные аспекты», Уфа, 2010 г., с. 228–232.

Гульнара Габдрахманова,
кандидат социологических наук (Татарстан)
**ФОРМИРОВАНИЕ РЫНКА ХАЛЯЛЬ-
ПРОДУКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
НА ПРИМЕРЕ ТАТАРСТАНА**

Одним из заметных проявлений ислама в современном мире стало формирование рынка товаров и услуг под маркой «халяль». Это явление стало довольно заметным и в российском обществе. В России халяль-рынок не предполагает его обязательной монополизации в руках представителей исламского сообщества или какой-то одной этнической группы. В российском халяль-рынке задействованы представители разных народов и конфессий, как на уровне производства, так и на уровне потребления. Это значит, что рынки этнических товаров и услуг могут продуктивно функционировать в полиэтничной и поликонфессиональной среде.

**Современный рынок
халяль-продуктов у татар**

Пища – один из важнейших специфических элементов традиционной культуры. В основе пищи каждого народа лежат два определяющих фактора – исходные продукты и способы их обработки. Среди татар-мусульман мясо крупного рогатого скота, баранина, птица, конина и субпродукты являлись одними из основных продуктов питания, а блюда из мяса отличались большим разнообразием. Естественной основой кулинарии татар в части мясных продуктов были принципы содержания, забоя скота, потребления мяса, базирующиеся на канонических правилах ислама и на исламской культуре, адаптированных к местным условиям.

В современных условиях среди российских мусульман в отношении потребления мясных изделий актуализировалось понятие «халяль» (свободное, дозволенное). Сегодня на прилавках крупных супермаркетов, магазинов пошаговой доступности, на продуктовых рынках, в магазинах при мечетях продается продукция под маркой «халяль».

Сфера торговли продуктами халяль – интересный объект для научного исследования. Это связано с тем, что в конце XX в. в мусульманской среде именно здесь начались поистине фундаментальные и при этом достаточно быстрые сдвиги, касающиеся и структурных, и институциональных элементов рынка товаров и услуг для мусульман. По данным маркетинговой компании JWT MENA, всемирный халяль-рынок оценивается в 580 млрд. долл. США (Маркетинг-2010). По другим оценкам, рынок продукции халяль, куда входят как продовольственные продукты, так и непродовольственные товары, оценивается примерно в 2,1 трлн. долл. Сегодня этот рынок обеспечивает 1,6 млрд. мусульманского населения планеты. Наиболее крупные производители халяль-продуктов ежегодно встречаются в Малайзии на специальном форуме. На мероприятие с постсоветских территорий приезжают представители Казахстана и Республики Татарстан.

В последние годы термином «халяль» обозначается не только питание, но и множество сфер жизнедеятельности мусульман, в частности татар. Это понятие стало выполнять символическую функцию. Как показывают наши наблюдения, в России халяль ассоциируется в массовом сознании и дискурсе религиозной элиты с нормами поведения, определенными видами трудовой деятельности, способами получения источников к существованию, принципами питания, одеждой, культурными символами и атрибутами. Предприниматели, потребители, исламские лидеры, журналисты указанным словом именуют все, что может иметь черты халяль, т.е. не противоречить нормам ислама. Если исходить из предложенного В.В. Радаевым определения рынка, под которым он понимает «совокупность структурно связанных продавцов и покупателей определенного товара, деятельность которых регулируется сходными правилами и разделяемыми большинством участников концепциями контроля», то, на наш взгляд, можно говорить о формировании в России халяль-рынка.

Его ведущие участники:

1. Производства (предприятия, цеха, кафе, рестораны, ателье), торговые сети, специализированные магазины, деятельность

которых направлена на продажу: продуктов питания; косметической и гигиенической продукции, фармакологических препаратов; мусульманской одежды, атрибутов.

2. Мусульманские организации и туристические фирмы, которые организуют паломнические туры и отдых для мусульман в специальных отелях.

3. Интернет-сайты и журналы, часть которых создается специально для правоверных, другая рекламирует мусульманские товары и услуги.

4. Операторы мобильной связи, рекламирующие услуги для мусульман – чтение аятов, sms-сообщения о времени намаза и т.д.

5. Медицинские клиники, предлагающие услуги по нормам ислама.

6. Спортивные учреждения, организующие олимпиады для мусульман.

Интересно отметить, что стали предлагаться услуги мусульманского такси, водитель его – правоверный, по желанию клиента во время поездки можно прослушать запись чтения аятов.

Халяль-рынок проявляет себя в разных уголках постсоветского пространства и уже начал привлекать внимание научного сообщества России. Из известных нам работ следует отметить публикацию О. Вендиной и А. Малашенко. Авторы фиксируют «халяль» как новый феномен у современных мусульман. В работах подчеркиваются самые разнообразные его проявления: это магазинные продажи, сети общественного питания, особенности проведения светских мероприятий и оказания гуманитарной помощи. В последние годы стали печататься статьи в богословских и специализированных энциклопедических словарях. Однако специального научного исследования халяль-рынка в нашей стране, включающего производство и продажу разнообразных товаров и услуг, именуемых маркой «халяль», пожалуй, еще не предпринималось.

При изучении этой проблемы мы считаем продуктивным междисциплинарный подход. Наряду с методологией, методами и аналитическими материалами этнографической науки, раскрывающими традиции питания, необходимо привлечь теоретические наработки экономической социологии, позволяющие понять социальные причины актуализации понятия «халяль» в нынешних условиях. Материалы, которые легли в основу статьи, собраны в ходе экспедиционных выездов в регионы Поволжья – Пензенскую обл. (г. Пенза и с. Средняя Елюзань), Удмуртию (г. Можга) и сель-

ские районы Республики Татарстан. Ведется наблюдение в г. Казани.

Эволюция халяль-рынка среди татар

В традиционном быту татар халяль-рынок развивался внутри мусульманской уммы. У татар-мусульман Поволжья наблюдается массовое, основанное на исламских традициях потребление мяса и мясных изделий из баранины, конины, говядины, птицы (куры, гуси, утки). Эта традиция сохранялась за счет проживания татар в сельской местности и производства мяса внутри семейных домохозяйств. Этот период продолжался примерно до 1917 г.

В советский период на рынке наблюдался спад. Российские мусульмане оказались втянутыми в процесс производства и частичного потребления мясных продуктов, запрещенных исламом, – харам-продуктов: мяса животных, забитых не по мусульманской традиции, свинины и изделий, ее содержащих, а также других продуктов харам (прежде всего алкоголя). Между тем, как свидетельствуют экспедиционные наблюдения этнографов, ислам и питание, базирующееся на исламской традиции, в советский период среди татар-мусульман сохранили важную жизнеобеспечивающую и смыслообразующую роль, поддерживающую основу «татарскости». Вместе с тем, несмотря на атеистическую пропаганду, татары-мусульмане старались придерживаться в отношении питания традиционных норм.

В конце 1980-х – первые годы 2000-х годов наблюдается ренессанс традиций питания у татар Поволжья. Этому процессу, на наш взгляд, способствовала реанимация религиозных чувств у верующих, что нашло отражение в росте религиозного сознания, стремлении к проведению религиозных обрядов и праздников, формировании соответствующего религиозного поведения и его символизации. Мусульманские лидеры стали заявлять о необходимости соблюдения обязательных требований к «истинному мусульманину». На прилавках магазинов появляются первые продукты под маркой «мусульманские» (не халяль!). Производителями были частные предприниматели, которые, оперативно отреагировав на настроения потребителей, начали самостоятельно именовать свою продукцию. О том, насколько в таком производстве соблюдалась нормы ислама, говорить затруднительно.

В начале 2000-х годов на халяль-рынке обнаруживаются элементы управляемости. Возникают структуры, контролирующие сферу производства продуктов халяль. Начинают работу первые

организованные вокруг мечетей рынки специально откормленного для забоя скота во время праздника Курбан-байрам. Там же за оговоренную плату в специально отведенном месте на территориях, прилегающих к мечетям, обученные мужчины стали проводить обряд жертвоприношения. На первых порах обряд проводился в присутствии заказчика. В последние годы это присутствие не обязательно, достаточно оплатить услугу. Начали практиковаться заказы через Интернет.

Участники халяль-рынка

Современный рынок мясных халяль-продуктов среди поволжских татар-мусульман подразделяется на три типа:

– внутридомовая халяль-традиция производства в домашнем домохозяйстве для внутрисемейного повседневного потребления и для продажи среди близких и знакомых мяса и мясных продуктов, технологической основой которых являются каноны ислама;

– праздничная халяль: в дни празднования священного для мусульман праздника Курбан-байрам организуется продажа специально откормленного скота для совершения обряда жертвоприношения. Получает широкое распространение обряд жертвоприношения во время локальных праздников (Кляу), обетных жертвоприношений (Назер Курбан);

– халяль-индустрия – массовое производство мяса и мясных изделий халяль.

Первый и второй тип структур относится к так называемым внемагазинным формам торговли, третий – к магазинным. Различие между «магазинными» и «внемагазинными» формами достаточно условно. По крайней мере, оно проводится не по виду торговой точки. Речь идет скорее о формах торговли и учета оборота. Хотя и здесь нужно говорить о некоторой доле условности. Халяль-индустрия, пока еще слабо регулируемая и контролируемая сфера.

Деловые стратегии участников халяль-индустрии различаются в зависимости от размеров предприятия. Как показали наши интервью с руководителями малых и средних предприятий-производителей изделий халяль, представители используют три стратегии.

Первая модель – консервативная, основывается на стремлении руководителей к закрытости производства – работниками могут быть только истинные мусульмане, ведущие образ жизни в соответствии с нормами Корана; забой скота проводится не только с

соблюдением необходимых правил, но и с обязательным чтением молитвы муллоу. Внутри производственного цеха для чтения пятикратного намаза работникам отведена специальная комната.

Вторая стратегия – либеральная. При забое и обработке соблюдаются необходимые правила ислама. Однако присутствие муллы считается необязательным, кадровый состав работников и сети распространения продукции прозрачные. В производство включаются представители разных народов, конфессий. Главное – профессиональные качества работника.

Третья модель – синтетическая. Декларируется необходимость строгого соблюдения норм ислама в производстве, но в то же время сообщается о присутствии «других» элементов.

Несмотря на разницу в принципах организации производства, все три стратегии малого и среднего бизнеса халяль-индустрии имеют ряд общих признаков: общая история и причины организации халяль-производства, ведение продаж, основы формирования сетей, положительная динамика объемов производства и схожие рекламные шаги.

История и причины организации производства продуктов халяль

Как показали наши интервью, главной причиной организации производства продуктов халяль для всех опрошенных нами респондентов – руководителей халяль-производств стала сложная экономическая ситуация в российских регионах, прежде всего на селе, сложившаяся в начале 1990-х годов. Наиболее интересное положение было зафиксировано нами в с. Средняя Елюзань. С 1966 г. это село было известно как совхоз-миллионер «Елюзанский». Совхоз зарабатывал стране валюту, поставляя сушеный репчатый лук на экспорт в Голландию и Германию. Все социальные объекты здесь строились за счет высоких доходов совхоза. В 1990-е годы экономическое положение хозяйства стало резко ухудшаться. Рентабельность производства снизилась, возникли задержки с выплатой зарплаты, в селе наблюдалась безработица. В личных домохозяйствах из-за нерентабельности сократилось производство мяса, молока, овощей. В сложившейся ситуации люди были вынуждены как-то выживать. Наряду с выращиванием лука, сезонной работой в других регионах, занятием извозом на личных грузовиках на рубеже 1990–2000-х годов в селе появляются цеха по производству мясной продукции под маркой «халяль».

При организации их использовались две стратегии. Одной группе предпринимателей пришлось начинать с «чистого листа». Они обращались за помощью в банки, к знакомым, случайным людям. Чаще такую стратегию использовали те, кто вернулся в село из города и утратил родственные связи. Другая группа производителей стала вовлекать в производство членов своей семьи, экономические капиталы родственников, социальные связи, накопленные близкими, и т.п. На наш взгляд, вторая стратегия реализовалась более успешно. Это связано с тем, что семья и ислам – глубоко внедренные и сохранившиеся ценности елюзанцев, ставшие мощной экономической поддержкой в новых экономических обстоятельствах.

Одним из важных условий утверждения и функционирования средних и малых производств по выпуску продукции халяля являются сети. В этом качестве среди трех выделенных нами деловых стратегий чаще всего выступают родственные, семейные, дружеские связи. Эти сети аккумулируются не на этнической, а на деловой основе. Знакомые, друзья, родственники вступают в деловые союзы и становятся соучредителями и соруководителями предприятия, выступают в роли посредников при распространении, становятся продавцами, выполняют контролирующие функции в местах реализации продуктов, работают над поиском новых торговых точек. Иногда такие связи имеют несистематический характер и направляются на поддержку близкого человека. Причиной вступления и образования сетей является экономическая мотивация. Сети поддерживаются благодаря надежности участников. Связи обеспечивают оперативность в принятии решений. Для представителей малого и среднего уровня халяль-индустрии сети позволяют максимально использовать имеющиеся экономические и производственные ресурсы.

В консервативной модели доминируют религиозные связи. Такие производства работают по заказам магазинов при мечетях. Один из обследованных нами цехов в с. Средняя Елюзань функционирует в контакте с Советом муфтиев России. Производитель по запросу отправляет партии продукции. Заказчик распространяет продукцию в Москве, издает брошюры, плакаты, рекламирующие халяль-продукты цеха. В цехе установлено современное оборудование, помещение занимает большую площадь, недавно хорошо отремонтировано.

Цеха по производству продуктов халяля имеют разветвленную сеть распространения. Продукция продается в магазинах по-

шаговой доступности, на продуктовых рынках, магазинах при мечетях. Эти торговые точки используются всеми тремя типами участников малого и среднего халяль-бизнеса. Сети постепенно расширяются. Наши респонденты – руководители средних и малых производств по выпуску продуктов халяль отмечали увеличение потребности населения, что в целом способствует расширению производства. Увеличиваются объемы выпускаемой халяль-продукции, становится шире ее ассортимент.

Рекламные шаги

Для продвижения своей продукции производители не прибегают к особым мерам. Единственная реклама, которую используют предприниматели – представители крупного, среднего и малого бизнеса, – эмблемы, которыми украшается продукция (за исключением отдельных представителей консервативной модели, рекламную продукцию которых мы описали выше). Эмблемы придумывают сами предприниматели. В качестве символов используются арабские буквы, изображения мечетей, полумесяца, звезд, татарские орнаменты. В некоторых случаях добавляется фирменный знак, сочетающий элемент фамилии бизнесмена и исламские мотивы. Встречаются изображения животных – лошадей, баранов, коров, птицы.

Следует отметить, что и среди крупных игроков халяль-индустрии – мясоперерабатывающих предприятий, и среди представителей малого и среднего бизнеса производство мясных продуктов халяль стало одним из возможных способов выживания в рыночных условиях. В 1990-е годы в сложных экономических обстоятельствах заводы были вынуждены предпринимать новые маркетинговые шаги. Та часть мясоперерабатывающих заводов, которая в начале 2000-х годов освоила технологию производства халяль-продукции, начала использовать «свежую» маркировку продукции и «захватила» потребителя, осталась на плаву благодаря получению дополнительных доходов с нового производства. Стратегия мясоперерабатывающих предприятий основывается на либеральной модели. В процессе производства в силу объективных причин игроки не стремятся соблюсти все необходимые требования: работники подбираются по профессиональным качествам, крупные поставщики могут одновременно производить скот халяль и харам, и т.п. Нормы ислама сохраняются лишь на этапе

забоя и обработки скота. Продажа продукции основывается на позиционировании себя на сложившемся рынке пищевых продуктов.

Продукцию солидных участников халяль-индустрии можно видеть в крупных супермаркетах, магазинах пошаговой доступности, на продуктовых рынках. Зачастую в супермаркетах халяль-продукция хранится в холодильниках вместе с другими мясными изделиями и в лучшем случае отделена от харам-продуктов перегородкой, реже – на отдельном прилавке. Иногда используются специальные ножи и разделочные доски, на которых разрезается продукция. Это один из способов привлечения покупателей. В магазинах пошаговой доступности халяль-продукты на прилавках разложены вперемешку с харам-продуктами. На продовольственных рынках наблюдаются оба варианта. На рынках стали появляться специализированные отделы, где продаются только халяль-продукты.

Предприятия мелкого и среднего бизнеса халяль-индустрии работают самостоятельно и пока не включаются в объединяющие формы. Интеграция на халяль-рынке наблюдается среди крупных производителей, что приносит ее членам осязаемую выгоду. Объединительной основой являются специальные структуры, контролирующие и сертифицирующие производство продуктов халяль. Эту функцию в России взяли на себя две структуры – Совет муфтиев России и Духовное управление мусульман Республики Татарстан. Совет муфтиев России разработал и принял в ноябре 2003 г. «Положение о порядке организации производства, торговли, осуществления контроля над производством и торговлей продуктами, разрешенными к употреблению в пищу мусульманами», организовал Совет по контролю над производством и торговлей продукцией «Халяль».

Комитет стандарта «Халяль» при ДУМ Республики Татарстан начал свою работу в 2005 г. На первых порах комитет стремился структурировать хаотичный рынок халяль-продуктов. Сегодня он приобрел статус межрегионального интеграционного центра, объединяющего заинтересованных лиц. Согласно меморандуму о взаимном сотрудничестве в области стандартизации и сертификации продукции и услуг «Халяль» между Татарстаном, Казахстаном, Киргизстаном решено организовать единый «Институт Халяль», в котором будет разработана учебная программа для специалистов в сфере халяль-индустрии. Комитетом разработаны и утверждены правила производства продукции по нормам шариата. В положениях определены требования как к сырью, используе-

тому при производстве продуктов халяль, так и к персоналу, производственным помещениям, транспортным средствам, инструменту, спецодежде, упаковке и маркировке, а также перечислены требования к порядку освидетельствования на предмет соответствия продукта нормам ислама. По инициативе комитета и при поддержке Республиканского сертификационного методического центра «Тест-Татарстан» Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии 17 февраля 2009 г. зарегистрировало «Систему добровольной сертификации продукции и услуг на соответствие канонам Ислама – Система Халяль (Halal)». Агентство зарегистрировало также товарный знак, в связи чем все предприятия, выпускающие продукты халяль, должны маркировать свою продукцию. Добровольная сертификация продукции позволяет официально признавать на государственном уровне в странах, входящих в Организацию Исламская конференция, продукцию российских предприятий – от мяса до медикаментов.

Интересно отметить, что халяль-продукты люди покупают независимо от своих религиозной и национальной принадлежности, убеждений и вкусов. Все чаще потребителями мясных халяль-продуктов становятся представители «немусульманских народов». Натуральность халяль-продуктов увеличивает их стоимость. Продукты халяль, как правило, на 10–15% дороже харам-продуктов. Рынок пищевых харам-продуктов пока выигрывает за счет более низких цен на свою продукцию. Вилка наиболее заметна среди крупных участников рынка пищевых продуктов. Мелкий и средний бизнес халяль-индустрии находит новые стратегические решения, удешевляющие производство: работает напрямую с потребителем (продажа ведется непосредственно в цехах) и продавцами, не легализует бизнес и т.п. Сегодня между отдельными сегментами халяль-рынка зародилась конкурентная ситуация. Внутридомовая халяль и праздничная халяль сохраняются за счет поддержания сетей в селах, малых и средних городах. Однако в связи с нерентабельностью в современных экономических условиях масштабы внутридомовой халяль резко падают и можно ожидать ее полного исчезновения. На смену ей приходит халяль-индустрия, предоставляющая широкий ассортимент товаров и услуг и демонстрирующая очень сильную динамику. Праздничная халяль развивается более успешно, чем внутридомовая. Она заняла свою нишу, на которую никто из участников халяль-рынка не претендует. Как показывают наши наблюдения за празднованием Курбан-байрама, состав продавцов и объемы продажи скота в последние годы прак-

тически не меняются. Оценить число проведенных обрядов жертвоприношения достаточно трудно. Можно ожидать как минимум сохранение праздничной халяль и за счет потребности современного населения в ритуальном сопровождении личной жизни.

Потребители

Можно выделить две аудитории потребителей мясных продуктов халяль – мусульмане и немусульмане. Для первой группы халяль-питание, основанное на канонах ислама, – основа религиозной идентичности. Для второй группы привлекательными являются гигиенические особенности халяль-продуктов, прежде всего их натуральность. Потребителями таких продуктов становятся сторонники здорового питания. Религиозная и этническая принадлежность не влияют на потребительские предпочтения. В зависимости от целевой аудитории дифференцируется характер торговых точек. Обслуживание мусульман происходит посредством магазинов при мечетях. Немусульманское сообщество покупает мясные халяль-продукты чаще в магазинах, где наряду с халяль-продукцией продаются харам-продукты, реже – в магазинах при мечетях.

Подведем итоги.

1. Современный рынок мясных халяль-продуктов у татар представляет собой совокупность структурно связанных продавцов и покупателей товаров и услуг, производимых с соблюдением норм ислама в части потребления мясных продуктов, который, в свою очередь, выступает движущей и организующей силой, принимаемой всеми участниками.

2. Халяль-рынок базируется на использовании традиций ислама как ресурса, обеспечивающего экономический и социальный успех, и связан с сознательным выбором значительной части занятых. Причины актуализации халяль-рынка среди татар – относительно высокая сохранность исламских традиций в бытовой культуре, в том и числе в части питания, а также особенности этнической культуры.

3. Халяль-рынок не предполагает его обязательной монополизации в руках представителей исламского сообщества России или ее одного этноса. Сегодня в халяль-рынке задействованы представители разных народов и конфессий – на уровне как производства, так и потребления. Рынки этнических товаров и услуг могут продуктивно функционировать в полиэтничной среде.

Марина Гугова,

кандидат исторических наук

(Кабардино-Балкарский научный центр РАН)

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ В КОНЦЕ XX в.

Современный этап российской истории уже сегодня может быть расценен как один из самых динамичных периодов ее развития. Начиная с середины 80-х годов в России наряду с радикальными изменениями в политической и государственной организации происходят глубинные изменения в общественном сознании, идет активный процесс его радикализации, освоения либерально-демократических ценностей. Действенным средством политической активизации являются политические партии и общественно-политические движения. Особенностью партийной системы Кабардино-Балкарской Республики является то, что она сложилась путем наложения друг на друга известных двухполюсных конфигураций, присущих России в целом (консерваторы – радикалы) и национальным республикам (этнос – этнос) в частности, и стала четырехполюсной. Ее составили коммунистические организации, демократические, этнонациональные, общегражданские движения. Причем популярность первых трех падала, а последней – росла.

Такая ситуация сложилась постепенно, и можно выделить узловые моменты политического развития республики. Вначале, с 1985 по 1989 г., шла стихийная политическая плюрализация вне КПСС, а затем и в ее рамках. 1990–1991 гг. отмечены дифференциацией политической структуры, появлением зачатков новых партий и протопартийных структур. Переход к фактической многопартийности в виде системы крайнего плюрализма с поляризацией политических сил начинается после августа 1991 г.

Постепенно кристаллизуется своеобразная ориентация основных политических сил. Главным критерием для их выделения может служить их отношение к такому базовому приоритету, как права личности или социума. Приоритет права личности – основная ценность двух из четырех политических сил Кабардино-Балкарской Республики. Его выдвинули и последовательно отстаивали общегражданские движения, которые являлись нетрадиционными, ибо благодаря специфике КБР имели многонациональный состав, ориентацию на межэтнический мир и согласие на союз

с демократическим движением. В Кабардино-Балкарии гражданские движения были представлены в лице Кабардино-Балкарского отделения партии Российского единства и согласия и Кабардино-Балкарским региональным отделением общероссийского общественного движения «Честь и Родина». Близко к общегражданским по своим базовым ценностям было демократическое движение. В Кабардино-Балкарской Республике оно включало как отделения российских партий и движений, так и республиканские. Это общественно-политическое движение «Вперед, Россия!», Кабардино-Балкарская организация Республиканской партии РФ, Движение за сохранение единства КБР.

Этнонациональные движения в КБР были представлены такими организациями, как общественная организация «Адыгэ Хасэ», Конгресс Кабардинского народа, общественная организация «Тере», Национальный совет балкарского народа, Адыгская народная партия, общественно-политические движения «Кабарда», а также общественно-политическое движение «Русскоязычный конгресс», «Славяне» и др. Их роднил отказ от приоритета прав личности в пользу «суверенитета нации». Они отстаивали первенство прав этнических общностей во всех сферах общественной жизни, вплоть до политической.

Коммунистическое движение состояло из Коммунистической партии КБР и Коммунистического союза молодежи КБР. Его члены считали, что права личности вторичны по сравнению с интересами класса (социального слоя). Ставка делалась как на традиционный рабочий класс, так и на люмпенство, слой которого рос вместе со структурными реформами. Среди общественных объединений были и организации чисто профессионального характера – профсоюзы, творческие союзы, объединения по интересам (охотники, кинологи, книголюбы), спортивные общества и другие.

Особо надо сказать о национально-культурных обществах. К концу 90-х годов XX в. их насчитывалось в республике более десятка (ассоциация корейцев «Чинсен», общество греков «Эллада», общество немцев г. Нальчика «Видергебурт», республиканское общество месхов (грузин-мусульман) «Спасение», еврейский общественно-культурный центр «Товуши», осетинский культурный центр «Нихас» и др.). Несмотря на небольшой срок своего существования, эти организации немало делали в области укрепления межнационального мира и согласия в республике.

Необходимо учитывать, что среди общественно-политических объединений были и такие, которые, провозгласив свое существование, на том и остановились (например, общественная организация «Кавказ-Крым»). Многие объединения были крайне малочисленны, иногда они представлены несколькими членами (например, общество греков «Эллада», осетинский культурный центр «Нихас»). Ряд организаций существовали чисто номинально, ничем не проявляя себя в политической жизни. Кроме того, существовали организации, которые по уставу и целям деятельности не являлись собственно политическими объединениями, но тем не менее активно участвовали в политической жизни (культурно-национальные организации).

Можно утверждать, что в конце XX в. республика находилась на стадии формирования многопартийной системы. Партия – это достаточно серьезная влиятельная политическая сила, способная оказать реальное воздействие на политические процессы в республике, способная провести своих кандидатов в парламент, отстаивать через них свои законопроекты, решения. Такие партии к концу XX в. в Кабардино-Балкарии только оформлялись, в них была очень сильна ориентация на лидеров и весьма слабая социальная база. Но мы должны быть заинтересованы в том, чтобы в республике сложилась работоспособная многопартийная система с влиятельными действительно работающими политическими партиями.

«Фундаментальные проблемы пространственного развития Юга России: Междисциплинарный синтез», Ростов н/Д., 2010 г., с. 79–81.

Владимир Попов,

публицист

СМОЖЕТ ЛИ РОССИЯ УДЕРЖАТЬСЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ?

Интерес к Кавказу проснулся во мне давно, с отроческих лет. Во всем, конечно, виновата великая русская литература и ее непостижимые гении. Через творчество М.Ю. Лермонтова и Л.Н. Толстого открывался новый, захватывающий воображение мир. Взрослая жизнь, увы, лишена детской чистоты побуждений, романтики, столь необходимой в юные годы. Познание мира часто происходит через трагические реалии бытия, сурово возвращаю-

щие нас с небес на землю грешную. Осознание этого и побудило пять лет тому назад написать откровенную и предельно жесткую в выводах публицистическую работу «Кавказский пороховой круг». В ней выражены тревога и предчувствие, что Кавказ вновь становится для России «огнедышащим местом». Ведь распад Советского Союза начался со вспыхнувших этнических войн в Закавказье. Я размышлял, не выпадет ли нам судьба вновь пройти по этому, наполненному человеческими страданиями, кругу. Только на этот раз речь пойдет уже о целостности России в ее новых границах. И хотя я не верю в коллективную мудрость равнодушных к политике индивидуумов, но сегодня, как никогда, нам всем нужны разум и прозорливость – и тем, кого судьба занесла во власть, и гражданам, чтобы не совершить роковой просчет. А Россия, тем временем, настроена праздно. Пресловутая «вертикаль» пребывает в искреннем убеждении, что государством можно по-прежнему управлять, как если бы оно было Васильевским островом.

В самом ли деле, несмотря на грозные заявления руководителей страны, Россия будет вынуждена уйти с Кавказа? Не праздный вопрос. Споры вокруг этого не только в кругу политиков, экспертов и военных аналитиков.

Жители Юга, два десятка лет живущие как на вулкане, давно встревожены не на шутку. Усиливается миграция русских с Северного Кавказа, а по сути, их исход, похожий на бегство. И пример тому даже не Чечня, «освободившаяся» от русских. Дагестан, Ингушетия и Кабардино-Балкария – вот верный признак надвигающейся катастрофы. Ресурс государственной власти в республиках региона неумолимо убывает. Причина известна всем: поголовная коррупция, безработица, а если говорить более точно, открытое нежелание немалой части горцев утруждать себя производительным трудом, требующим знаний, квалификации, физических усилий и дисциплины. Прискорбно, но созидание у нового поколения не в чести. Именно поэтому идет разрушение исторически сложившихся хозяйственных укладов. Социальная обездоленность, гражданская неприкаянность людей, во многом порожденные уходом государства из экономики, не менее чем террор ваххабитов, сотрясают здесь основы российской власти.

А местные элиты, поголовно вступившие в «Единую Россию», привычно пробавляются, не без выгоды для себя, дележом денег из федерального центра. Власть опасно превратилась в закрытую касту. Родственные коррупционные кланы прибрали к рукам все доходные места и промыслы. Торговля должностями и

«откаты» стали не просто правилом, а бизнесом, норма прибыли в котором постоянно возрастает. До 50% и без того слабой экономики в «тени». Все республики живут на федеральные дотации. Субсидии Москвы за последние годы возросли в разы, но на росте ВВП благодатный денежный поток никак не сказывается.

За двадцатилетие торжества рыночных отношений «успешно» произошла деградация всего уклада жизни коренных народов. Промышленный потенциал разрушен, а горские крестьяне вынуждены вернуться в начале XXI в. к натуральному хозяйству. Бездеятельность властей в течение последних 25 лет – не что иное, как следствие безответственной и безрассудной линии поведения горбачёвского руководства СССР и новой России на Кавказе.

А иного и быть не могло. Непонимание природы конфликтов, отсутствие государственной воли и ясной для всех программы действий с неизбежностью породили ничегонеделание на всех уровнях государственного управления. Отменив выборность глав российских республик и областей, Кремль сделал ставку на наместничество. Между тем архаичная форма раздачи «ярлыков» на правление, без жестко поставленных задач по социально-экономическому развитию республик, лишь попустительствует клановой замкнутости местных элит, которая еще более усиливает борьбу за власть. А цель такой войны всегда одна – удовлетворение материальных интересов победившей группировки за счет государства и народа. И не важно, речь идет о субъекте Федерации или о России. Последствия одни – усиление депрессивного состояния экономики, деградация общественных отношений и резкое ухудшение всей социальной сферы.

Основная жертва, как всегда, «простой» человек, беззащитный перед новыми хозяевами жизни и их нукерами, и коррумпированной ненавистной властью, которую он боится. Эта правовая и экономическая незащищенность основной массы населения вынуждает многих искать защиту у боевиков, и, однажды «записавшись» к ним на «прием», они навсегда попадают в объятия спрута. «Оставь надежду всяк сюда входящий» – «напутствие» узникам фашистских концлагерей это и для них тоже. Чем бесправнее народы на Северном Кавказе, тем богаче урожай у сепаратистов. Между тем, возвращаясь к политике Кремля, следует знать, что наместничество заведомо предполагает наличие «сильной руки» в самой Москве. Где же эта сильная и властная длань, столь необходимая для мудрого правителя? Напротив, во всех вспыхивающих гражданских конфликтах и усобицах федеральная власть придер-

живалась «увещательной» тактики либералов, панически боясь «раскачать лодку» с давно пробитым дном. А ведь еще во времена Александра I его наместник на Кавказе генерал Цицианов открыто заявлял: «В Азии все убеждения и переговоры суть ничто, а сила – все. Такой силой на Кавказе должна быть Россия...»

В российском Совете безопасности последователей Цицианова днем с огнем не найти. Народ там все больше куртуазный, нерешительный и молчаливый, особо не скрывающий, что им больше нравится слушать сидящего во главе стола. Путин же, возглавляя государство, долгое время избегал волевых решений, опасаясь, вероятно, «будить лихо». По-человечески его осторожность понятна, особенно когда не ведаешь, что делать в этой сложнейшей ситуации. Нынешний президент России, априори знающий обо всем на белом свете, после «тысяча первого» террористического акта в Дагестане, изобразив на лице строгость, требует от силовиков незамедлительно разобраться с его организаторами, потому что исполнители – смертники.

В 1918 г. вайнахи создают Горскую республику и демонстративно выходят из РСФСР. Правительство новоявленной республики во главе с чеченцем Абдул-Межид Чермоевым сразу же заключает договоры с Турцией и Германской империей и призывает их незамедлительно занять территорию Кавказа. В 1921 г. во Владикавказе собирается новый Горский учредительный съезд, цель – создать государство в составе Чечни, Ингушетии, Карачая, Балкарии, Кабарды и Осетии. Именно с тех лет националисты навязывают коренным народам региона идею «Великой Ичкерии». Время проведения съезда его организаторы выбрали не случайно – Красная Армия во главе с М. Тухачевским потерпела военное поражение в Польше, и Совнарком готовился подписать очередной унижительный, теперь уже Рижский, мирный договор (18 марта 1921 г.). После ожесточенных споров делегаты съезда все-таки формально признали советскую власть, но при соблюдении Москвой жестких условий: признание основными законами в республике шариата и адата; невмешательство во внутренние дела; депортация 70 тыс. жителей терских казацких станиц в центральные районы России.

Советское государство только складывалось, оно буквально корчило от ран, нанесенных ему Гражданской войной, а Северный Кавказ, с вынужденного согласия обессиленной Москвы, превращался в зону, где многочисленные кланы жестоко бились друг с другом за власть. Учебники истории СССР, разумеется, из

лучших побуждений не хотели травмировать подрастающую советскую молодежь и умалчивали, что криминально-националистическая война на Северном Кавказе вплоть до 23 февраля 1944 г. не прекращалась ни на один день. В этой жесткой схватке гибли не только взявшиеся за оружие горцы, быстро восполнявшие свои потери подрастающей в избытке молодежью, но и ни в чем не повинные солдаты Красной Армии. Давно пора опубликовать полные архивные данные о тотальном бандитизме в этом регионе в 20–30-е годы, о воинских операциях, которые регулярно проводились в горах частями Красной Армии по искоренению бандитизма. Вероятно, неожиданный для наших либералов факт – все 20-е годы на рынках, контролируемых чеченцами и ингушами, шла бойкая торговля оружием, горными тропами поставляемым из Турции, и... русскими рабами. Я не оговорился – это было в 20-е годы прошлого столетия. Все вернулось на круги своя через 70 лет, и рабство тоже. С приходом к власти в России Ельцина законы «ада-тов» стремительно распространились на всю страну.

Северный Кавказ превратился в «черную дыру», в которой почти исчезло все, что было создано здесь. Если ее не закрыть, она будет «пожирать» уже исконно русские регионы, и этот процесс набирает силу. Кто сегодня из облеченных властью в возлюбившей гламур Москве может честно сказать о количестве рабов, томящихся в неволе в горных аулах? Знают ли они, что в 2002 г. на территории бывшей Чечено-Ингушской АССР оставалось всего 48 тыс. русских? За последние 20 лет 278 тыс. погибли, пропали без вести или покинули эти территории.

Убежден, давно пора вещи называть своими именами – все, что происходило в Чечне в 90-е годы – геноцид русских, а не чеченцев, погибающих до сих пор за чужие интересы. Но не мы начали этот губительный для народа «освободительный» поход, который, если смотреть правде в лицо, еще не закончился. И наступит ли в обозримом будущем настоящее умиротворение Чечни, которая искренне пожелает быть в составе Российской Федерации и жить по ее законам, никому не ведомо. Я в такой исход верю с трудом. «Россия под нами» – не просто унижительный для русских лозунг, который любят скандировать во время хулиганских стычек молодые чеченцы. Это мировоззренческая установка, программирующая их поведение в будущем, когда созреют предпосылки для реванша. Хотя чего еще нужно? Прекратив массовое вооруженное сопротивление, они «мирно» добились от Москвы значительно большего. Фактически Чечня получила независи-

мость. Там нет русского населения, наместника из Москвы и его администрации, нельзя же таковым считать полпреда Президента в Южном федеральном округе, влияние которого на внутреннее положение в республике равно нулю. Огромные финансовые вливания позволяют ее руководству успешно, особенно на фоне деградирующих от безденежья остальных областей России, обустроить жизнь народа. Я уже не говорю о статусе вооруженных формирований Р. Кадырова, которые помогают сохранять выстраданную им стабильность. Меня очень настораживают многократно звучавшие его заявления о личной преданности Владимиру Путину. Это, конечно, хорошо, что он правильно оценивает положение главы правительства в сложившейся системе власти и не забывает его участия в своей судьбе. Человеческая благодарность во все времена – редкое качество. Но хотелось бы от Героя России, которая ему великодушно доверила спасение своего народа, получить более убедительные доказательства преданности нашей общей

Родине.

Изгнание русских, теперь уже из других северокавказских республик, продолжается. Цель очевидна – желание местных «вождей» иметь этнически однородное население, чтобы легче было выторговывать у Москвы большие объемы дотаций для кормления своих родов. Результат исхода не сложно предугадать. Утрата многонационального уклада жизни, а вместе с ним и русского языка, окончательно разведет коренные народы, после полутора веков совместной жизни, по «национальным квартирам». Но процесс на этом не закончится. Не желая мириться с клановой формой правления, родные очаги начинают покидать и местное население – наиболее образованные, профессионально подготовленные специалисты. Последствия: полный крах экономики и возвращение в Средневековье, из которого многие горские народы в годы советской власти благополучно вышли.

Будем честны хотя бы перед собой: неужели происходящее на Северном Кавказе стало для нас новостью? Все было predetermined, как выясняется, еще в 50-е годы, сразу после возвращения из ссылки «репрессированных народов». ЦК КПСС и местные партийные организации с готовностью «закрывали» глаза на творимые ими бесчинства, лишь бы все выглядело благопристойно, и, упаси боже, чтобы кто-либо не усомнился в торжестве проводимой Н. Хрущёвым ленинской национальной политики. Полистайте на досуге изданные на родном языке школьные учебники за 60–

70-е годы, может, именно там были посеяны семена ненависти, давшие обильные всходы через четверть века. Явление Дудаева, а затем Масхадова в качестве руководителей вооруженной борьбы за независимость Ичкерии было хорошо подготовлено глупостью и преступной безответственностью тогдашних руководителей страны.

Все более непредсказуемо развиваются события в Кабардино-Балкарии. По словам депутата Государственной думы России, академика РАН М. Залиханова, только в 2008 г. республику покинуло около 3 тыс. казачьих семей, и это после сотен лет проживания здесь их предков. Причина – они, равно как и балкарцы, не получили положенные им по закону наделы общественной земли. Вытеснение русских из районов традиционного проживания происходило одновременно с заселением освобожденных ими земель турками-месхетинцами, правда, при выполнении одного небольшого условия – они должны были во время прошедшей переписи населения назвать себя кабардинцами. Цель очевидна – в республике поставлена задача «организовать» доминирующий этнос. Спрашивается, для чего? Оказывается, адыгские националистические организации и их единомышленники в Карачаево-Черкесии и Адыгее намерены создать очередную химеру, «Великую Черкессию», с ее последующим выходом из России.

«Невозмутимость» руководства республик можно расценить лишь как молчаливое согласие с далеко идущими планами. Тем более что сепаратизм давно стал выгодным бизнесом. Создание бандитского подполья и идеологии, формирующей у молодежи убежденность в исключительности одной нации, в наше время хорошо оплачивается. Щедрые заказчики давно известны, они не меняются уже лет 200 – это западные и исламские страны в лице своих спецслужб или находящиеся под их контролем многочисленные неправительственные организации и фонды. На горизонте мелькают знакомые названия – Институт Кеннана, Центр Девиса, Гарвардский университет и иже с ними. На «благое» дело не жалуют денег местные криминальные структуры, водочные «короли» с их «левыми» сверхдоходами от производства и продажи паленой водки и сами боевики, обложившие данью бизнес. Печальна участь смельчаков, не пожелавших платить националистическому под-полью.

Региональные СМИ с благодарностью взяли на себя «почётную» миссию промывания мозгов населению. Особенно в последние годы муссируется тезис «геноцида» адыгов, якобы осуществ-

ленного русскими войсками в ходе Кавказской войны XIX в. В школах, на телевидении и в печати упорно насаждается мысль об исторической ответственности России, которая и в XXI в. продолжает свирепую колониальную политику.

Кто спорит, Российская империя, как и другие, не была добровольным объединением народов. Стремясь к своим естественным границам, она катком прошла по судьбам многих малых этносов. Кого в этом винить? Сами империи, как историческую реальность, далеких от современных либеральных ценностей цезарей или миллионы воинов, крестьян и ремесленников – истинных создателей многонациональных государств? В истории России было все: и величие, и коварство, и кровь, но не было сознательного физического уничтожения людей по национальному признаку. Все, и добровольно вставшие под скипетр русского самодержца, и покоренные народы благополучно дожили до XXI в. и сохранили традиционные формы жизни, язык, развили культуру, приобрели письменность.

Выстроенные с таким трудом в СССР цивилизованные национальные отношения тотчас оказались отброшенными в угоду корыстным интересам местных элит, стремящихся к власти и богатству. Общее поле совместного бытия было беспощадно перепахано мотыгами и засеяно националистическим и шовинистическим сорняком. Ядовитые всходы уже видны повсюду, появились и первые плоды. В 2008 и 2009 гг. в ряде республик Северного Кавказа прошли съезды черкесского народа, где были приняты обращения к федеральной власти о создании единой Черкесии, включающей территории трех регионов. Амбиции сепаратистов велики – они претендуют на земли нынешней Чечни, Ингушетии, некоторых районов Дагестана, Северной Осетии, значительную часть Ставропольского и Краснодарского краев с включением Большого Сочи. Соответствующие карты уже изданы за рубежом на многих языках. Неплохое подспорье, должен заметить, в работе «бойцов» идеологического фронта как на территории России, так и в странах – спонсорах сепаратизма. Примечательно, что роль координаторов исполняют Международная школа изучения Кавказа при Тбилисском университете и, естественно, американский Фонд Джеймстауна, где по-прежнему многими делами заправляет старина Збигнев Бжезинский, «заклятый» друг России еще со времен СССР. Можно не сомневаться, там, где засветился этот хорошо известный в мире «шахматист», смело ищите ЦРУ. Проводимые под вывеской столь «благочестивых» организаций конференции –

важнейшая часть плана подготовки расчленения России, в соответствии с которым народы Северного Кавказа, как Грузия, Армения и Азербайджан в конце 80-х годов прошлого столетия, должны сыграть роль детонатора и пушечного мяса. Лекала старые, проверенные. Результат – известен.

Ирония заключается в том, что и царизм, который вел, по убеждению сепаратистов и московских либералов, колонизаторскую» политику на Кавказе, и советская власть, совершившая культурную революцию, преобразовавшая патриархальный уклад здешнего хозяйства в индустриальный, последовательно проводили цивилизованный вектор развития. Тогда как «демократы» и «рыночники», напротив, пустили историческое время на Кавказе вспять. Под болтовню о «правах человека» ровно ничего не осталось от реальных социальных прав и гарантий советского времени. Общество резко разделилось на новых «беков», их стражников и нукеров, счастливых при государственных должностях, которые имеют хоть какое-то прикосновение к казенной копейке, и подневольных обывателей.

И тотчас из небытия, как черти из табакерки, повыпрыгивали новые «абреки». В XVIII–XIX вв. на Кавказе из-за отсутствия земли, многодетности и горского скудного хозяйства это занятие служило своего рода отхожим промыслом, в который охотно подавалось множество удальцов. В разбойники, если отбросить романтическую чушь, уходили, говоря по-книжному, из-за экономического принуждения, но, выходя на большую дорогу, они не порывали с нравственными основами адата. Отбивший свою долю достатка с помощью кремниевого ружья и вострой сабли абрек не был для рода пропащим человеком. Завершив свою «охоту», он возвращался в горское общество героем, исполнившим свой долг, обзаводился семьей и хозяйством. А современное «абречество» имеет уже иную природу, когда ему никакой нравственный закон – что адат, что Уголовный кодекс – не писан.

В начале 90-х годов во многих российских регионах пошел резкий рост численности северокавказских этнических группировок. Они отличались крайней жестокостью, были хорошо вооружены и спаяны железной дисциплиной, основанной на принадлежности к тейпу, роду или землячеству. Быстро сообразив, что новая власть слаба, легко и охотно покупается, а правоохранительные органы, деморализованные бесконечными перетрясками, по-настоящему способны защитить только себя или, за отдельную плату, «крышуют» предпринимателей, кавказский криминалитет

распоясался и, потеснив славянские группировки, стал активно вторгаться в бизнес, захватывать успешно работающие предприятия.

Тема ущерба, нанесенная «разрешенной» властью преступностью зарождающейся рыночной экономике России, еще ждет своего объективного исследователя. Мы до сих пор платим по этим счетам. Их дикие нравы в полной мере ощутили на себе жители Москвы, Петербурга и областных центров, где крутились основные финансовые потоки. По сути, с тех пор мало что изменилось. Правда, численность кавказских группировок несколько поредела, они почти ушли с улиц, стало меньше стрельбы, но зато их влияние упрочилось в большом бизнесе. Произошло разделение, хотя и очень условное, сфер влияния. Но цель, во имя которой молодые кавказцы спустились с гор, была достигнута. Огромная денежная масса незаконных доходов мощным потоком потекла с конца 80-х годов в «аулы и сакли».

Руководство России, несомненно, хорошо осведомлено об этом, но, как и во всем, что касается кавказских проблем, по-прежнему ведет себя уклончиво. И нет этому ни конца, ни края. Бандиты, безнаказанно промышляющие на российских просторах, чувствуют себя добытчиками, кормильцами своих семей и, как в старину седую, могут легко укрыться от руки закона в своих родовых гнездах. Но абрек нынче не только тот, кто «промышляет» за территорией своего села, ущелья, района и облачен в черкеску с кинжалами на наборном поясе. Ему к лицу и милицейский мундир, в котором собирается дань с «дальнобойщиков» на большой дороге. В форме чиновника налоговой службы он совершает регулярные набеги на бухгалтерию измученного проверками предпринимателя. «Абрек» в охотку занимается и «попечительством» в Пенсионном фонде. Способ обогащения у них, дельцов «либерального разлива», один – прямое изъятие. По существу, все население Северного Кавказа – данники такого «абречества», которое является латентной стороной гибнущего хозяйственного уклада. А пока в казне есть нефтедоллары, Кремль за счет других регионов и групп населения остальной России исправно платит отступное за притворную покорность местных элит. Сложившийся уровень отношений в «вертикали власти» есть не что иное, как доведенный до абсурда принцип разделения полномочий, когда рука дающего в Москве не скудеет, а берущая на Кавказе – не отсыхает. Такого пошиба политика правительства страны, помноженная на неравномерность социально-экономического развития регионов, с неиз-

бежностью ведет к разрушению всей структуры федерализма – и не только на Кавказе.

С этим малодушием власти давно пора покончить. Когда в семье, корпорации, государстве ли глава сквозь пальцы смотрит, как казна и добро среди бела дня растаскиваются, то такая общность нежизненна, она долго не протянет. Если финансовые дотации расхищаются на глазах всех, показная лояльность элит ровным счетом ничего не стоит, а «простой человек», зная истинное отношение своих «беков» к Москве, не ставит «небожителей» в Кремле ни в грош. Только показательная «порка» в форме внешнего управления финансами и неотвратимое уголовное наказание способны резко сократить воровство и, тем самым, обеспечить исполнение бюджета республик.

Я сильно сомневаюсь, что федеральная власть, на словах неустанно пекущаяся о развитии регионов Северного Кавказа, сама до конца осознает, насколько же прочна пуповина, соединяющая их с остальной Россией. Ни разу проблема в таком значении не обсуждалась на региональных «партхозактивах», проводимых администрацией президента и партией «Единая Россия» во исполнение воли главы государства и руководителя правительства. Любопытно, кто поставит перед собой цель добиться возрождения экономической жизни, неплохо было бы узнать, что, за редким исключением, до 1917 г. крупной промышленности здесь просто не было и не могло быть из-за особенностей исторического развития. Пожалуй, лишь любопытным курьезом можно назвать тот исторический факт, что первый в мире нефтеперерабатывающий завод был запущен в Моздоке русскими братьями Дубиниными. Нефть от колодцев доставлялась в бурдюках, и предприимчивый народ бойко торговал керосином во всей округе. И это произошло раньше, чем известный авантюрист полковник Дрейк добыл первый баррель «черного золота» в Пенсильвании. Советской власти, столь ненавидимой либералами и националистами всех мастей, понадобилось не одно десятилетие и огромные инвестиции, чтобы изменить материальный и культурный уклад жизни горских народов. Здесь построили заводы и фабрики, направили сюда специалистов, а без них никуда, обучили местных жителей индустриальным профессиям, создали эффективную систему высшего, среднеспециального и профессионального образования. В автономиях еще до войны были подготовлены национальные кадры инженеров, агрономов и врачей. «Выравнивание» экономического развития – стратегическая цель плановой советской экономики – в

северокавказских регионах к концу 70-х годов прошлого столетия была почти достигнута. А сегодня приходится лишь горевать – выдающиеся достижения советской цивилизации на Кавказе утрачены, и, боюсь, безвозвратно.

Воссоздать промышленный потенциал, да еще на основе современных информационных технологий, при отсутствии такого производства в стране просто невозможно. Ни за какие коврижки крупный российский бизнес (а об иностранных инвестициях и говорить нечего) на Северный Кавказ не придет – ему в нынешних условиях там просто нечего делать. Показателен выбор самих этнических кавказцев, имеющих успешный бизнес в Москве, Санкт-Петербурге и других больших городах, но ни копейки, за редким исключением, не вкладывающих в развитие своего края. Денежная поддержка своего родственного клана – не в счет. Есть еще одна веская причина – в российской экономике отсутствует норма прибыли. Капитал у нас не ищет выгодного вложения, как в «нормальных» рыночных экономиках. Сверхприбыль сама течет в бездонные карманы олигархов за счет присвоения рент и монопольных ценовых сговоров. Крупных национально ориентированных собственников у нас нет, не произрастают они в большой экономике «керосиновой лавки».

Для понимания происходящего в хозяйственной жизни северокавказских регионов следует обратить внимание на то, какое применение имеют накопления местных предпринимателей, доходы правящих элит, открыто «пилящих» республиканский бюджет, и «абреков», промышленяющих разбоем в городах России. Возродилась стародавняя традиция беков (а кто сегодня не бек?!), отстраивать огромные семейные усадьбы, напоминающие средневековые крепости. Такие кирпичные хоромы едва ли можно назвать коммерческим вложением капитала в недвижимость, потому что на этом рынке покупателей нет. Прижился, прямо скажем, незатейливый, «купеческий» способ возвышения над соседями. А крупный или просто успешный бизнес здесь, помимо того что проблематичен – просто опасен. Это в центральных регионах России они – недавние жители гор, овечьими мрачными криминальными легендами последних двух десятков лет, – чувствуют себя в относительной безопасности. А дома зачастую становятся объектом пристального внимания менее удачливых, но не менее жестоких и до зубов вооруженных соседей или выходцев из другого ущелья. М. Залиханов, со ссылкой на Генеральную прокуратуру России, говорит, что за последние годы в Кабардино-Балкарии пропало без

вести более 350 человек, в основном предпринимателей. Нужно понимать психологию горца. Он может быть, без сомнения, храбрым воином, беспощадным бойцом криминальной бригады, преданным нукером, которому на всякий случай не стоит подставлять спину, заниматься другой раз мелкооптовой торговлей, не без выгоды для себя работать в госучреждении. Но чтобы день-деньской тянуть ляжку на рабочем месте у станка да еще сознавать, что работаешь на соседа – никогда. Такова ментальность. А вот среди женщин, кому род позволил получить высшее образование, много прекрасных врачей, педагогов и работников культуры.

Читатель вправе спросить: а что же делать? Начинать нужно с изучения структуры хозяйства на Северном Кавказе при советской власти и хорошо подумать о том, какие его уцелевшие части еще можно восстановить на новой технологической основе. Во времена Северо-Кавказского совнархоза и отраслевых союзных министерств было найдено немало интересных управленческих решений. То время знаменито крупными инвестиционными проектами, которые создавали рабочие места, а значит, был стабильный доход в территориях с избыточной рабочей силой. Из заколдованного круга депрессии можно выйти только при условии, что в регионе произойдет масштабная интервенция государственного капитала. Здесь, как в советские годы, необходимо строить филиалы или дочерние структуры крупных промышленных предприятий, где контрольный пакет принадлежит государству. Такой подход может изменить отношение коренных жителей к делу. За достойную зарплату горцу не зазорно поработать и на государство. И, конечно же, любыми путями материального и морального поощрения не только остановить исход славянского населения, но при строительстве новых заводов власть должна обеспечить организованный приезд русских специалистов и квалифицированных рабочих с предоставлением им хорошего жилья, созданием социальных условий для семей и веских гарантий безопасности. Понятно, что без заинтересованности местных властей и лояльности местных жителей таких условий создать невозможно. На Северном Кавказе, убежден, без русских специалистов новый промышленный уклад не построить. Без осознания этой реальности возрождение здесь, и не только экономическое, невозможно. А дальше все должно быть, как в старые добрые времена: готовить национальные кадры, начиная со школы воспитывать у молодежи представление о престижности образования и карьерного профессионального роста.

Нынешним политикам неплохо бы знать, что мелкотоварность истари была присуща кавказскому горскому типу хозяйства, до конца не вытесненному и при плановом производстве. Уничтожение крупных предприятий вновь сделало его ведущим укладом. А коли так, есть испытанный отечественный и мировой путь интеграции мелких хозяйств – потребительская кооперация. Даже в таких развитых странах, как Италия, где аграрный бизнес процветает, в основе его лежит эта доступная всем форма организации производства и сбыта, подкрепленная вниманием государства и банковским капиталом. Новое строительство или технологическое переоснащение предприятий местной перерабатывающей промышленности, когда его коллективным собственником является семья, род или односельчане, имеющие равные неотчуждаемые паи, означает работу на себя. Да и бизнес защитить, в случае чего, проще. Появление на рынке региона местной качественной продукции будет формировать у населения и спрос, и предложение. Только тогда в полном объеме начнет восстанавливаться товарное производство, разрывая тем самым порочный круг потребления «самоэксплуатации» и семейного натурального хозяйства. Стыдно ведь сознавать, что рынок Северного Кавказа в наши дни завален ширпотребом и продуктами питания из Турции, которая еще 25 лет назад безнадежно отставала в экономическом и культурном развитии от республик Кавказа.

Вытеснение потребительского импорта конкуренцией местных товаропроизводителей произойдет не вдруг. При поддержке государством сбытовых сетей и крупных товарных перевозок аграрный продукт неизбежно выйдет на оптовые и розничные рынки российских мегаполисов, вытеснит мафию посредников, в том числе и из Азербайджана, разорвавших при попустительстве продажных местных властей смычку между производителем и покупателем на потребительском рынке. Только связав территорию страны экономическими отношениями, «опутав» регионы взаимными обязательствами, мы дадим возможность всем гражданам России снова почувствовать себя единым народом одного государства.

Если все-таки возобладает «имперский» подход в решении возникших проблем, то, конечно, крайне необходим государственный банк, способный кредитовать на льготных условиях возрождающееся местное производство и, прежде всего, юридических лиц в системе потребительской кооперации. Так легче контролировать целевое использование кредитных ресурсов и обеспечить

их возвратность. Этот же банк вместе с соответствующим региональным министерством может выстроить системную работу по строительству индивидуального жилья для молодых семей. Здесь вообще особого ума не нужно. Следует с учетом местных традиций спроектировать десятка три типовых домов с хозяйственными пристройками, рассчитать физические объемы кирпича, цемента, древесины и других строительных материалов и выдать тому, кто желает иметь свой дом, товарный кредит сроком на 10–15 лет. Убежден, что нормальный человек, выросший в семье, где традиционная религиозность не изуродована ересью ваххабитов, вместо того чтобы бегать от силовиков по горам и вести там звериный образ жизни, с радостью будет строить собственный дом, в который он приведет молодую жену и где вырастут его дети при живом заботливом отце. Понятно, все предлагаемое исходит из моего личного опыта работы в государственных органах и в бизнесе, но боюсь, что это очень большая морока для нынешней чиновничьей братии, у которой за плечами нет ни навыка, ни желания браться за такие сложные проекты. Но другого выхода нет, господа хорошие! Или горские народы будут созидать в XXI в. вместе с Россией, или неизбежен дальнейший провал в Средневековье с бесконечной войной кланов за выживание.

То, о чем я пишу, самое простое, что можно еще успеть сделать, и главное – это все реально. Уж точно не бредовая идея строительства четырех горнолыжных курортов. Вероятно, нужно очень неудачно спуститься на лыжах с горной вершины, чтобы всерьез обсуждать такие проекты. Вы освоите сначала в Сочи бюджет в 570 млрд., из которых только 70 млрд. – частные инвестиции, добейтесь окупаемости затрат, а дальше видно будет. На досуге есть смысл подумать, кто будет обслуживать гостей в гостиницах и ресторанах: стирать, гладить, убирать; и немаловажно, где персонал будет жить. Курортные комплексы, за редким исключением, находятся высоко в горах. Может быть, вы уже получили согласие местных жителей – отцов и мужей, на то, чтобы их любимые дочери и жены здесь работали. И не получите, не надейтесь. Русские женщины тоже не поедут, достаточно натерпелись издевательств за годы кавказской Смуты. Если поставлена задача «освоить» очередной миллиард, тогда у меня вопросов нет. Можете быть уверены, они обязательно появятся у правоохранительных органов, тем более, к тому времени новорожденная полиция, дай Бог, встанет на ноги. Но, полагаю, даже у них, обновленных и обласканных вниманием власти и общества, не хватит сил защитить

отдыхающих от бандитов, для которых захват заложников – давний и хорошо отлаженный промысел. Думаю, любители горных курортов из Европы денно и нощно «мечтают» именно о таком отдыхе. Хотя, кто знает, может, пара-другая чудаков – любителей острых ощущений – и найдется.

«Активность бандгрупп не снижается, их деятельность срывается с организованной преступностью. Количество обстрелов, подрывов и убийств мирных граждан, духовных лидеров, сотрудников правоохранительных органов не становится меньше. Люди продолжают жить в атмосфере тревоги и страха за себя и своих близких». Слова не мои, они сказаны действующим Президентом России. Основной вывод может быть только один – политика, проводимая руководством страны в течение последних десяти лет, зашла в тупик. О политике Кремля в 90-е годы говорить не приходится по одной простой причине – ее и не могло быть. Эти годы останутся в истории как время «невменяемой» России.

Сегодня же было бы логичным для власти подвергнуть беспристрастному анализу причины наших неудач. А пока, вместе с руководством страны, мы беспомощно пробуем плыть в море ложной информации о положении дел в северокавказских регионах. Ни их руководители, ни силовики, ответственные за уничтожение бандитизма, не заинтересованы в правде. Она слишком горька и потому никому не нужна. Как не вспомнить известного царского наместника, который, вникнув в дела, вынес убийственный вердикт: «Катастрофическое незнание Кавказа в Петербурге». В нынешнем его незнании «новые» питерцы в Первопрестольной оставили державный город Петра Великого далеко позади. Уже несколько лет нас убеждают, что с организованным сопротивлением покончено, и даже в Чечне якобы «сезонно» блуждают по горам всего лишь от 500 до 1 тыс. «шайтанов», как образно их называет Рамзан Кадыров. Единственный, пожалуй, кто системно, методом кнута и пряника, борется с ними и добивается реальных результатов. Другое дело, далеко не всех чеченцев устраивает сам руководитель республики и то, что он делает с согласия руководства страны. И потому или он уничтожит бандитов, или они расправятся с ним. На войне как на войне – иного не дано.

Какова же все-таки действительная численность боевиков во всех мятежных районах? По мнению тех, кто вынужденно покинул родные места, сегодня из готовых под националистическими лозунгами убивать, взрывать, похищать людей и грабить, можно сформировать целую «дикую дивизию». Что ни говорите, не за-

растает в горы «народная» тропа. И вдруг – не ослышался ли я? – директор ФСБ Александр Бортников, всегда профессионально немногословный и сдержанный в суждениях, будучи в Ессентуках вместе с президентом страны, вполне серьезно предложил повышать на Северном Кавказе эффективность и наступательность профилактической работы с молодежью, уделив особое внимание патриотическому воспитанию с целью формирования активной позиции. Прочитав ночью этот пассаж, я не выдержал и громко закричал, перепугав своих бедных, уже отошедших ко сну, соседей: «Верно. Нужно бросить все силы на, формирование у них активной жизненной позиции!» И так на душе моей стало хорошо, что весенним половодьем нахлынули воспоминания о прошедшей юности. Я, первый секретарь райкома комсомола, «воодушевленный» в очередной раз решениями XXVI съезда КПСС и речью на нем Генерального секретаря, выступаю с докладом на пленуме...

Вы сами-то, товарищ генерал, кого, где и с кем собираетесь профилактить в этих регионах? Припозднились мы, мягко говоря, на четверть века. Там уже до нас все сделали ваххабиты и муллы, получившие образование и военную подготовку в духовных учебных заведениях арабских стран. О чем, интересно, органы безопасности тогда думали? А теперь жизнь и сознание подростков находятся под их повседневным контролем, начиная со школы и заканчивая вступлением в боевую группу по месту «прописки». И поэтому за патриотическую жизненную позицию многих молодых горцев можно быть спокойными, они готовы сражаться с гяурами за свое, как они считают, национальное освобождение.

Может быть, активистам «Единой России» стоит при вашей поддержке заняться более активно воспитанием подрастающего поколения в исконно русских областях и в Сибири. Сформируйте у них готовность по первому зову правящей партии и президента страны отдать самое дорогое, что у них есть, – жизнь, если враг посмеет посягнуть на священное право олигархов владеть 75% материальных активов России. Правящий питерский клан должен быть уверен – поколение «пепси» не отдаст ни пяди российской земли, которая им не принадлежит. Вы будете воспитывать у молодежи патриотизм, обращаясь к символам исторической или современной России? Или снова, в трудную минуту, начнем взывать к бессмертным образам наших великих предков, как это было сделано 3 ноября 1941 г.?

Если ничего в экономике и общественных отношениях в горных республиках не изменится и сохранится нынешняя поли-

тика «умиротворения» властных кланов за счет федерального бюджета, мы через десять лет будем иметь не просто чужой, а враждебный России Северный Кавказ. Хочу напомнить всем страдающим амнезией сепаратистам, что их нынешние административные границы – это подарок советской власти, которая, по простоте душевной, щедро, но бездумно «жаловала лесами и степями, реками большими и малыми, землю богатою народы разные, невеликие», свято веря в нерушимость Советского Союза. А сейчас здесь ненависть к русским умелыми руками «разлита» по урочищам, ущельям и долинам, ею пропитан воздух и отравлена наша общая земля. В этих условиях выросло уже второе поколение горцев, которые ничего хорошего о прошлом и настоящем России не знают и знать не хотят. И потому молодежь, даже получающая образование в Москве, ничего не может понять в нашей общей истории, она не ведает, что же объединяет нас полтора века, которые для Кавказа по значимости равны тысячелетию. Почти каждый день телевидение и пресса приносят тревожные новости о правонарушениях с участием выходцев с Северного Кавказа. Убийства, драки с использованием боевого и травматического оружия, хулиганство, вызывающее поведение в общественных местах – и, как всегда, вялая реакция милиции, укрепляющая в них веру в свою исключительность и безнаказанность. Мы возвращаемся в атмосферу диких 90-х годов, и, главное, персонажи хорошо узнаваемые. А по-иному и быть не могло.

На Кавказе вступают в жизнь молодые «супермены», не получившие гуманитарного образования, воспитанные на антирелигиозных догматах неуважения к людям другой национальности и веры, не знающие и не воспринимающие иную культуру, а своей просто не хватает. Они воспитываются в однородной, националистически настроенной и потому очень агрессивной человеческой среде, без элементарного навыка общения в многонациональном современном обществе. Молодой чеченец, студент МГИМО, врывается на джипе в Александровский сад и, сделав круг по аллее, останавливается у Вечного огня – памятника Неизвестному солдату, погибшему за свободу и независимость Родины. Святое для всех нас место! Приехал не для того, чтобы преклонить колени и возложить цветы в знак уважения к его подвигу. Даже мысли такой нет. Громкая музыка, такие же сидящие рядом тупые девицы из провинции – свидетели его «возможностей», перед которыми наш «джигит» решил покрасоваться. А затем была попытка лихо уйти от милицейской погони и наглое поведение при задержании.

Подобные акты вандализма, а они не единичны по России, – не хулиганство, а сознательное попрание святынь нашего народа. Они так воспитаны в семье, значит, так мыслят и ведут себя в роду. Это и есть зримый, горький результат вытеснения русских с земель Северного Кавказа, вместе с которыми безвозвратно уходит и великая русская культура, во всей своей имперской многоцветности, глубине и совестливости. Не следует нам забывать трагический закат Великой Римской империи, которая погибла не под ударами варваров, пришедших извне, а от слишком большого их количества внутри империи, особенно на ее окраинах.

«Наш современник», М., 2010 г., № 1, с. 151–162.

С. Суцкий,

политолог

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В РЕСПУБЛИКАХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В НАЧАЛЕ ХХІ в.

Национальная структура населения – одна из наиболее значимых характеристик любого сообщества, поскольку определяет многие особенности его общественно-политической, экономической и социокультурной жизни, особенно, если речь идет о полиэтностных социумах, к числу которых в своем большинстве относятся республики Северного Кавказа. Именно потому важно не только фиксировать существующую в каждой из них этнодемографическую ситуацию, но и исследовать ее возможную динамику на обозримую перспективу.

Процессы, происходящие в данной сфере в последние 30–40 лет, фиксируют значительную «проблемность» проекта этнокультурной интеграции Северного Кавказа в состав Большой России через укоренение в нем русского (и шире – русскоязычного) населения. Уже с начала 1970-х годов его численность в макрорегионе начинает сокращаться. Учитывая, что показатели естественного воспроизводства в это время у русских были положительными, речь идет о миграционном оттоке. Ранее всего он начинается в Дагестане. В 1960-е годы республику покидают порядка 20–25 тыс. русских. В 1970-е годы быстро набирает скорость миграция из

Чечено-Ингушетии. Несколько тысяч русских покидают Северную Осетию и Карачаево-Черкессию. В целом отток русского населения из республик Северного Кавказа в 1970-е годы составил порядка

90–100 тыс., а в последнее советское десятилетие превысил 110 тыс. человек.

В 1990-е годы миграция русских приобретает невиданные масштабы, в отдельных случаях принимая форму спешной «эвакуации» или даже бегства. Трудно назвать иначе происходившее в Чечне и Ингушетии в 1991–1993 гг., когда республики покинуло около 200 тыс. человек, основную массу которых составляли русские. Если по переписи 1989 г. в районах, составивших позднее территории Ингушетии, их проживало около 25 тыс., то спустя три года, согласно переписи, проведенной в Ингушской Республике (сентябрь 1992 г.), уже только 10 тыс. Еще интенсивнее происходил отток русского и русскоязычного населения из Чечни.

Перепись 2002 г. подтвердила практически завершившийся процесс «дерусификации» обеих республик – около 20 тыс. русского населения в Чечне (без учета федеральной группировки) и 5–6 тыс. в Ингушетии. Среди них значительное число пожилых людей, не имеющих возможности изменить место жительства. Едва ли они, перенеся тяготы двух военных кампаний, в современной, относительно стабильной ситуации «снимутся» с места. Но, несмотря на ограниченные миграционные потери, возрастная структура республиканских русских диаспор способствует их неуклонному сокращению.

Дагестан является третьей республикой Северного Кавказа, этнодемографические процессы в которой объективно ведут к практически полной дерусификации населения. Свою роль в этом играет как естественная убыль русских, так и их интенсивная миграция. Причем роль последней в постсоветский период была определяющей. Согласно А.Б. Дзадзиеву, из 45 тыс. человек (убыль русских в Дагестане за период 1989–2002 гг.) только 10 тыс. пришлось на естественное сокращение, тогда как 35 тыс. на миграционный отток.

Своего максимума миграция русских из республики достигла в 1995–1999 гг., когда Дагестан ежегодно покидали 4–6 тыс. человек. Ликвидация в 1999–2000 гг. сепаратистского режима в Чечне позволяет определенным образом выправить ситуацию и в сопредельных республиках. Сокращается и отток русских из Дагестана. В первые годы XXI в. он снижается до 1,5–2 тыс., а в 2003–2005 гг. до 1,2–1,5 тыс. человек. Но и в последние годы размеры миграции заметно превышают естественную убыль местного русского населения. Как результат, за период 2002–2007 г. число русских в республике сократилось на 8–9 тыс. человек, и к 2008 г., по

экспертной оценке автора, составляло чуть более 110 тыс. (порядка 105 тыс. без учета федеральной группировки). Учитывая весьма ограниченные масштабы русского этнического присутствия в республике, спектр реальных вариантов его эволюции весьма ограничен. Даже если местной власти удастся полностью остановить миграцию русских (что маловероятно), доля их к 2030 г. все равно снизится до 3%. При сохранении нынешних темпов оттока доля русских может снизиться до 2–2,5 %. Иными словами, этот узкий диапазон (2–3%) и есть общий коридор «возможностей» местной русской диаспоры на ближайшие два десятилетия.

Русское население Кабардино-Балкарии за период 1989–2002 гг. сократилось с 240,8 тыс. до 226,6 тыс. человек. Таким образом, общие потери составили всего 14 тыс. человек, из которых, согласно А.Б. Дзадзиеву, 12 тыс. пришлось на естественную убыль и только 2 тыс. на миграционный отток (т.е. в среднем 150 человек ежегодно). Однако в другом источнике он приводит иные цифры – 7,7 тыс. русских мигрантов только за 1989–1998 гг. (т.е. около 0,8 тыс. в год). Но в начале XXI в. масштабы миграции в любом случае сокращаются, и основная убыль русских в республике связана с их естественным сокращением. С середины 1990-х годов до 2004–2005 гг. она держалась в республике на уровне 0,4–0,5% в год, сократившись до 0,2–0,3% в последние годы в связи с определенным ростом рождаемости. При сохранении такого уровня в долгосрочной перспективе, в масштабе десятилетия будет теряться 2–3 % русского республиканского населения. Впрочем, использование метода передвижки возрастов, свидетельствует о значительной вероятности более стремительного убывания русских в ближайшие 10–20 лет. Это связано с возрастной структурой – средний возраст местных русских в 2002 г. составлял более 38 лет, т.е. был несколько выше среднероссийского показателя. В целом численность русских в республике в 2009 г. экспертным образом можно оценить в 214–218 тыс. человек. И практически при любом динамическом сценарии русские до 2025–2030 гг. сохранятся в республике в качестве значимой этнокультурной компоненты – второй после кабардинцев. Но надо учесть, что преимущественный отъезд из республики молодежи ведет к постепенному старению остающегося русского населения. С определенного момента начнется ощутимое и быстро нарастающее сокращение его численности.

В Карачаево-Черкесии русские на протяжении почти полувека (1950–1980-е годы XX в.) являлись наиболее многочисленной

этнической группой. Даже в 2002 г. они составляли более трети жителей республики (по этому показателю уступала на Северном Кавказе только Адыгее). Вместе с тем отток русских из Карачаево-Черкесии в постсоветский период был весьма значительным. В 1989–2002 гг. республику покинуло около 18 тыс. человек (т.е. ежегодная убыль составляла в этот период около 1,5 тыс. человек). Значительный отток сохранялся и в последние годы – по его количественным масштабам Карачаево-Черкесия в настоящее время может опережать все другие республики Северного Кавказа. И только значительная концентрация русского населения в республике отодвигает сроки ее «глубокой» дерусификации (сопоставимые, например, с дагестанским сценарием) за пределы ряда ближайших десятилетий.

Впрочем, на столь продолжительной временной дистанции возможны существенные изменения миграционной активности, связанные с комплексом факторов, в том числе этнополитической и социально-экономической ситуацией в республике, уровнем межнациональной напряженности и т.д. Диапазон возможных сценариев количественной динамики русского населения включает как весьма пессимистические варианты (устойчивое и достаточно ощутимое сокращение за счет и естественной, и механической убыли), так и более оптимистические сценарии (сокращение в ближайшие 10–20 лет оттока русских при определенном повышении рождаемости).

Северная Осетия – Алания характеризовалась умеренной по меркам Северного Кавказа миграцией русских в 1990-е годы. Ежегодный отток в 1989–1998 гг. держался на уровне 0,8–1,0 тыс. человек, а в 1999–2002 гг. сократился до 0,7–0,8 тыс. В целом сокращение русского населения в республике было в равной степени обусловлено естественной убылью и миграцией. Сохранялся отток русского (и шире – нетитульного) населения из республики и в 2003–2007 гг., притом что его масштабы оставались достаточно ограниченными. За данную «пятилетку» Северную Осетию в общей сложности покинуло около 6,3 тыс. человек, из которых значительную часть составляли русские. Иными словами, в настоящее время республика ежегодно теряет несколько сот своих русских жителей. И, по мнению А.Б. Дзядиева, данная миграционная убыль носит устойчивый характер. Таким образом, за период 2002–2009 гг. число русских в республике могло сократиться со 165 до 153–155 тыс. человек. Но в любом случае их этническое присутствие в республике остается весьма значительным.

Адыгея, единственная северокавказская республика, в которой русские являются ведущей этнической группой. Показательно, что даже в 1990-е годы, характеризующиеся всплеском местного национализма, Адыгея оставалась привлекательной для русской миграции. С другой стороны, эксперименты республиканской власти по возвращению на историческую родину потомков мухаджиров XIX в. оказались крайне ограничены по своим результатам (реэмиграция составила несколько сот человек). Территориальная «вписанность» республики в пределы Краснодарского края (центра миграционного притяжения) предполагает сохранение притока переселенцев из других регионов РФ и в Адыгею. Данный приток с большой долей вероятности компенсирует естественную убыль местного русского населения, которое тем самым может даже увеличить свою численность в сравнении с уровнем начала XXI в., на самую долгосрочную перспективу сохраняясь в качестве ведущей этнической группы республики.

«Фундаментальные проблемы пространственного развития Юга России: Междисциплинарный синтез», Ростов н/Дону, 2010 г., с 299–302.

Параг Ханна,
политолог (США)
**АЗЕРБАЙДЖАН: ПРОБКА
В КАСПИЙСКОЙ БУТЫЛКЕ**

Кавказ является местом встречи Европы с Восточной и Западной Азией. Надписи на латыни, оставленные римскими центурионами, свидетельствуют о том, что Азербайджан располагался на европейской границе с I в. н.э., но затем римляне повернули назад, заявив, что человек не может жить в адских условиях Гобустанского нагорья. После радующих глаз лесов, расположенных в южной части Кавказа около грузинской границы, нужно проехать еще полторы сотни километров по выжженной солнцем местности, чтобы достичь столицы Азербайджана Баку, чье название в переводе означает «солнечные ветры». Азербайджан, зажатый между российским Кавказом и Талышскими горами Ирана, – последний ингредиент в стратегической рецептуре по превращению Европы в альянс, основанный на общих ценностях, а не только культуре. Европа выполнит свою миссию на географической карте

лишь в том случае, если сможет принять в свои ряды людей с азиатской душой.

Представляя из себя ныне новый рубеж Запада, Азербайджан все еще не желает быть им. Средневековые мечети, неуклюжие многоквартирные дома советской эпохи, высотные стеклянные здания офисов – вот символы слияния Востока и Запада, прошлого и настоящего, которые можно видеть в Баку. Тут некогда проходили караваны с шелком и специями, соединяя турецкий, арабский, индийский и китайский миры через Баку, Тебриз, Самарканд и Кабул. Талышские горы, подобные храмам, напоминают Кашмир. «По своим очертаниям и культуре наша страна подобна птице, которой для полета необходимы крылья и Востока, и Запада», – размышлял азербайджанский историк. Зеленый цвет азербайджанского национального флага означает ислам, красный – свободу, голубой – принадлежность к тюркским племенам. В 1918 г. Азербайджан стал первым мусульманским демократическим государством, предоставившим женщинам право участвовать в выборах. И хотя 8 млн. граждан страны в основном являются мусульманами-шиитами, тюркский национализм – да и советский атеизм – придали стране светский характер. Так, в азербайджанских школах учатся больше девочек, чем мальчиков, а в центре Баку все еще стоит статуя советской эпохи – женщина, сбрасывающая чадру; причем эта скульптура возвышается прямо перед отделением Иранского национального банка.

Правда, если бакинские женщины носят мини-юбки, то в расположенном рядом со столицей городе Нардаране – чаще мусульманские платки, а на многих стенах можно лицезреть арабскую вязь. Как и в Турции, по всему Азербайджану можно заметить возвращение к исламу. Этот процесс начался в результате присутствия чеченских беженцев, а также финансирования Ираном строительства мечетей и средств массовой информации в бедных южных районах вдоль границы страны. Это, пожалуй, все признаки развития. «Противостоять радикальному исламу – значит, как и в Турции, преподавать подлинный ислам в школах под контролем государства, – считает аспирант из Баку. – В противном случае множество безработных молодых бедняков впервые познакомятся с исламом в радикальных мечетях, как это происходит в арабских странах».

Зб. Бжезинский называл Азербайджан «пробкой в каспийской бутылке». Нефтяные и газовые месторождения – символ этих мест с далеких веков. Еще в V в. до н. э. огнепоклонники возводи-

ли храмы близ побережья Каспийского моря. В начале XX столетия Баку стал крупнейшим в мире производителем и экспортером нефти, причем уже тогда в дела Нобеля и Ротшильдов вмешивалась Россия. И в последующее время она контролировала азербайджанскую нефть, которая (в 1920–1935 гг.) составляла более 70% всей советской нефтедобычи. Вскоре после получения Азербайджаном независимости Россия вместе Арменией попыталась свергнуть националистического лидера Абульфаза Эльчибея. Единственное, что осталось хорошего после советского закабаления, так это бальнеологические курорты, на которых пациенты по-прежнему принимают ароматные ванны из лечебной нафталанской нефти для врачевания телесных недугов.

Азербайджан – одно из немногих мест в мире, где загрязнение может стать туристической достопримечательностью. Баку расположен на небольшом полуострове, вдающемся в Каспийское море и полностью опутанном ржавеющими трубопроводами. Они покрывают столь обширные пространства, что правительство до сих пор не знает, что с ними делать, если не считать того, что оно пытается свести к минимуму утечки нефти и организует вертолетные туры для туристов над заброшенными буровыми установками на шельфе Каспийского моря. Тем не менее Азербайджан в очередной раз в буквальном смысле молится энергетическим богам. Рядом с проржавевшими нефтяными вышками на Каспийском побережье возвышается мечеть Биби Хейбат – единственная, которую возвели за счет азербайджанского правительства.

Некоторые азербайджанцы мечтают превратить свою страну в кавказский Кувейт. Источник возрастающих поставок нефти в Европу, Азербайджан уже является самой богатой страной Закавказья. Министр по делам таможни, открывавший шестизвездочный отель «Эксельсиор», вполне мог назвать сие строение «Бурж-Баку» – по аналогии с парусоподобным небоскребом в Дубае. В конце XIX в. центр Баку выстроили нефтяные бароны, приглашавшие лучших европейских архитекторов. Ныне сюда вернулись их потомки, строящие дома на окружающих город отвесных скалах, превращенных в аккуратные пригороды.

К сожалению, Азербайджан одарен углеводородами, но не мудростью. Вопрос заключается в том, сможет ли страна накопить ее, прежде чем в течение ближайших нескольких десятилетий иссякнет вся нефть. Азербайджан все еще функционирует при политическом порядке, который был создан для одного человека – Гейдара Алиева. Алиев был лидером слишком большого масштаба для

столь малой по размеру страны, а потому вполне естественно, что он не просто выразил национальный характер, а затмил его. В условиях Азербайджана наследование стало единственной парадигмой власти. После смерти Гейдара Алиева процедура ее передачи по наследству к его сыну Ильхаму была обставлена квазивыборами, которые лишь подтвердили очевидное. «Если хотите узнать имя победителя на выборах 2003 года, то сначала поинтересуйтесь, кто считает результаты», – заявляет один из представителей оппозиции, постоянно ищущей поддержки внутри страны и за рубежом. Повсюду плакаты отца и сына Алиевых: Гейдар воплощает собою независимость, суверенитет и героизм, Ильхам – процветание и развитие, а оба вместе – стабильность государства. Однако все это лакировка действительности. Реакционная старая гвардия с изрядным скрипом сдает позиции, поскольку обладает опытом руководства, которого так недостает молодым руководителям. Аэропорту Баку присвоен код «GYD», сильно напоминающий имя Алиева-отца: Азербайджан во многом остается страной Гейдара Алиева даже после его смерти.

«Коррупция является моральным эквивалентом войны, она обескровливает Азербайджан», – жаловался мне возвратившийся на родину бизнесмен азербайджанского происхождения, вторя многим другим представителям азербайджанской диаспоры. Чувство повсеместной коррумпированности у них вызывает прекрасная организация работы бакинских турагентств и пунктов обмена валюты: раз все так хорошо, значит, за этим наверняка скрывается некая тайная рука. Большинство из 30 богатейших азербайджанцев занимают посты министров или являются членами парламента (который, как и в Иране, называется меджлисом). Единственная политическая конкуренция между ними происходит в форме попыток перещегоолять друг друга – кто сколько заплатил за государственную должность, сколько построил вилл, каков размер его особняка в Лондоне (причем туда деньги перетекают через вроде бы вполне приличные с виду компании). У каждого найдется объяснение тому факту, почему полиция вдруг пересела на новенькие «БМВ» (щедрое подношения Германии здесь ни при чем). Династия Алиевых прибегает к компромиссам с учетом момента. Официально запрещена торговля икрой, чтобы защитить иссякающую популяцию осетров, однако для друзей Ильхама это делает ее контрабанду еще более выгодной.

В арабо-тюрко-восточном мире махровая клановость – дело естественное, а двойные стандарты – норма жизни. Коррупция за-

ложена в культуре страны, отсюда ее глубокая укорененность. «Детей не готовят к самостоятельной жизни, – сетовал один азербайджанский дипломат, сидя за ужином в саду, заполненном представителями бакинской элиты. – Возможно, ваш дядя – никудышный человек, но ведь это брат вашей матери». В многонациональном Баку семьи продолжают давать взятки должностным лицам, стремясь протащить в престижные школы своих отпрысков, которые, в свою очередь, дают взятки, чтобы окончить учебные заведения, не утруждая себя науками.

Способ, который азербайджанское правительство выберет для управления доходами от продажи энергетических ресурсов, в конечном итоге определит, куда пойдет страна: либо по пути их перераспределения в целях развития, как Норвегия, либо будет поражена «ресурсным проклятием», подобно Нигерии, и сохранит государство российского типа, где нефтяной и банковский секторы неразрывно переплетены, а деформирующая рынки смычка между правительством и олигархией приводит к их обогащению лишь за счет высоких цен на нефть и движения валютных курсов.

В Азербайджане предпринималось мало усилий по развитию каких-либо других отраслей помимо нефтянки и даже регионов за пределами Баку: во многих районах страны до сих пор отсутствует регулярное электроснабжение. «Нехватка энергии в стране, богатой нефтью, – очевидный признак неважного управления экономикой, – отметил один европейский дипломат в ходе поездки по южным провинциям Азербайджана, расположенным вблизи границы с Ираном. Один миллион азербайджанцев – это перемещенные лица внутри Азербайджана, появившиеся в ходе конфликта в Нагорном Карабахе; многие из этих людей живут в Баку в битком набитых квартирах и даже университетских общежитиях, но правительство, судя по всему, этого не замечает».

В Азербайджане нефть плохо сочетается с демократией именно потому, что ресурсы нефти ограничены, а барыши получаются лишь благодаря высоким ценам на нее. Ильхам Алиев уволил нескольких министров из старой гвардии за финансирование оппозиции, а также предполагаемое участие в неудавшихся заговорах против него; других он арестовал якобы за неуплату налогов. Все это признаки того, что демократизации Ильхам предпочел контроль над государственной казной. Только у пропитанных паранойей режимов численность ОМОНа превосходит количество протестующих. Иногда Ильхам позволяет митинги, а другой раз

жестоко подавляет их, что свидетельствует о том, что перед нами игра с общественным мнением.

Коррупция, существующая при режиме Алиева, обременяет и Азербайджан, и Запад. В конце концов, перед нами все тот же режим, возвращенный Россией и Ираном именно потому, что он им выгоден. Выдавив из контракта на модернизацию электросети страны турецкую компанию, азербайджанские власти раскрыли настежь двери перед Россией, поспособствовав установлению ее полной монополии над системой электроснабжения на Южном Кавказе. Из-за слабой диверсифицированности экономики вторым крупнейшим источником доходов для Азербайджана являются денежные переводы от 2 млн. азербайджанцев, проживающих в России. Преступные группировки, занимающиеся контрабандой наркотиков на российской и иранской границах, обладают политическими связями. В результате Россия по-прежнему сохраняет сильные рычаги влияния на азербайджанскую внешнюю политику, а Иран – на проживающих в стране шиитов. НАТО продавливала идею устройства военной базы с целью контроля над Каспием и Ираном, а Россия предлагала Соединенным Штатам арендовать радиолокационную станцию в Габале. Однако, как заявил один азербайджанский аналитик, «нам не нужна помощь Америки, поскольку она только усугубит наши трудности». Итак, симпатии Азербайджана столь же переменчивы, как и его письменность, которая в течение одного только XX столетия металась между арабской вязью, кириллицей и латиницей.

В 1959 г. американский посол при ООН Генри Кэбот Лодж-мл. задался вопросом: «США могут победить в войне, но сможем ли мы подавить революции?» В 2005 г. Ильхам Алиев с пренебрежением отнесся к парламентским выборам, заметив, что они все равно «не повлияют на курс правительства». Хотя выборы не соответствовали стандартам ОБСЕ, Америка одобрила их результаты. Однако было бы лучше, если бы Соединенные Штаты и Европейский союз поспособствовали появлению в Азербайджане более сильной оппозиции, а также поддержали парламентариев-реформаторов. Страны Восточной Европы, входящие в группу стран Второго мира, уже интенсивно работают в Азербайджане в надежде на то, что правительство страны – этот мятежный ребенок – все же станет больше прислушиваться к друзьям, нежели к опекающим его внешним силам. Каким бы путем в стране не случились перемены – в результате переворота, вспышки недовольства низов, либо военного вторжения, становление подлинной демо-

кратии произойдет тогда, когда у народа появятся средства для оказания давления на своих глубоко окопавшихся правителей, с тем чтобы сделать систему власти открытой. Если это произойдет, исчезнет необходимость в какой-то очередной «арбузной» или «икорной» революции, а страна встанет на путь построения политической системы западного типа.

«Для нас приемлемо любое название, только не “бывший СССР”!» – заявил мне молодой сотрудник МИДа. Мало кто из азербайджанцев знает о том, что представляет собой Европейский союз, но они не хотят остаться за его рамками, поскольку уверены, что ЕС все же предпочтительнее СНГ, в котором доминирует Россия. Фактически Азербайджан уже стал частью Европы. Он зависит от европейских инвестиций, направляемых в развитие неэнергетических секторов экономики – виноделия, выращивания цитрусовых и хлопка. Одновременно тысячи работников энергетического сектора Европы – начиная от монтажников нефтяных платформ и кончая топ-менеджерами – зависят от создания высокооплачиваемых рабочих мест в Баку, откуда трубопроводы, идущие вдоль южного побережья Каспийского моря, накладываются на древние торговые пути. Кавказ может казаться наиболее отдаленным и проблемным уголком восточной части Запада, а может стать тем рубежом, от которого больше всего зависит будущее Европы как самодостаточной сверхдержавы.

Вывод из всего сказанного: Европа должна напрячься

«Общеввропейский дом» растет куда быстрее, чем ожидал историк Алан Тэйлор, и превращается в многоуровневое содружество, объединяющее членов, партнеров и компаньонов, для которых предусмотрены различные права, обязательства и субсидии. Былая история раздоров не вселяла оптимизма по поводу будущего Европы, но уже сегодня она процветает и обладает мощью сверхдержавы. Кроме того, ЕС демонстрирует растущее стремление преобразовывать все страны, попадающие в орбиту его влияния, – и это удастся ему лучше, чем любой другой сверхдержаве. В рамках Европы курдам обеспечена защита от турок, боснийцам и косоварам – от сербов, украинцам и грузинам – от русских. В то же время за счет использования набора институциональных подходов Евросоюзу удастся подвигнуть их всех к плодотворному сотрудничеству. Союз применяет строгие критерии членства,

больше не рассчитывая на то, что кто-то может научиться «европейскости», не прилагая никаких усилий, – хотя ее атрибуты легко освоить, в особенности под опекой своих новых собратьев.

По мере того как европейские лидеры расширяют коллективную империю на пространстве от Атлантического океана до Каспийского моря, им слышится мефистофелевское предупреждение, слетающее с уст испанского вечного странника Мендосы в заключительной сцене пьесы Джорджа Бернарда Шоу «Человек и сверхчеловек»: «Сэр! Две трагедии возможны в человеческой жизни: одна – когда не исполняется заветное желание; другая – когда оно исполняется». Если интеллектуальный застой разрушит согласие более чем двух десятков столиц относительно содержания и цели европейского проекта, а вместо оптимистических амбиций возобладает страх перед перспективой установления границ непосредственно с некоторыми из самых нестабильных регионов, европейцы потеряют свой стратегический аппетит – причем именно тогда, когда добились наибольшего успеха. Пока на брюссельской кухне снует множество поваров, неясно, чей рецепт возобладает.

Издержки нерасширения намного превосходят цену, которая будет уплачена за продолжение нынешнего курса; европейская имперская экспансия таким образом иллюстрирует ньютоновский закон инерции: движущийся объект продолжает двигаться. Естественный вывод: Европа должна опасаться покоя, который способен породить тенденции к самоуспокоенности и спровоцировать угрозы извне. Логика имперского перенапряжения сил в данном случае переворачивается с ног на голову, так как отказ от расширения – фактическое согласие на продолжительный застой. Если Евросоюз перестанет расширяться, то в западной зоне Евразии появятся четыре автономные силы, контролируемые из Лондона, Брюсселя, Анкары и Москвы, – а четыре колеса не всегда вращаются с одинаковой скоростью. В то же время за пределами коллективного Запада все эти четыре силы – а также Соединенные Штаты – столкнутся с еще большими вызовами в регионе, расположенном за восточными границами Европы, а именно: в Центральной Азии.

П. Ханна, «Второй мир», М., 2010 г., с. 90–98.

Е. Байдаров,

политолог (Казахстан)

РЕСУРСНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ В КАЗАХСТАНЕ

Как нам всем известно, Казахстан представляет собой многонациональное, полиэтническое государство. Это произошло по многим причинам. Это и переселенческая политика русского царизма во второй половине XIX в., продолженная затем в период Столыпинских аграрных реформ, депортация корейцев, чеченцев, ингушей, курдов, немцев, поляков и др. в 30–40-е годы и, наконец, целинная эпопея, превратившая, в конце концов, Казахстан в государство, в котором сегодня проживают свыше 130 этносов.

В результате дезинтеграции СССР многие государства постсоветского пространства столкнулись с проблемой миграции своих граждан, прежде населявшие границы их государств. Это коснулось, прежде всего, русскоязычного населения (русских, украинцев, немцев). И к этому процессу надо относиться спокойно. Естественно, что многие народы бывшего СССР хотят жить в границах своих национальных государств, и этот процесс не остановить. При этом каждый человек, будучи гражданином одного государства, волен идентифицировать себя и связывать будущее своих детей с другой страной, тем более, если она – историческая Родина. Этот факт необходимо воспринять как объективное явление, сложившееся на постсоветском этнополитическом пространстве в результате распада СССР и экономического, социально-культурного кризиса в республиках. Поэтому миграция будет продолжаться, как бы мы ей ни противились.

За прошедшие почти 20 лет распада СССР коренное население государств Центральной Азии значительно увеличилось. Так, сегодня казахи составляют более 60% населения Казахстана. Хорошо это или плохо? С одной стороны, конечно, хорошо. Несмотря на все коллизии прошлого, когда казахи оказались на грани вымирания как этнос, они смогли выстоять и возродиться. Но, с другой стороны, эта ситуация создает проблему для спокойной жизни других этносов, прежде всего – русских и русскоговорящих.

На наш взгляд, вся проблема в том, что русские или мало понимают, что с распадом бывшего и могучего государства все изменилось, или же в том чувстве имперского превосходства, с которым им так не хочется расставаться. Вот тут-то и всплывает

проблема ресурсного национализма как фактора и степени его влияния на характер межэтнических отношений в Казахстане.

Что такое ресурсы? В самом широком смысле, ресурсы – средства и возможности, к которым прибегают в необходимых случаях (духовных, политических, административных, электоральных и т.д.). В нашем же случае мы имеем в виду накапливаемый негативный ресурс несбывшихся надежд титульной нации, приобретающий актуальность на фоне их нерешенных проблем. Да, в Казахстане тихо и мирно живут представители разных народов. Многие семьи представлены интернациональными браками, в том числе и казахи. Но в том-то и беда, что строя семью с представителем другого этноса (например, русско-славянского происхождения) казах перестает быть казахом. Если глава семьи и остается казахом, зная язык своих предков и его культуру, то его дети уже выпадают из казахского генофонда, не зная «к какому стаду прибиться». Но к ресурсному национализму они не относятся, так как им нечего защищать, кроме самих себя. При этом ресурсный национализм это потенциальный источник дестабилизации, как политических, так и межэтнических отношений.

Остается фактом нерешенность самых насущных проблем казахской нации. Живя на своей исконной земле, большинство казахов остаются самыми бедными гражданами страны (за исключением крупных государственных чиновников и их родственников). Мне могут возразить, сказав, что бедными являются не только казахи, но и другие. Но те, другие, не могут восприниматься как ресурсный фактор, по той простой причине, что их мало. И у них нет практических шансов решить свои проблемы, только лишь лояльное отношение к власти имущим.

Казахи, наверное, самая терпеливая нация в мире. Но терпению ведь может прийти и конец, который способен вызвать социальный взрыв. Поэтому власть не должна уходить от решения проблем титульной нации. До сих пор не решен вопрос о государственном языке. Прошло 20 лет, но учить его по-прежнему никто не собирается, хотя многие осознают, что учиться говорить по-казахски нужно. На это нацелена и государственная программа функционирования и развития языков на 2011–2020 гг.

Не секрет, что и для многих представителей казахского этноса большой проблемой является утрата большинством его членов национального языка, что ставит под вопрос возможность овладения ими своей культуры, так как язык был и остается важнейшим средством трансляции культуры. Однако помимо вер-

бального языка существует и невербальные языки. Идентичность человека вообще и этническая идентичность в частности сводятся не только к словесным обозначениям и подразумевают множественность практик – телесных, поведенческих. Человек проявляет свою идентичность, не только говоря «Я казах», сколько действуя определенным образом – проводя досуг, определенным образом питаясь, обустривая жилище, выбирая жену, справляя свадьбу и т.д. В этом используются невербальные языки выражения этнической идентичности. Этническая история инкорпорирована в человеке, сохраняющем свою этническую идентичность, его манера держаться, мыслить и говорить, предопределены его этнической принадлежностью.

Если же рассматривать проблемы русских в Казахстане, то они тесно связаны с проблемами казахской нации. Подход к ним может иметь три аспекта: психологический, политический, социально-экономический. Психологический аспект заключается в том, что пагубная сталинская доктрина сказывается до сих пор, блокируя переход к демократическим формам сожительства народов. Если сейчас у русских появились болезненная реакция и опасения оказаться ущемленными в правах, то казахи из-за планомерного разрушения духовной и традиционной культуры в прошлом до сих пор не могут перейти к широкому употреблению родного языка. Эта «ментальная скованность» приводит к чувству неполноценности казахов в среде русскоязычных сограждан нашей страны, которая идет еще с советских времен, когда незнание русского языка фактически означало «профнепригодность».

Другой острой проблемой, способной «к возгоранию», в том числе и в межэтнических отношениях, является нерешенный жилищный вопрос. Большинство казахов не имеют собственной крыши над головой. Отсюда и проблема периферийных районов Алма-Аты, Баяна, Шанырака, Акбулака, против жителей которых власть ведет самую настоящую войну, снося построенные дома приехавших из депрессивных районов страны казахов. Как создавать семью, как растить детей, как строить планы на будущее? Извечный вопрос: «Что делать?» Кто хоть раз был в казахском ауле, тот знает, как живет народ, именем которого называется страна. Поэтому-то, наверное, современная «белая кость» из дорогих апартаментов так противится демонстрации кинофильма «Тюльпан», удостоенного, между прочим, многих наград международных конкурсов. Наверное, стыдно, или киноправда режет глаза чиновникам из дорогих апартаментов?

Опять же, мне могут возразить, что во всех бедах виноваты сами казахи. Да, я согласен. Об этом говорил еще великий Абай. Прошло более 100 лет после его смерти, но для казаха ничего не изменилось. Все та же извечная проблема: проблема существования казахского народа.

Ресурсный национализм, имеет тенденцию к прогрессированию. С начала 90-х годов прошлого века по настоящее время в страну возвратилось около 1,5 млн. этнических казахов из сопредельных республик Центральной Азии, а также из Китая, Монголии, Афганистана, Ирана, России. Их проблемы по большому счету не решены. Кроме подъемных денег, на которые не купишь даже самый маленький клочок земли, репатриантам больше рассчитывать не на что. Складывается парадоксальная картина. Инициировав это «переселение народов», власть самоустранилась. Кроме положительного примера решения судьбы репатриантов в Мангыстауской области и частично в Восточно-Казахстанской и Южно-Казахстанской областях больше ничего не сделано. В итоге репатрианты оказываются предоставленными сами себе. Кроме озлобления на власть они ничего не приобрели. Если объединить с «коренными казахами» «возвратившихся», то может получиться самая, что ни есть «гремучая смесь» из разных социально-маргинальных элементов.

Маргинализация и обнищание титульного этноса – вот тот самый ресурсный фактор дестабилизации межэтнических отношений в Казахстане. Недавние события под Бишкеком показали, что, несмотря на мирные отношения между соседями, в твой дом могут прийти и попросить освободить его. В случае отказа, «унести ноги» может оказаться счастливым билетом.

Основная масса казахов оказалась на обочине приватизации, персонализации собственности, финансово-кредитных ресурсов, накопления и оборота капитала. К казахам с опозданием приходит осознание своей унижительной социальной обделенности в результате рыночных реформ государства, унижительности своего материального и культурного положения в родной стране. Как мы видим, в Казахстане сложились объективные условия для социального взрыва. Вопрос только в том, насколько динамично будут развиваться субъективные факторы, стихийные и организованные формы движения и действия массы людей. В этом процессе, безусловно, будет доминировать национальный и этнический фон, объединения на основе защиты национальных интересов.

Резюмируя все, что было сказано выше, хотелось бы отметить еще раз, что нерешенные социально-экономические проблемы основного населения страны, всегда были причинами международных и межконфессиональных столкновений.

«Современное развитие регионов России: Политико-трансформационные и культурные аспекты», Уфа, 2010 г., с. 79–83.

Адриан Пабст,

публицист

ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЮТ СОБОЙ ПОСЛЕДНИЕ СОБЫТИЯ В КИРГИЗИИ

Жестокие этнические конфликты на киргизско-узбекской границе, приведшие к гибели сотен и перемещению более чем четверти миллиона человек в течение нескольких дней, – это не просто политический кризис, который оборачивается гуманитарной трагедией. На самом деле, он становится последней драмой в Большой игре, разворачивающейся в Центральной Азии и за ее пределами вот уже более двух столетий.

Подобно тому, как царская Россия и имперская Британия разграничивали сферы влияния в XIX столетии, Москва и Пекин соперничают за геополитическую гегемонию в XXI веке. Парадоксально, но в то самое время, когда США и другие западные страны говорят о «многополярном мире», мы наблюдаем возвышение старых восточных империй, облаченных в новые одежды. Это опровергает утверждение о том, что мир постепенно приближается к универсальной модели либеральной рыночной демократии.

ООН оказалась слишком слабой, чтобы предложить многостороннее решение. Генеральный секретарь Пан Ги Мун ведет переговоры с министром иностранных дел Казахстана, который в настоящее время председательствует в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Они договорились координировать действия по урегулированию кризисов с Европейским союзом и направлять специальных представителей в столицу Киргизии Бишкек. В действительности ООН, ОБСЕ и ЕС могут сделать не так много, чтобы остановить этническое насилие и привести к мирному урегулированию. Ни одна из этих организаций практически не представлена в регионе и не способна мобилизовать миротворческие силы.

Киргизия по-прежнему остается для Москвы ее задним двором. Восстанавливающая свою мощь Россия не потерпит никакого иностранного посягательства на ее «привилегированную сферу влияния», заявил президент России Д. Медведев. Обращает на себя внимание отсутствие активных действий со стороны Соединенных Штатов. По мере того как Обама продолжает стратегию наращивания присутствия в Афганистане, Белый дом отчаянно пытается держаться за авиабазу в Манасе, которая служит жизненно важной линией снабжения для войск и поставок в афганской войне.

Россия же отдает приказы, в то время как временное руководство Киргизии зависит от признания и поддержки Кремля. По иронии судьбы Вашингтон опирается на молчаливое согласие Москвы с целью поддержания открытой базы в Манасе. Кремль поддержал пророссийскую оппозицию в ходе апрельского переворота против свергнутого киргизского президента К. Бакиева. Он опирается на политические силы Юга страны, включая Ферганскую долину и город Ош, где имело место едва ли не самое ожесточенное насилие. Эта область – связующее звено для соперничающих амбиций России и Китая. Китайское руководство опасается, что беспорядки в Ферганской долине могут перекинуться на неустойчивую северо-западную провинцию Синьцзян, где проживают этнические уйгуры, исповедующие ислам.

Киргизию населяют около четверти миллионов уйгуров, выразивших негодование действиями, которые они рассматривают как притеснение своих братьев на китайской границе. Повстанцы могли использовать нестабильную Киргизию как убежище и базу, чтобы начать оттуда выступления против Пекина. Китай также проявлял достаточно мудрости, чтобы защитить свою расширяющуюся сеть трубопроводов по Центральной Азии. В декабре прошлого года Председатель КНР Ху Цзиньтао открыл самый длинный в мире трубопровод природного газа, соединивший Туркменистан с Северо-Западным Китаем. Это означало конец российской монополии на транспортировку энергоносителей в Центральной Азии.

Через Киргизию также продолжают проходить ключевые пути к торговым партнерам Пекина в Центральной Азии, в особенности к Казахстану, Узбекистану и Туркменистану – номинальным союзникам России. Кремль рассматривает Китай как гораздо более крупную угрозу своим интересам, чем США, даже если не принимать во внимание ЕС.

С конца XIX в. царская империя, а вслед за ней и Советская Россия безраздельно господствовали в Центральной Азии. Однако сравнительно недавно мирное сосуществование с Китаем уступило стратегическому соперничеству. Москва и Пекин борются за гегемонию в разделяемом ими «ближнем зарубежье» в Центральной Азии.

Данные тенденции нигде не проявляются столь очевидно, как в ответ на текущий кризис в Киргизии. После неудачи американской политики односторонних действий новая глобальная многосторонность, как предполагалось, должна была возродить и распространить многостороннюю дипломатию 90-х годов. Будучи участниками Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), и Китай, и Россия выступают против «терроризма, экстремизма и сепаратизма», однако пока что ШОС совершенно устранилась от участия в конфликте в Киргизии. Поскольку Пекин взял на себя фактически роль лидера в ШОС, Кремль старается укрепить Организацию договора о коллективной безопасности (ОДКБ) – соперничающую военно-политическую структуру, состоящую из бывших советских республик. Более того, Москва вновь идет на потепление отношений с США и Европой, выступая уникальным государством, обеспечивающим глобальный баланс сил между Востоком и Западом.

В Центральной Азии идет реальная борьба между Россией и Китаем – двумя странами, которые, по сути, считают себя империями. Оба государства создали систему сателлитов с небольшими странами-соседями и обеспечивают им «безопасность» в обмен на выходы к рынку и недорогой импорт. Россия продает военное оборудование и закупает энергоносители в Центральной Азии для экспорта на Запад, в то же время импортируя дешевую рабочую силу, чтобы компенсировать снижение численности населения. Китаю необходимы основные виды сырья (продовольствие и топливо) для поддержки оживленного экономического роста и доступа к рынкам для дешевых потребительских товаров.

В новой Большой игре геэкономика энергобезопасности играет такую же роль, как и геополитика территориального контроля. Вместо национальных государств и либеральной рыночной демократии, мы сейчас наблюдаем за ростом старых империй и новых элит, которые сочетают бюрократический капитализм с авторитарной плутократией.

«Мир перемен», М., 2011 г., № 3, с. 164–166.

Елена Кузьмина,
кандидат политических наук (ИЭ РАН)
НОВЫЙ ВИТОК БОЛЬШОЙ ИГРЫ?

Смена власти в Киргизии и последовавшие за ней международные столкновения на Юге страны заставили экспертов и журналистов вновь заговорить о проблемах безопасности в Центральной Азии. Некоторые даже вспомнили о Большой игре в регионе в XIX – начале XX в. между Российской и Британской империями и пытаются экстраполировать ее принципы на современную ситуацию.

Скажем, по мнению А. Пабста, события в Киргизии вызваны соперничеством за политическую гегемонию в Центральной Азии в XXI в. Москвы и Пекина, как некогда, в XIX в., за нее боролись две империи: Российская и Британская. При этом Запад якобы лишь наблюдает за таким соперничеством, которое, так уж получается, не позволяет утверждать, что «мир постепенно приблизится к универсальной модели либеральной рыночной демократии». Насколько же правомерна подобная историческая экстраполяция, тем более упрек, если не обвинение, в торможении общественного прогресса двух, хоть и влиятельных, но, как минимум, не единственных субъектов геополитики в регионе?

Что ж, соблазн исторической аналогии велик, ведь ситуации внешне кажутся похожими, и, видимо, очень хочется объяснить все внешними силами. Однако не все так однозначно. События, уж точно, разнятся по сути, по форме и по цели. Во-первых, это отнюдь не межимпериалистическая борьба с целью поработить туземцев. Во-вторых, не захватываются территории и не перекраиваются, как в прошлом, границы государств. В-третьих, идет не столько передел сфер влияния, сколько борьба за смену модели развития с традиционалистской патроно-клиентской на либеральную рыночную демократию, чего не усматривает наш оппонент. Действительно, наиболее сильные позиции в регионе занимают Россия и Китай. При этом экономическое влияние последнего растет значительными темпами. Лишь в период мирового кризиса, в 2009–2010 гг., КНР вложила в экономику региона в виде кредитов, займов и материальной помощи в разы больше, чем Россия и США или ЕС. Китай сегодня занимает те экономические ниши, которые не смогла или не захотела сохранить Россия.

Впрочем, говорить об экономических интересах и позициях в Центральной Азии только этих двух государств было бы не корректно. Страны региона тоже экспортоориентированы, причем не только Казахстан, Туркменистан и Узбекистан, обладающие значительными запасами углеводородов, золота, урана и других цветных и редкоземельных металлов. Киргизия и Таджикистан, не имеющие столь значительных запасов, также живут во многом за счет разработок и экспорта небольших месторождений золота и серебра. Экспорт большинства ресурсов направлен на Запад.

Правда, потоки основного экспортного товара – углеводородов – из региона довольно причудливы. Магистральные трубопроводы отсюда проложены в Россию и Китай. Пекин намерен использовать центральноазиатские углеводороды для собственных нужд, Москва же занимается в основном их транзитом в Европу. Поскольку Россия использует свои трубопроводы в политических играх, европейские потребители при поддержке США пытаются перенаправить часть потоков нефти и газа по внероссийским энергоартериям. Вспомним многократные предложения Казахстану присоединиться к нефтепроводу Баку–Тбилиси–Джейхан и лоббирование в Туркменистане и Казахстане строительства Транскаспийского газопровода с его дальнейшим подключением к проектируемому европейскому газопроводу Nabucco.

Не стоит забывать также, что самые крупные инвестиции в добывающие отрасли стран региона вкладывают европейские и американские компании. Например, по данным Национального банка Казахстана по состоянию на 31.03.2010 г. доля американских инвестиций в горнодобывающую отрасль страны составляет 39%, Нидерландов – 26,7, Китая – 9,4, России – 1,7%. Такая же ситуация и в золотодобыче: основные партнеры Узбекистана и Киргизии – американские и европейские компании. В строительстве транспортных коммуникаций переплетаются интересы российских, китайских и европейских игроков.

Китай инвестирует не только в строительство дорог из страны в Центральную Азию, но и в модернизацию транспортной инфраструктуры внутри региона. Эти инвестиции, с одной стороны, позволяют расширить китайский бизнес, особенно из приграничного Синьцзян-Уйгурского автономного района, на центральноазиатском рынке, с другой – через «открытие» замкнутого экономического пространства Центральной Азии обезопасить приграничные с КНР территории. Уже действуют 87 транспортных маршрутов – 43 пассажирских и 44 грузовых – с Казахстаном,

Киргизией и Таджикистаном. В рамках Организации сотрудничества железных дорог (ОСЖД), Международного союза железных дорог (МСЖД) и ЭСКАТО ООН активно и детально изучается «Северный коридор». Это единственный международный маршрут, где единый сквозной тариф графика движения от Китая до Германии и упрощенная таможенная и пограничная процедура согласованы с железнодорожниками Казахстана, Китая, России, Белоруссии. Пекин предлагает государствам региона создать транзитную железнодорожную магистраль протяженностью 4 тыс. км от китайско-казахстанской границы через Казахстан, далее в Туркменистан и Иран с европейской шириной колеи (1435 мм). Китай, учитывая интерес центральноазиатских стран к транспортным выходам к морю, открыл провинцию Синьцзян для транзита их грузов в пакистанский порт Гвадар. Другой вариант евроазиатского железнодорожного транспортного коридора – восстановление так называемого Великого шелкового пути в его современном варианте: с юга Японии, морским подводным тоннелем под Корейским проливом и через Республику Корея и Китай в Европу.

Среди важнейших приоритетных проектов – прокладка авто- и железных дорог КНР–Киргизия–Узбекистан. Пока сторонам удалось лишь договориться после тринадцатилетних переговоров о точном маршруте дороги. Однако необходимо не только построить указанные дороги и создать сухопутную транспортную систему, но и осуществить комплекс межгосударственных мер для максимально возможного снижения транспортных издержек и транзитных тарифов. Лоббирование соответствующих решений для КНР оптимально в рамках ШОС. Евросоюз также активно поддерживает развитие транспортной инфраструктуры по линии Восток – Запад. Центральная Азия географически значительно удалена от Европы. Два региона соединяет незначительное количество современных дорог, причем большинство из них проходит через Россию. Для расширения торговли и экономического взаимодействия в целом необходимы создание современной транспортной сети и диверсификация ее направлений. Не обойтись и без формирования благоприятных транзитных и таможенных условий для функционирования данного транспортного направления. Пилотным в этом отношении стал проект ТРАСЕКА. Более 40% его бюджета направляется на реализацию именно инвестиционных инфраструктурных проектов. Всего при участии и содействии КЕС в становлении ТРАСЕКА было реализовано 60 проектов на сумму свыше 121 млн. евро.

Стратегия его развития до 2015 г. обозначила основные приоритеты и важнейшие задачи, направленные на содействие торговле, транспорту и транзиту в регионе. Для этого упрощаются и гармонизируются административные приграничные процедуры, закладываются основы интегрированной мультимодальной транспортной системы, совершенствуется тарифная политика международных перевозок. Для привлечения внешних инвестиций в инфраструктуру ТРАСЕКА и укрепления сотрудничества с ЕС используются новые инструменты. В частности, уже реализованы технические проекты развития транспортного коридора: «Гармонизация пограничных процедур», «Единая политика транзитных пошлин и тарифов», «Общая юридическая база для транзитных перевозок». Многими государствами – участниками ТРАСЕКА принят ряд новых нормативных актов, способствующих сближению их законодательств с западными стандартами в транспортно-коммуникационной, торгово-экономической, инвестиционной и других сферах.

Как видим, деятельное функционирование в Центральной Азии отличает не только Россию и Китай. В регионе реализуются интересы и других национальных государств и межгосударственных объединений – и самого региона, и соседствующих с ним, и не имеющих с ним общих границ. И совсем не похоже, что только два игрока, как уверяет А. Пабст, выстраивают всю политику в Центральной Азии.

В сфере безопасности в регионе набор основных внешних игроков остается неизменным – Россия, Китай, США, ЕС. Только силы здесь распределяются по-другому. Все эти страны участвуют в преодолении основных проблем региональной безопасности – борьбе с религиозным экстремизмом и терроризмом, а также наркотрафиком. Правда, Китай, в отличие от России, США и стран – членов НАТО не имеет здесь военных баз и вспомогательных военных объектов, а сотрудничает в формате ШОС и на двустороннем в основном дипломатическом уровне.

Впору задаться вопросом: Россия и США – союзники или соперники в борьбе с терроризмом? С одной стороны, они сотрудничают в обеспечении антитеррористической кампании США в Афганистане: через воздушное пространство России перебрасываются невоенные грузы НАТО. С другой – имеет место постоянное скрытое противостояние по поводу военных объектов на территории Центральной Азии. США в первую очередь рассматривают регион как стратегическую базу для долгосрочного доми-

нирования там и военного присутствия в Афганистане. Для Вашингтона предпочтительно объединение Афганистана и центральноазиатских государств в единый регион – Большую Центральную Азию в целях вывода государств региона из-под монопольного влияния сопредельных держав – России и Китая, а Афганистана – из орбиты влияния Пакистана и Ирана. Подобный проект изначально зародился в недрах Института по изучению Центральной Азии и Кавказа при влиятельном Университете им. Дж. Гопкинса в Вашингтоне, однако широкую известность он получил после публикации соответствующих идей главным идеологом этого проекта, директором Института, профессором Ф. Старром в журнале «Foreign Affairs» в 2005 г. В целом такая стратегия направлена на установление и поддержание доминирующего влияния США в регионе на основе усиления там роли Пентагона и НАТО. Американские эксперты едины в том, что на протяжении последних десяти лет военная составляющая доминирует в отношениях США с центральноазиатскими странами и часто идет вразрез с общей политикой Вашингтона в регионе. Так, Министерство обороны США собирается построить ряд военных объектов в Афганистане и в регионе. В частности, недалеко от афганского города Мазари-Шариф, в 50 км от узбекской границы, США намерены разместить оперативную военную базу. В Туркмении, Узбекистане и Киргизии предполагается построить пограничные КПП и тренировочные центры, где американские войска будут готовить местные силы безопасности. Эксперт Центра Карнеги в Москве А. Малашенко считает, что размещение дополнительных баз – это не столько альтернатива киргизскому «Манасу», сколько новая американская стратегия, принцип которой: базы – везде.

Россия также стремится расширить военное присутствие в регионе, в первую очередь в Киргизии. Однако взаимодействие с правительством К. Бакиева не дало положительных результатов. Более того, фактически получая политическую и финансовую поддержку для страны, клан Бакиевых не выполнил ни одного обещания или положения подписанного документа. По данным экспертов, камнем преткновения в российско-киргизских переговорах по созданию новой базы стало место ее дислокации. Бишкек предложил создать военный объект на территории приграничной с Узбекистаном Баткенской области. Это не устраивает Ташкент, который опасается активизации в таком случае экстремистов. Узбекистан один из важнейших для России стратегических парт-

неров в регионе. Поэтому Москва будет искать вариант, приемлемый для всех. К тому же здесь пересеклись интересы России и США. Вашингтон заявил о намерении разместить в Баткене военно-тренировочный центр, хотя никаких документов не подписано. Апрельские события в Бишкеке спутали планы не только россиян, но и американцев. Реализацию обоих проектов пришлось отложить.

Новые власти страны вновь вернулись к ним. Так, министр иностранных дел нового правительства Р. Казакбаев заявил, что «вопрос о размещении в Киргизии второй российской военной базы остается актуальным». Эксперты считают, что Бишкек реанимировал тему, чтобы уравновесить соотношение военных сил на территории республики. Поскольку никаких конкретных договоренностей о базе нет, сложно говорить о ее способности стабилизировать ситуацию в Киргизии. Сегодня рано говорить, кому будут принадлежать эти объекты. Пока Бишкек одновременно делает равнозначные предложения двум державам. В этих условиях руководство Китая, осознавая, что не имеет достаточно сил на полномасштабное противостояние США в регионе, предпочитает создание региональной системы безопасности в рамках ШОС. Таким образом, и военно-политически, и геостратегически регион выстраивается отнюдь не под диктовку Большой игры двух вновь возвышающихся «старых восточных империй» – Китая и России, а формируется под воздействием многокомпонентной Большой игры (если использовать термины А. Пабста) с участием крупнейших мировых игроков США и ЕС и далеко не пассивной роли самих государств Центральной Азии.

Оценивая современную ситуацию, ни в коем случае нельзя забывать о других государствах Центральной Азии. Их точно нельзя назвать объектами международных манипуляций. В данном случае совершенно А. Пабст прав в том, что за 19 лет независимости государств региона им не удалось построить не только универсальной модели либеральной рыночной демократии, но и ее образа. Связано это не столько с примерно равными силами внешних игроков в Центральной Азии, сколько с внутривнутриполитической ситуацией в самих государствах региона.

Обретя самостоятельность, они заявили о сохранении светского пути развития на основах демократии и рыночной экономики. Между тем Центральная Азия никогда не имела опыта демократического управления, на ее территории никогда не было и этнократических государств. Феодалная система ханств, функ-

ционировавшая в регионе до второй трети XIX в., предполагала абсолютную власть правителей и не зависела от их национальной принадлежности. Пришедший на смену российский царизм также не предполагал демократизации новых провинций и не обустроивал его администрацию по национальному признаку. Советская власть, поделив Центрально-Азиатский регион на национальные республики, все же не избавилась там от тоталитарных методов правления. Фактически в регионе к началу 90-х годов не сложилась демократическая политическая культура, что способствовало сохранению существовавших веками социальных отношений традиционного общества.

Одновременно в странах стал укрепляться регионализм. Выстроенная там жесткая вертикаль верховной власти плавно перетекает в многочисленные властные клановые пирамиды. Разрушить клановые связи не удалось ни одному президенту. Они лишь уравновешивают эти связи частыми кадровыми перестановками без скидок ближайшему окружению. Само явление клановости отражает традиционно-патриархальные и социокультурные устои населения. Суть их заключается в том, что основная масса населения относится к институту государственной власти как к системе справедливого распределения социальных и материальных благ.

Юридически государства Центральной Азии считаются демократическими республиками. Там регулярно проводятся выборы президентов и членов парламентов, разделены функции властей и т.п. Но, по сути, демократия в регионе в определенной мере ограничена по сравнению с классическими западными образцами. В государствах Центральной Азии действуют так называемые делегированные демократии, которые более адаптированы к традиционной структуре региональных сообществ. Президентам передаются функции разных ветвей власти. Разница по странам заключается лишь в объеме делегируемой власти. Так, в Казахстане создается видимость меньшего влияния главы государства на законодательную и судебную ветви власти, а в Туркменистане, Узбекистане и Таджикистане его не ограничивают никакие условия.

Киргизия же, которая в наибольшей степени продвинулась по пути демократических реформ и открытости экономики, не случайно стала местом наиболее частых народных волнений, государственных переворотов. Специалисты давно говорили о том, что киргизский опыт построения западной модели политической системы в лучшем случае окончится крахом самой системы. Но слу-

чилось хуже – в регионе создан неконтролируемый очаг перманентной нестабильности.

Это сложилось не в последние пять лет, пришедшиеся на правление К. Бакиева. Все началось еще во времена А. Акаева. Вводимые первым президентом Киргизии демократические институты при отсутствии соответствующей политической культуры и сильной президентской власти привели к вседозволенности. Новая политическая система демократического толка не смогла разрушить вековых социальных отношений традиционного общества. Такая дуальность значительно отличала страну от соседних, где создавалась традиционная система власти сильного лидера нации с учетом межклановых взаимосвязей и номинальных демократических институтов.

Этносоциальной особенностью Киргизии служит достаточно большая узбекская диаспора (порядка 25% населения республики), проживающая на юге в киргизской части Ферганской долины (в Ошской и Джалал-Абадской областях узбеки составляют не менее 40% населения) и на севере в районе г. Токмака. Диаспора экономически более состоятельна в люмпенизированной стране, но фактически не представлена в ее политической жизни. Этнократическая политика в отношении узбеков сказывается и в информационной и образовательной сферах. Сложившиеся диспропорции не могли не стать поводом к межнациональным столкновениям.

Сложностей стране добавляет и экономическая ситуация. В отличие от соседей в ее недрах нет значительных запасов углеводородов, урана и золота (хотя за счет имеющихся золотоносных рудников она пока находится на плаву), востребованных на мировом рынке. Единственный немаловажный для всего региона природный ресурс Киргизии – вода. Однако киргизским властям так и не удалось сделать ее товаром из-за сильного сопротивления соседних Узбекистана и Казахстана – основных ее потребителей – при молчаливом согласии крупных мировых и региональных держав.

При слабости центрального правительства и сращивании властных структур с криминалом стал расширяться наркотрафик, превратившись в одну из основных статей доходов не только криминала, но и нелегального бизнеса правящих элит. Обнищавшее за период независимости население вынуждено для пропитания семьи заниматься транспортировкой афганских наркотиков через территорию страны в северном направлении. В Федеральной службе по контролю за незаконным оборотом наркотиков РФ вы-

деляют два основных направления киргизского трафика – «соджийское» и «баткенское». В обоих случаях зелье попадает из Таджикистана и сходится в Ошской области, откуда наркотики через Джалал-Абад перебрасываются на север страны, а затем в Казахстан и Россию. Так, в результате только одной операции по пресечению деятельности транснациональной преступной группы, поставившей героин афганского происхождения в Россию, проведенной в 2009 г., было изъято более 50 кг зелья. Наркобароны значительно влияют на политическую обстановку в регионе. По некоторым данным, именно они стояли за беспорядками в Оше и Джалал-Абаде – на их средства было закуплено оружие. «Конфликт, – отмечает эксперт, – выгоден наркогруппировкам – пока военные и спецслужбы отвлечены на пресечение беспорядков, поток перебрасываемых через республику наркотиков, вне всякого сомнения, увеличивается».

Особенностью последних межнациональных столкновений стало активное участие религиозных группировок. В официальном релизе Службы национальной безопасности Киргизии основными зачинщиками погромов названы члены «Исламского движения Узбекистана» и «Союза исламского джихада». Стратегической целью террористических организаций «Исламское движение Узбекистана», «Союз исламского джихада» стало свержение конституционного строя в Киргизии, Узбекистане, Таджикистане, Казахстане с целью построения исламистского государства Халифат с перспективой переноса зоны нестабильности на территорию Китая и России. Данные организации поддерживают прямые контакты с движениями «Талибан» и «Аль-Каида». Основным заказчиком объявлен клан Бакиевых.

В событиях весны – лета 2010 г. на Юге Киргизии проявились воедино все противоречия, присущие стране: слабость верховной политической власти; адаптированный во власти наркобизнес; окончательное обнищание населения; усиление криминальных структур и их сращивание с властными структурами; нарастание религиозности, особенно на Юге страны. Наиболее простой способ разрешения противоречий между старой и новой властью, криминалом и властью, передела собственности и контроля за наркотрафиком стало разыгрывание этнонациональной карты. Киргизско-узбекские противоречия всегда были тлеющим фитилем. Однако передел власти, а значит, и собственности в стране не закончен. Временное правительство Киргизии узаконило на июньском референдуме переход к парламентской форме правления, в

октябре должен быть избран новый парламент. Ключевые члены нынешнего кабинета, представляющие разные политические силы, покидают посты и сосредоточиваются на борьбе за власть. Кроме того, Джалал-Абад и Ош остались постоянно тлеющим огоньком нищеты и межрелигиозного недоверия.

Что касается влияния киргизских событий на регион, то использование межэтнических трений – это беспроектная карта при раздувании конфликтов в Центрально-Азиатском регионе. Во всех странах существуют национальные анклавные титульные нации соседних государств. Усиливает сложность межэтнических отношений и этнократическая политика властей. Это может привести к распространению межэтнических противостояний по всей Ферганской долине (самой многонациональной, густонаселенной части региона, где сильны позиции радикального исламизма), разделенной между тремя государствами – Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном. При таком сценарии долина превратится в перманентный очаг нестабильности и экстремизма. Наихудший вариант – возникновение полосы нестабильности от Афганистана до границ Казахстана и далее на север. Однако в этом не заинтересованы ни сами страны, и особенно Узбекистан, как наиболее крупное по населению государство (29 млн. человек), ни внешние игроки – Россия, Китай, США, ЕС.

Для Узбекистана, косвенно вовлеченного в конфликт, несмотря на очень осторожные и выверенные действия Ташкента, ситуация весьма неоднозначная. Его даже призывали ввести в Киргизию войска. «Армия Узбекистана, – говорится в официальном заявлении партии в изгнании «Бирлик», – должна в качестве миротворческих сил взять под свой контроль южную часть Киргизстана, в первую очередь Ошскую область, оставаться там до тех пор, пока в Киргизстане не восстановится законная власть, и сохранять мир двух родственных народов. Эта акция необходима не только для защиты проживающих там узбеков, но и для сохранения перед историей авторитета киргизов, не имеющих традиции государственности».

Такие настроения есть и внутри страны, но они жестко пресекаются властями. Президент Узбекистана официально заявил, что в конфликте «не виноваты ни узбеки, ни киргизы. Это – подрывные действия, организованные и управляемые извне. Силы, организовавшие диверсию, стремились втянуть Узбекистан в это противостояние». И. Каримов понимает, что такие действия могут

привести уже к войне с сопредельными государствами, в чем не заинтересованы ни Ташкент, ни его соседи.

На территории Узбекистана сейчас размещены сотни тысяч беженцев из Киргизии, для которых в перенаселенной долине нужно найти место и создать условия, что потребует значительных затрат. Сегодня главное – предотвратить гуманитарную катастрофу, способную вызвать исход беженцев на историческую родину. Проблемой могут стать и межэтнические столкновения в самом Узбекистане, где проживает, по разным данным, от 500 до 900 тыс. киргизов. Из киргизского анклава на территории Узбекистана уже бежало более 250 человек – на них оказали давление беженцы из Оша, которых узбекские власти начали размещать там. Расширение межнациональных противоречий может значительно увеличить отток киргизов из Узбекистана.

Эффективных и оперативных механизмов для борьбы с гуманитарными катастрофами в регионе пока нет. Несовершенны и документы ОДКБ, куда входят четыре из пяти государств Центральной Азии, ответные действия в случае внешней агрессии реально затруднены. Во-первых, пока механизмы прописаны лишь на бумаге, во-вторых, не сформированы силы быстрого реагирования – КСОР. И самое главное, речь там идет о внешних по отношению к странам-членам вторжениях, а не о конфликтах между ними самими или столкновениях внутри государств. Расквартированные в регионе военные и вспомогательные подразделения НАТО также не наделены требуемыми в таких случаях полномочиями. Тем самым неправомерно говорить о переделе сфер влияния в Центральной Азии только между Россией и Китаем, при их наиболее сильных позициях в регионе. Значительный потенциал как для сотрудничества, так и для соперничества имеют здесь Россия, Китай, США и ЕС. Если говорить об экономической сфере, то она в определенной мере уже разделена. Лидирующие позиции в ней постепенно занимает Китай, который в среднесрочной перспективе станет главным экономическим субъектом в регионе, причем ситуация в Киргизии серьезно не повлияет на позиции внешних игроков.

Что касается безопасности, то чаще завуалированное противостояние России и США еще больше усилится, несмотря на риторику о перезагрузке российско-американских отношений. Это связано с уточнением политики администрации Б. Обамы в Афганистане и созданием системы военных объектов вокруг него. Россия и Китай не оставят попыток ограничения западного военного

присутствия. Возможно, новые киргизские власти для укрепления своих позиций усилят сотрудничество с Россией и согласятся на создание новых военных баз на своей территории. Однако это приведет к укреплению военных позиций США в других странах, и в первую очередь в Узбекистане.

События в Киргизии практически не изменили распределения сил внешних игроков, но в значительной степени осложнили безопасность в регионе. Это заставит их искать новые пути укрепления здесь своих стратегических позиций. Россия, скорее всего, попытается расширить не только военное присутствие в Киргизии, но и полномочия ОДКБ. Правда, это придется делать достаточно медленно и осторожно, чтобы резко не ухудшить отношений с Узбекистаном. США продолжают политику расширения военного присутствия в регионе для проведения афганской и ближневосточной политики в целом. Китай по-прежнему будет осторожничать и выжидать, пойдя на укрепление сотрудничества между ШОС и ОДКБ лишь в случае быстрого и значительного укрепления американских военных в регионе. В общем, Большая игра – но теперь уже большего количества игроков и в современных условиях – продолжается.

«Мир перемен», М., 2011 г., № 3, с. 167–178.

Александр Джумаев,

писатель

К ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫМ ОСНОВАНИЯМ БЛИЗОСТИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И РОССИИ: ВЗГЛЯД ИЗ УЗБЕКИСТАНА

Когда-то, еще в доисламские времена, в Средней Азии была распространена древняя религия зороастризм с ее концепцией противоборства двух «вечных начал» – добра и зла, составляющих движение мирового исторического процесса, – и верования в неизбежную конечную победу добра. Следы ее и сейчас продолжают открывать ученые в культурном, материальном и духовном наследии среднеазиатских народов. А ее пережитки мерцают необъяснимыми сполохами в ментальности современного среднеазиатского человека. В русле зороастрийской традиции был изречен постулат, который, несмотря на кажущуюся горечь пессимизма, таит в себе проблеск надежды: «Я давно предвидел постоянство нескольких вещей. Не более (далее) чем на протяжении ста лет

тело умрет, а власть уничтожится. На протяжении трехсот лет род разрушится, имя забудется и исчезнет из памяти, жилища и обители разрушатся и подвергнутся осквернению, род и потомки (будут) уничтожены и заслужат сожаление, старания (станут) бесплодными, труды и усилия – напрасными, власть перейдет к кратковременным правителям. Но богатство останется у тех, для кого была создана слава времени. Ведь вечное («вечные вещи») осталось и не разрушится, а слово праведное, творения вечные и добрые дела никем не могут быть похищены».

Печально, но не прошло и ста лет, как исполнилось первое из этих предвидений – уничтожилась не только советская власть, но и распались многие культурно-исторические общности, складывавшиеся на протяжении более длительного времени. До сих пор остается неясной судьба самого советского культурного наследия в Средней Азии, возвращенного на синтезе русско-европейских и национальных традиций. Так же как неясна и судьба среднеазиатского советского человека. Неясны и наши сложные культурные отношения с новой Россией, которая претерпевает разительные изменения, и эти изменения приводят ко все более возрастающим различиям между нами.

Самая сложная проблема здесь – это критерии оценок происшедших и происходящих изменений. В советское время существовала (ныне осмеянная и дискредитированная) достаточно емкая и многосторонняя марксистская система оценки ситуаций, основанная на целостном подходе к явлениям, на учете многих составляющих (и экономических, и культурных, и эстетических, и нравственно-этических, и других), которая в целом базировалась на идее гармонически развитой личности. Скажут, что эта идея – сплошная утопия. Но даже если и утопия, то и в этом есть свой резон, своя прелесть: утопия как путеводная звезда создает пространство и большое время для движения, для совершенствования. В этом смысле утопия о гармонически развитой личности, пусть и отдаленно, но напоминает учение о «совершенном человеке» (ин-сони комил) в классическом средневековом суфизме – мистическом течении, распространенном в прошлом и в Средней Азии (особенно в городской культуре). И в этом — в наличии социалистических утопий, возможно, и коренилась близость социализма исламскому мышлению, близость русской идеи справедливого социального устройства исламской доктрине устройства социума. Отсюда и такое долгое прощание с социализмом (да и простимся

ли?) в Средней Азии у народов с большим исламским наследием (узбеков и таджиков).

В предлагаемых же ныне схемах отношений и концепциях человек как многосложное существо больше никого не интересует, он рассматривается только лишь как «экономическая единица», как рабочая сила – товар. А человек из Средней Азии – особый товар, это очень дешевый товар, почти рабская рабочая сила. Единственным «утешением» для него, а для капиталистов-гуманистов и гордостью являются призывы научиться продавать себя подороже и бороться за «право» отстаивать возможность продавать себя самостоятельно, а не так, как это происходит сейчас, когда тебя продают (а иной раз и перепродают по несколько раз) другие.

Среднеазиатские народы (в первую очередь узбеки и таджики) сохранили во многом представление о «справедливом правителе», уважение к власти и осознание необходимости подчинения ей. Киргизстан – это особый случай, здесь и иные народные исторические традиции, и правители перешли все пределы, и все доведено до крайностей. Но и в прошлом в городской традиции таких правителей объявляли «золимами» – злодеями, тиранами-притеснителями. Таджикский революционный поэт-джадид Абдулвохид Мунзим в своей газели, посвященной революции в Бухаре, написал о том, что казнь шаха в праздник революции допустима, а из его головы можно сделать чашу для музыкального инструмента танбур – «Каллаашро косаи танбур мебоист кард» (такое бы, наверное, и Сальвадору Дали не приснилось). Уважительное отношение к верховной власти у горожан связано, очевидно, и с тем, что на протяжении веков в культуре Средней Азии, в особенности, повторю, в ее городской части, культивировалась тема «справедливого правителя» (подшохи одил), которому противопоставлялся «несправедливый правитель-злодей» (подшохи золим). На эту тему было написано большое количество всевозможных литературных сочинений в прозе и поэзии на таджикском и узбекском языках, как принадлежавших известным поэтам, философам, так и созданных самим народом (в фольклорной традиции). Конечно, и в российской глубинке народ продолжает надеяться на «справедливого правителя». Но в целом, в преобладающей части, эти представления уже не характерны для современного российского общества, проникнутого скептицизмом и цинизмом и по отношению к патернализму, и в особенности по отношению к любым упованиям этического толка.

В Средней же Азии идея справедливого правителя сохраняется и, более того, модифицируется в соответствии с затянувшимся ожиданием его прихода в мир: он, мол, уже здесь, работает, но окружен продажными чиновниками, мафией; бедный правитель пытается помочь народу, но ничего не может поделать – не дают чиновники, ближайшее окружение. Скрывают от него правду о действительном плачевном положении народа, блокируют поступление правдивых сигналов о ситуации, не подпускают к нему ходяков из народа. А сами тем временем разворовывают все что можно. Конечно, в наше время информационного прорыва и даже информационного диктата вряд ли такое возможно. Хотя очевидно, что чиновничье засилье, произвол и коррупция в разы превышают аналогичные явления в недалеком еще «проклятом советском прошлом». Тогда все же, пусть и в борьбе, но на чиновника можно было найти управу. Вспоминаются слова казахского культуролога М. Ауэзова, сказанные им в свойственной казахской интеллектуальной мысли афористической манере на одной из встреч интеллигенции Центральной Азии на озере Иссык-Куль в конце 1990-х годов, в период демократической эйфории в нашем регионе: «Лань всегда трепетна, волк голоден, а чиновник – воро-ват». Или выражение одного современного ферганского мыслителя: «Наш чиновник, конечно, берет, но он любит родину».

На этом примере отношения к власти среднеазиатских народов мы хотели показать существование одной очень серьезной проблемы методологического свойства. Многие вещи, переживания и надежды, которые для нас, среднеазиатов, составляют проблемный стержень времени, россиянам, российскому читателю в данном случае, могут показаться наивными или надуманными, иллюзиями. То, что актуально для нашего региона, банально для интеллектуалов России и других демократически продвинутых стран. Отсюда одна из причин нашего расхождения. Отсюда и кажущийся нам снобизм «московского специалиста», за которым нередко скрывается поверхностное знание Средней Азии, «диктуемое» установкой на успех в условиях ожесточенной конкуренции – быстрее успеть первым. Взять, к примеру, последний роман Чингиза Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)». Нашими интеллектуалами он был воспринят как новое откровение в вечной проблеме добра и зла, откровение, которое еще ждет своего осмысления; а для некоторых критиков в России там все предельно ясно: это, мол, сплошной, притом конъюнктурный, анахронизм. Отсюда же – комплекс «белого человека» из США и

Европы, самовозбужденного и самоуверенного носителя своих демократических ценностей, с удивлением обнаруживающего отсутствие верблюдов в панораме среднеазиатских городов. Но это, так сказать, крайности, может, даже исключения, точнее – это лишь выборочное, частичное восприятие многообразной действительности. Ведь всегда есть и другие, противоположные примеры, и их значительно больше.

На самом деле все не так просто. В особенности если не упускать из виду сохраняющуюся культурно-историческую общность между нами, между нашими культурами и народами. Свойство нашего времени – отсутствие чистых форм и в искусстве, и в культуре, и в ментальности, и в экономике: все переплетено и все взаимодействует, взаимодополняется, одно перетекает в другое, даже вопреки нашему желанию. Многие все еще балансируют и вибрируют. Что, куда и как повернет – никто не знает. Можно лишь предполагать. Сблизятся ли вновь, уже на новом витке развития, наши страны и культуры или Россия «прильнет» окончательно к США и Европе, а мы уйдем (точнее, нас «уведут») на Восток – к Афганистану, Ирану, Пакистану? Постепенно, конечно, незаметно, шаг за шагом. Или же укрепится многополярная картина с разными векторами симпатий и движений. Но вряд ли стоит надеяться, что так и будет существовать нынешняя вибрирующе-балансирующая ситуация «между» разными силами. Найдутся силы, которые приложат старания к изменению ситуации «неопределенности выбора».

А пока – вновь к «зороастрийской цитате» с ее проблеском надежды на то, что «слово праведное, творения вечные и добрые дела никем не могут быть похищены». Для культуры Средней Азии эта тема остается ключевой, глубинной, животрепещущей. Разумеется, это не прерогатива Средней Азии. Нет, наверное, такой духовной традиции, которая не призывала бы к добру и добрым делам. Благие, богоугодные дела – сердцевина этического учения и в среднеазиатском исламе. И что особенно важно – не только в самом учении, которое далеко не каждому известно в своей теоретической ипостаси, но – в значительно большей степени – в «устной форме», в быту, в повседневной жизни среднеазиатского мусульманина. И даже теперь, в эпоху испытания или уже крушения всех идеалов и страхов (перед партийным комитетом и его «вышестоящими структурами» и перед Богом и его «наместниками» на земле), считается, что «это зачтется», и не только на «том свете», но, что не менее важно, – здесь, на земле. Это вернет-

ся тебе в виде удачи в делах, личного счастья, благополучия в семье и т.п. И будь то мелкий жулик или даже крупный бизнесмен, сколотивший капитал несправедливым путем и ворочающий всякими сомнительными делами, все равно нет-нет да и вспомнит он о необходимости хотя бы изредка «делать савоб» – богоугодное дело (у таджиков и узбеков – «кори савоб», «савобли иш»): кому-то помочь, кого-то поддержать, что-то раздать, кого-то накормить... Не совсем безразлично ему и мнение мусульманской общины (махалли), если, конечно, он живет в ее среде. Махалля, хранительница консервативных традиций, благополучно существовала и в советское время и первоначально создавала немалые препятствия для распространения нового социалистического образа жизни, но потом их этические принципы во многом слились. В этической установке на «добрые дела» отложился многовековой опыт различных культур и религий, обосновавшихся на Великом шелковом пути. Опыт жизни в этом сейсмически неустойчивом общественно-политическом пространстве развивал чувство взаимопомощи и взаимной поддержки, приспособляемость к переменчивым условиям жизни. Добрые дела на земле Средней Азии – не утешение малоимущих и неудачников, как интерпретировали бы это апологеты дикого капитализма с его теорией социального дарвинизма. Конечно, на протяжении столетий одни следовали им, а другие – нет, баланс сил сохранялся или нарушался. «Ну, какой узбекский мужчина, тем более ферганский, не поделится чашкой плова и лепешкой?» – любит повторять о своем муже – уроженце Ферганской долины моя знакомая, представительница старинного аристократического бухарского рода. «Отдайте лепешку... отдайте лепешку... отдайте лепешку...», – эта финальная фраза из философского спектакля Молодежного театра Узбекистана «Созвездие Омара Хайяма» по поэме Тимура Зульфикарова в постановке Наби Абдурахманова звучит как найденный поэтом-бунтарем ответ на мучительный вопрос о смысле жизни. То есть: поделись тем, что имеешь, не копи свои богатства. И люди продолжают делиться чашкой плова с соседями, будь они узбеки или таджики, русские или корейцы.

Но уже окрепло и новое, «рыночное» кредо, философия коррумпированных чиновников, тоже призывающая «делиться» и объясняющая смысл беспощадных расправ со своими же компаньонами или сослуживцами: «не делился, а надо делиться», или же – делился, но недостаточно. Все поменялось – «кто кого», чья «философия» возьмет верх? Процесс параллельный: возрождается и

крепнет народная этика, вобравшая в себя принципы ислама, – крепчает и «рыночная этика». Переплетутся ли они в одно целое, облагородится ли от этого мораль «рыночников» или каждый останется при своем и две тенденции будут существовать в параллельных мирах? Кто знает.

Века перекликаются, и судьбы переплетаются... В тот год, когда в блокадном Ленинграде скованные голодом и холодом русские востоковеды готовили научную сессию, посвященную юбилею великого узбекского поэта-гуманиста Алишера Навои, и не прекращали исследований по истории узбекской и таджикской литературы, в Ташкенте, по призыву первого секретаря компартии Узбекистана Усмана Юсупова, многие узбекские женщины и мужчины ежедневно приходили на вокзал встречать поезда из России, привозившие обездоленных и измученных детей, в том числе – из блокадного Ленинграда. И все они (по разным подсчетам – более 200 тыс. человек) были обогреты и спасены. Сколько об этом было потом написано книг и статей, романов, стихов и поэм, снято фильмов. Эту историю хорошо помнит старшее поколение, известна она и историкам, и вроде бы все уже сказано. Ныне, когда на улицах среднеазиатских городов можно встретить бездомных детей и детдома не пустуют, а дети нередко ведут борьбу за выживание наравне со взрослыми, в это трудно поверить: неужели такое могло быть? Как измерить этический масштаб этого явления и понять причины: что заставляло людей это делать? Трудно объяснить это чем-то одним. Было многое: и присущая узбекскому народу особая любовь к детям, и сострадание, и чувство патриотизма, и осознанная принадлежность к одной великой Советской державе и ее героической битве с фашизмом. Сказывались, по-видимому, и глубокие исламские этические принципы в их народном, выросшем в сознание человека бытовании, когда собственно исламское перестает осознаваться только как религиозное и превращается в народное. И эти принципы, как теперь очевидно, в своих основных постулатах могли совпадать с политикой советской власти.

История – океан. Черпай оттуда факты, сколько хочешь и пока можешь, и о чем угодно. Можно, например, о взаимной борьбе и неприязни. А можно – о взаимопомощи и взаимовыручке. Кому что нравится или – кому и чему служишь. А еще может быть и так, что для каждого времени – свои предпочтения. Ныне из океана истории все больше выбирают факты и события, которые несут в себе негативный смысл и которые сохраняет злая людская

память. Немало их, писателей, публицистов, журналистов, на просторах бывшего СССР, да и далеко за его пределами, кто с сатанинской энергией одну за другой выпускает книги, статьи, снимает фильмы, рассказывающие об ужасах наших взаимоотношений в прошлом, о взаимном истреблении и подлости. И думает простой человек: уж не дети ли это шайтана? Они требуют еще шире открыть для них секретные отделы архивов, чтобы ввести в оборот все новые и новые факты и сведения о масштабах злых дел и чтобы с еще большей злобой и ненавистью сокрушить остатки взаимной приязни. Сколько слито зла и ненависти в «океан истории» за последние два десятилетия!

Востоковед-арабист И.Ю. Крачковский в своих воспоминаниях заметил, что нам не всегда ясны в деталях «пути, по которым идет зарождение симпатии между людьми и народами» и «как глубоко иногда может проникнуть такая симпатия», но «будущее человечества во многом зависит от умения отыскать пути этой симпатии». Стоит задуматься: где и как теперь отыскать эти пути? И возможно ли еще, осталось ли время? Ведь может статься так, что и «времени не будет помириться» (Булат Окуджава). Нынешнему поколению, спрессованному временем и заданным механическим ритмом, кажется, уже и не до поиска симпатий. Даже сама постановка этого вопроса способна вызвать недоумение и раздражение у некоторых современных интеллектуалов. Мы, мол, находимся в эпохе постмодерна, все уже ясно и с властью, и со смыслом жизни. Остались одни интересы, финансовые. Есть, мол, церковь, мечеть, синагога, пусть они и занимаются этим делом, это их профессиональная забота. Но и представителей церкви (мечети, синагоги) иной раз трудно понять. Смотришь, вещает с экрана солидный иерарх о нежелательности и осуждении смешанных браков – и думаешь: где он живет, в какой стране, в каком веке? Или я сам сошел с ума и уже не понимаю происходящего?

История каждой культуры накопила в себе и таит еще не открытой массу позитивного материала. Взять любую эпоху, любой период, любую цивилизацию. Примеры глубочайшего гуманизма рассыпаны в исламской культуре. Ислам и суфизм теперь становятся притягательным символом, модным увлечением и предметом многих и самых разнообразных исследований и постижений. И пишут, и пишут, и рыщут, и рыщут... Но все также сокрыто в нем столько неизвестного и непознанного! Немудрено, ведь кроме Корана и Сунны Пророка существуют еще тысячи и тысячи текстов по всем направлениям человеческого знания, комментарии на

комментарии на комментарии... Вот кажется: хорошо сторонникам тенгрианства, каких много среди казахов и киргизов, – нет у них такого количества сакральных текстов, а тем более комментариев к комментариям... Сказал как-то об этом моему старому товарищу, казахскому писателю-философу Ауэзхану Кодару – он один из главных тенгрианцев и знатоков «степного знания». Но оказалось, что и у тенгрианцев вкупе с устной традицией «степного знания» – свой «океан», со своими вековыми культурными напластованиями. Еще к тому же многое переплетено с исламской культурой и другими традициями. Что ж, попытаемся и мы в отпущенное нам время что-то понять и прокомментировать.

Помнится, в годы перестройки «зазвучала» как одна из актуальных тема так называемых маргиналов, людей без роду и племени, без национальности, точнее, без необходимой «национальной чистоты», чистоты веры, единой цельной культуры, людей, как будто бы тоже повинных во многих наших бедах. Иной раз их приравнивали к популярному тогда образу манкурта. Да и сейчас можно почитать об этих «несчастных», в том числе и в серьезных этнографических работах. Полуругательным словом «маргинальный» обозначается весьма широкий круг явлений в обществе, они обнаруживают себя в разных социальных группах – и в самом низу, и на самом верху. А мне представилось, что этим словом можно обозначить совсем другое явление – с противоположным, положительным смыслом. Явление, уникальное в культуре исламского мира. Окидывая взглядом историю, понимаешь, как велика роль «маргиналов-медиумов» в развитии идей толерантности, взаимопонимания между культурами и просто в трансляции разнообразных культурных ценностей от одного народа к другому, от одной конфессии – к другой, в обмене этими ценностями и в их истолковании для других культур. В каждой эпохе их не так уж и много, может быть, единицы, но именно они не дают окрепнуть фундаментализму в его разных – светском или религиозном – обличьях. Они, постоянно колеблясь и сомневаясь, способны следовать заповедям всех религий и верований одновременно или последовательно, стремятся понять всех и каждого. Они не сделали окончательного выбора в пользу одной культуры, но в этом и есть их собственный мужественный (и небезопасный для любого времени) выбор – следование принципу активного совмещения различного культурного и духовного опыта. Как далек он от современной дешевой всеядности, релятивизма и политкорректности, взращенных на ниве всевластия СМИ, где и смерть человеческая –

всего лишь «рекламная пауза». Не будь их в тысячелетней истории, народы и нации, наверное, давно изрубили бы друг друга в битве за «чистоту» своих истоков. Разве не «маргинально» звучит одно из самых известных четверостиший Хайяма (перевод Вл. Державина):

Одна рука – на Коране, другая – на чаше пиров.
То мы – благочестивы, то нет для молитвы слов.
Под этим мраморным сводом, в эмалевой бирюзе
Кто мы – мусульмане, кяфиры? Неясно в конце концов.

И сколько аналогичных высказываний у разных авторов!

Исторический опыт мусульманской цивилизации в разработке идей и практики сосуществования и взаимодействия культур, конфессий и традиций народов, их осмысления в надконфессиональных и наднациональных концепциях еще далеко не изучен. Насколько известно, не введен этот материал в должном объеме и в учебный процесс в школах и вузах наших стран. Нет популярно изложенных описаний наиболее интересных примеров толерантного образа жизни и духовного наследия прошлого. А вот литературы обратного свойства, посвященной бесчисленным войнам и походам больших и маленьких царьков и ханов, – сколько угодно. Немалая интеллектуальная энергия журналистов, публицистов, любителей-историков, да и профессиональных ученых-историков в наших странах направлена на восхваление подвигов средневековых властителей, сокрушавших соседние и дальние государства и народы. Даже какой-нибудь маленький батыр, размахивавший своим самодельным мечом, сидя на тощей лошаденке, и тот превращен стараниями новых мифологов в грозного могучего героя. «Умирает со скуки историк: за Мамаем все тот же Мамай» (В. Набоков).

Лейтенант английской армии Александр Берне писал о Бухаре в 1832 г.: «Чтоб ознакомиться с узбеками и жителями Бухары, иностранцу стоит только сесть на одну из скамеек Регистана: там он найдет уроженцев Персии, Турции, России, Татарии, Китая, Индии и Кабула, встретит туркмен, калмыков и кайсаков из соседних степей, так же как и уроженцев земель более плодородных...» Вслед за Бернсом это подтверждали затем многие путешественники и ученые-востоковеды. Прошло немногим менее 200 лет, и нет теперь такого места в Центральной Азии, где бы можно было видеть подобное тому, что было в Бухаре. Разве что на границе. Да, пожалуй, только на наших межгосударственных

границах можно еще увидеть «яркие и незабываемые встречи народов». Но о границах уже столько сказано, написано и снято! Тем не менее и мы решили кое-что добавить к этой теме. Ведь именно здесь чаще всего и происходит первый «культурный диалог» между людьми разных стран. Ситуация на границах – это косвенное отражение утраты других, куда более значимых границ – границ внутри нас, в нашем сознании, в понимании того, что можно, а что нельзя, в системе ценностей.

Многие не без основания считают, что крушение взаимной симпатии, взаимного уважения между народами и людьми или того, что теперь называют толерантностью или межнациональным диалогом, происходит именно на границах – на наземных пропускных пунктах, в аэропортах, на железнодорожных вокзалах. Именно здесь возникают ситуации, которые и простой человек, и «интеллектуал» склонны моментально обобщать и переносить на целый народ и целую страну. Удивительно, что это касается почти исключительно негативных ситуаций. Тогда как позитивные почему-то не вызывают желания сделать обобщающее заключение и спонтанно воскликнуть: «Какой же все-таки замечательный народ эти казахи (туркмены, узбеки, русские...)!» А вот иначе – пожалуйста, сколько угодно: «Какой же ужасный народ эти казахи (туркмены, узбеки, русские...)! Да они и раньше такими были: грабили наши торговые караваны; угоняли и продавали наших женщин в рабство; грабили наши природные ресурсы и т.д. и т.п.». И пошло-поехало...

Ташкент: Среднеазиатский Вавилон

Ташкент без всякого преувеличения в последние два десятилетия едва ли не самый популярный и притягательный символ былого города СССР на постсоветском пространстве и за его пределами. К этому образу обращаются люди разных возрастов и поколений. Он – свежее, сильное ностальгическое поле, созданное огромным количеством людей, покинувших город после распада СССР и продолжающих разбредаться по всему миру. Их усилиями ташкентская ностальгия перенесена во всемирную интернетовскую сеть. Ташкент – не Нью-Йорк и не Москва, куда в последнее время едут делать карьеру и большие деньги все кому не лень. Здесь, конечно, денег не сделаешь, да и с карьерой не особенно развернешься, здесь – другое. Удачно расположенный с природной точки зрения, Ташкент – это не только природное тепло, прекрас-

ная роза ветров и горная прозрачная вода. Это всегда было и по-человечески очень теплое и комфортное место обитания людей многих национальностей. Ташкент можно было считать синонимом толерантности и человеческого сотрудничества, символом взаимосвязи Востока и Запада. И именно в этом смысле о нем следовало бы говорить и «опыт Ташкента» изучать. Но теперь приходится сказать совсем другое: к несчастью, почти все это уже в прошлом, это история. «Среднеазиатский Вавилон» распался.

Ташкент, конечно же, многие десятилетия был неформальной столицей региона, связывая воедино народы и культуры всех республик Средней Азии и Казахстана, а также всесоюзные центры – Москву, Ленинград. Если Бухара и Самарканд – это пространство тюрко-узбекского, персидско-таджикского, иудейского и русско-славянского культурного взаимодействия, синтеза и противоборства, то Ташкент без преувеличения был очень уютным «маленьким Советским Союзом». Но при этом была в нем и своя давняя многовековая специфика, состоявшая в противоборстве и единении городского и степного, персонифицированного в узбекском и казахском культурном началах. Ташкент – пограничная зона между большой степью и большими городскими цивилизациями. Движение степь – город, город – степь не прекращалось веками. Оно и теперь еще происходит, но в очень малом объеме. Может, опять увеличится, когда, Бог даст, в отдаленном будущем исчезнут все границы? Здесь место, где культура степи завершается городом и в городе. А город завершается степью и наталкивается на степь. Здесь город и степь – взаимоперетекающие сущности. Если человек уходил из города в степь и начинал там жить, то он становился казахом, а если он приходил из степи в город – становился сартом-горожанином. Об этом очень интересно размышлял рано ушедший из жизни талантливый казахский ученый и публицист Нурбулат Масанов.

Именно ташкентцы – жители города превратили в изысканный эстетизированный культ элементарные жизненные потребности кочевых жителей степи. Казы, нарын, хашиб, кумыс... Местные гурманы всегда знали и теперь знают, где и как готовят эти яства. Чиновники, ссылаясь на то, что начальник (министр), мол, вызвал на совещание, специально выезжают поесть хашиба или нарына. А один ташкентский любитель кумыса (кстати, русский) даже попросил меня записать для него на кассету казахскую домбровую музыку, чтобы слушать ее во время питья кумыса – для полной гармонии. Если в Ташкенте неожиданно холодает, жители заме-

чают: «Наверное, у казахов в степи выпал снег». А один казахский писатель-популяризатор написал, что посередине города Ташкента стоит большой памятник казахскому герою (Герою Советского Союза) Сабиру Рахимову, куда жители приходят на поклонение. Да, мифы и реальность здесь трудно отделимы друг от друга, а анекдоты о двух родственных народах распространены в изобилии.

Но кроме анекдотов много было сказано друг другу добрых слов и сделано добрых дел, которые и сейчас на памяти старшего поколения. Узбекский писатель Айбек вспоминает (в повести «Детство») наставление, которое его отец слышал от своего отца: «Недрузгов много, они есть всюду. Дружи только с достойными. Води знакомство с казахами. Казахи – народ добрый, отзывчивый. Мне часто приходилось иметь дело с ними, они любят мир, спокойствие». Сколько было высказано подобных искренних слов (в стихах и прозе) восхищения и признаний в любви и благодарности друг другу.

Во многом благодаря личным дружеским связям этого поколения еще как-то поддерживаются старые добрососедские отношения этих двух народов и вообще народов в масштабе региона. С их уходом многое переменится. Впрочем, начиная с 1990-х многое уже переменялось, да и сейчас на прежнее наше добрососедство продолжает обрушиваться шквал злобной и циничной критики. Энергичная, получившая образование на Западе, деловая молодежь, не ведающая трудностей прошлого и обезумевшая от пролившегося на нее долларового дождя, предпочитает выстраивать жесткие и прагматичные отношения, основанные только на выгоде и «интересе».

Давно уже сказано, что «Ташкент – город хлебный». Здесь искали и находили спасение сотни и тысячи людей в годы революции и Гражданской войны. В Ташкент направлялись голодающие из казахской степи в начале 30-х годов, но не всем удавалось спастись. Как было уже упомянуто, в годы Великой Отечественной в городе нашли спасение тысячи жителей из разных городов СССР, в особенности дети. В те годы город стал едва ли не самым богатым в стране по количеству культурных заведений (многие из которых были эвакуированы сюда из центральных городов) и по интенсивности культурной жизни. Жилось очень трудно. Но о том, насколько была интересна культурная жизнь, говорят многие факты, которые, к сожалению, мы не можем здесь перечислить за недостатком места. Особая атмосфера города времен войны запечат-

лена в десятках документальных и художественных свидетельств. Например, в сонете Александра Файнберга «Ташкент. 1943»:

Над мастерской сапожника Давида
На проводах повис газетный змей.
Жара. По тротуару из камней
Стучит к пивной коляска инвалида.

Полгода, как свихнулась тетя Лида.
Ждет писем от погибших сыновей.
Сопит старьевщик у ее дверей,
Разглядывая драную хламиду.

Плывет по тылу медленное лето.
Отец народов щурится с портрета.

Под ним – закрытый хлебный магазин.
Дом в зелени. Приют любви и веры.
Раневскою добытый керосин.
Ахматовой распахнутые двери...

Вместе с тем Ташкент – город не только хлебный, где жители веками, не торопясь, наслаждались жизнью. Это и город инноваций и всяческого рода амбициозных проектов. Таким он зарекомендовал себя в XX в. Здесь было сделано немало разного рода изобретений и открытий, будь то технического либо культурного свойства. В художественной культуре здесь всегда соседствовали разнонаправленные устремления: либо разрушить и искоренить традицию до конца, либо сохранить ее во что бы то ни стало в неизменном виде и не допустить никаких внешних влияний, либо все же найти новый синтез старого традиционного и нового современного. Последняя линия взяла верх, что и принесло свои разнообразные и богатые плоды.

Распад «среднеазиатского Вавилона» – это лишь часть тех масштабных изменений, которые привели к новой культурной ситуации в регионе. Картина мира переменялась. Но демонтаж «советской культуры» еще не завершен. Так много было наработано, что сразу и не осилить. Из общего единого тела советской культуры вычленяются (вырезаются) отдельные ее национальные части и сортируются по своим «национальным полкам». «Орудуют» как наши местные культурные деятели и ученые, так и приезжие «специалисты». Собственно говоря, а куда деваться и что делать? Нет теперь ни общей страны, ни общей культуры. К тому же передел востребован новыми элитами внутри стран и «институтами» за рубежом, и за это платят. Вот вам еврейское наследие, вот русское,

а вот узбекское, таджикское... Многие из «препарированных» личностей несказанно бы удивились, будь они живы, своей принадлежности к какой-то одной национальной культуре. При жизни они относили себя к советским деятелям культуры, к советской культуре и меньше всего думали о своей этнонациональной или конфессиональной принадлежности. У всех были общая культурная платформа, общее поле деятельности и общий язык культуры – русский.

Внутренний передел совпал с двумя прямо противоположными тенденциями – нашествием современной евро-американской суррогатной культуры, охватившей в первую очередь образ жизни и мировоззрение части нового поколения и предоставившей в распоряжение своих адептов джентльменский набор «духовных» ценностей масскультуры. Другая тенденция – для «широких масс» коренных народов – свобода обрядов и ритуалов, архаизация и мифологизация сознания. Эти две тенденции местами даже странным образом переплетаются, и объединены они одним общим началом – самоуверенной стихией не рынка даже, а «рыночного мышления» (все можно купить, на всем пожить и все продать), размывающей не только всю предшествующую систему культурных и духовных ценностей советского времени, но даже и возрождающихся ценностей исламской культуры. Как говорилось раньше, «новое неудержимо прокладывает себе путь, но уход «старой культуры» под шумный аккомпанемент нарождающейся «новой системы ценностей» стал для многих ее носителей личной трагедией.

«Дружба народов», М., 2010 г., № 7, с. 157–170.

Николай Косолапов,

кандидат исторических наук,

Марина Стрежнева,

доктор политических наук

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО:

УСЛОВНОСТЬ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Постсоветское пространство мы рассматриваем не как совокупную территорию новых независимых государств, образовавшихся после ликвидации СССР, а как некую политическую экономическую гуманитарную и культурно-историческую общность. Население большинства стран данного региона связывает опыт

совместной жизни в Советском Союзе и восходящие к совместно-му прошлому активные взаимные связи. Взаимодействие этих стран имеет свою политико-организационную базу, которая постепенно укрепляется, хотя, скажем, по сравнению с ЕС, в данном отношении выглядит пока весьма аморфным. При этом включение бывших прибалтийских республик СССР (Литва, Латвия, Эстония), ныне членов ЕС и НАТО, в постсоветское пространство было бы неправомерным, поскольку там элита и население мыслят себя и уже реально являются частью пространства европейской интеграции и трансатлантического, но никак не постсоветского.

Постсоветское пространство образуют, прежде всего, страны – участницы Содружества Независимых Государств. Это Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Узбекистан и Украина, а также Туркмения. Туркмения имеет в данной организации статус наблюдателя, однако, что значительно серьезнее, ориентируется на экономическое и гуманитарное взаимодействие именно с бывшими союзными республиками. Фактически, хотя институционально это никак не оформлено, в постсоветское пространство можно включить Абхазию и Южную Осетию. Эти молодые государства, так или иначе, входят в него через посредство России.

Пребывание в постсоветском пространстве не зависит от субъективной воли какого-то отдельного государства. Оно в решающей степени определяется объективными обстоятельствами, которые невозможно изменить одновременно. Политического решения со стороны национального руководства здесь недостаточно. Нужны радикальные сдвиги в экономике, включая культуру производства, а также смена политических традиций, психологического состояния народа, его менталитета и т.д. А для этого требуется время.

Постсоветские государства связаны густой сетью формального и неформального взаимодействия и, несмотря на страновую специфику, имеют многие общие черты, решают сходные проблемы, связанные с укреплением недавно обретенной государственности в контексте новых общественных отношений. Задача настоящей главы состоит в том, чтобы, с одной стороны, оценить потенциал объединительных тенденций в обозначенных пространственных пределах, а с другой стороны, выявить факторы дезинтеграционного характера. Иными словами, речь идет об определении потенциальной устойчивости взаимоотношений большинства бывших советских республик как одной из локальных систем со-

временных международных отношений. Только в этом случае можно строить гипотезы относительно их будущей роли и места в процессе глобализации.

Содружество Независимых Государств, созданное сразу после ликвидации СССР, является самым широким структурным образованием на постсоветском пространстве. Хотя изначально возложенных на это объединение функций (сохранение единого оборонного, экономического и гуманитарного пространства) оно не выполнило и, похоже, уже не выполнит никогда, оно сыграло весьма существенную позитивную роль в процессе раздела «союзного имущества» и становления новых, независимых государств. Попытки же превратить СНГ в дееспособную организацию, а по сути реинтегрировать бывшие союзные республики (пусть и на новых основаниях), оказались тщетными.

Причин здесь много – как объективного, так и субъективного характера. Они кроются и в политике, проводившейся Москвой на протяжении 1990-х годов, и в позиции Киева, который изначально рассматривал Содружество как инструмент «цивилизованного развода», и в недовольстве большинства советских республик Беловежскими соглашениями трех республик – основательниц СССР (РСФСР, УССР и БССР), которые прекратили существование Советского Союза. Но основополагающим здесь является то, что составные части некогда единого государства находятся на разных этапах общественного развития. Они демонстрируют приверженность различным формам политического устройства, различным социально-экономическим моделям, они различны по менталитету своих граждан, по культуре производства. Кроме того, у каждой из них свои оценки общей истории и свое видение национальных интересов, которые далеко не всегда согласуются с интересами других участников СНГ.

Исторически сложилось так, что только Россия могла играть роль объединяющего начала на постсоветском пространстве. Однако Россия оказалась к этому не готова. В период президентства Б. Ельцина наша страна все глубже погружалась в пучину экономического кризиса, переживала тяготы переходного периода, острейшую борьбу за власть и собственность, вела изнурительную войну в Чечне. Институты государственного управления были во многом парализованы, армия разваливалась. Идея «шоковой терапии» была дискредитирована в глазах лидеров новых независимых государств. Партнеры России по СНГ искали новые внешнеполитические ориентиры. С ослаблением позиций РФ в Содру-

жестве в борьбу за влияние на постсоветском пространстве активно включились многие центры мировой политики. «Вакуум силы» стремительно заполнялся ведущими западными державами и такими странами, как Китай, Турция, Иран. Данное обстоятельство в немалой степени способствовало структурно-организационному размежеванию в пределах Содружества.

Государства, все еще дорожившие союзническими связями с Россией, – Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан – сохранили свое членство в Договоре о коллективной безопасности (ДКБ). В то же время Азербайджан, Грузия и Узбекистан отказались участвовать в пролонгации договора (апрель 1997 г.). Они совместно с Украиной и Молдавией создали новое объединение – ГУУАМ, нацеленное, прежде всего, на ограничение российского влияния в Закавказье, каспийской и черноморской зонах. В целом шел процесс размывания связей между бывшими союзными республиками, а соответственно, и «расползания» постсоветского пространства.

В условиях, когда США пытались закрепить свое военное присутствие в Центральной Азии (базы в Киргизии и Узбекистане, попытки договориться с Таджикистаном о размещении военных объектов, планы создания такой структуры, как «Каспийский страж» и т.д.), Договор о коллективной безопасности 1992 г. уже не отвечал насущным потребностям дня. Было решено преобразовать его в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Подписание Устава и соглашения о правовом статусе ОДКБ произошло в октябре 2002 г. В соглашение была внесена статья о коллективной ответственности членов Договора в случае возникновения угрозы агрессии против одного из них. Более того, четыре года спустя в уставные документы организации было вписано положение об обязательном согласовании ее участниками вопросов, касающихся размещения иностранных воинских контингентов на их территории.

Таким образом, Россия фактически обеспечила себе более действенный контроль оборонного пространства, по крайней мере, в пределах стран данного альянса. Членами ОДКБ в настоящее время являются семь государств – Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Его задачи состоят в противостоянии внешним рискам, а также в противодействии международному терроризму, религиозному экстремизму и в пресечении наркотрафика.

В качестве силовой составляющей ОДКБ было решено сформировать мобильную, хорошо вооруженную и подготовленную группировку – Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР), которые формируются пятью странами (Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Армения). Данное решение уже начало реализовываться летом-осенью 2009 г. База КСОР – штаб-квартира, тренировочные полигоны и т.д. – разместилась в г. Оше (Киргизия). В октябре на территории Казахстана были проведены широкомасштабные учения стран-союзниц под названием «Взаимодействие-2009». По легенде учений перед объединенными частями и соединениями была поставлена задача отразить нападение бандформирований, совершивших агрессию в отношении условного государства. Одновременно участники ОДКБ выражают стремление не замыкаться в собственных рамках, быть причастными и к другим системам международной безопасности и способствовать ее укреплению. На встрече лидеров стран ОДКБ в Душанбе (31 июля 2009 г.) среди сугубо внутренних аспектов сотрудничества обсуждались также вопросы координации внешнеполитических курсов и проведения согласованной линии в отношении таких объединений, как ЕС, НАТО, ОБСЕ и ООН. В ходе указанной встречи речь шла и о совместном продвижении российской инициативы по заключению Договора о европейской безопасности. Обсуждалась также ситуация на Кавказе и в Афганистане. При этом следует сказать, что страны ОДКБ, не участвуя в боевых действиях против талибов, оказывают, тем не менее, весьма существенную поддержку силам западной коалиции, предоставляя им транзитные коридоры и перевалочные центры для доставки невоенных, а с недавнего времени – и военных грузов. В частности, в сентябре 2009 г. вступило в силу новое транзитное соглашение между Россией и США о переброске в Афганистан солдат и вооружений по российскому воздушному мосту. Речь идет о пропуске десяти (и более) американских военно-транспортных самолетов в день.

Заинтересованность сторон в военно-политическом и военно-техническом сотрудничестве, помимо создания соответствующих коллективных структур, проявляется в двусторонних связях России практически со всеми бывшими союзными республиками, включая Туркмению, Азербайджан, Молдавию и Украину. Речь идет о поставках оружия и военной техники на льготных условиях, обучении военных специалистов, сотрудничестве по линии ВПК и т.д.

Россия располагает полноценными военными базами в Таджикистане и Киргизии, ее военнослужащие дислоцируются также в Армении и в зоне приднестровского конфликта. С 2008–2009 гг. в Южной Осетии и Абхазии заступили на службу российские пограничники. Здесь же расквартированы общевойсковые части Вооруженных сил РФ. В интересах российского военного командования используются радиолокационные станции и станции космического слежения в Белоруссии (Барановичи, Вилейка), в Азербайджане (Габала), в Таджикистане (Нурек). Тем не менее о едином оборонном пространстве даже в рамках ОДКБ можно говорить лишь с определенной долей условности. Безопасность поддерживается здесь в основном усилиями самой России, если можно так выразиться, по вертикали (в том числе самим фактом наличия у нее мощного ракетно-ядерного потенциала), поскольку остальные члены ОДКБ располагают несравненно более ограниченными возможностями. Но дело не только в этом. Различия в геополитическом положении новых независимых государств определяют нюансы в их оценке характера и источников реальных и потенциальных угроз безопасности.

Например, у Узбекистана есть свои причины уклониться от участия в КСОР. Среди них – весьма натянутые отношения с Казахстаном (на протяжении всего постсоветского периода), открыто враждебные отношения с Таджикистаном, недовольство решением Москвы разместить в Киргизии, а не в Узбекистане, базу КСОР, наконец, нежелание брать на себя лишние обязательства. Однако, возможно, дело обстоит еще серьезнее. Узбекское руководство подобным образом посылает Вашингтону сигнал о готовности возобновить военное сотрудничество с США, которое было прервано после андижанских событий в мае 2005 г. Есть и другой, пожалуй, более яркий пример, свидетельствующий об отсутствии полного и безусловного единодушия среди военно-политических союзников России. Характерно, что никто из членов ОДКБ, осудив агрессию Грузии против Южной Осетии в 2008 г. и одобрив действия РФ по принуждению тбилисского режима к миру в принципе, не выступил вслед за Москвой с признанием независимости Южной Осетии и Абхазии. Это объясняется, прежде всего, нежеланием осложнять отношения с западными странами.

Весьма плотная ткань экономических взаимосвязей между бывшими союзными республиками тоже позволяет говорить об определенном единстве постсоветского пространства. Заметная доля внешнеторгового оборота стран СНГ приходится на партне-

ров по Содружеству и, прежде всего, на Россию (исключение составляют сама Россия и Азербайджан). Большую роль играет приграничная торговля между ними, которая в официальной статистике практически не учитывается. Отсутствие визового режима позволяет гражданам СНГ свободно перемещаться в его пределах, облегчает трудовую миграцию. Миллионы жителей бывших союзных республик работают в России, а заработанные деньги отсылают на родину, что, например, для Таджикистана или Киргизии составляет суммы, сопоставимые с государственным бюджетом этих стран. Но следует заметить, что новые независимые государства, по сути, замыкаются на самих себя вынужденно, не по сознательному побуждению, поскольку производимая ими промышленная и сельскохозяйственная продукция (за редкими исключениями) не выдерживает конкуренции на мировом рынке. Поездки трудовых мигрантов за пределы постсоветского пространства могут быть затруднены не только в силу визовых, правовых и языковых барьеров, но и по причине низкой квалификации гастарбайтеров.

В то же время анклавность постсоветского пространства по отношению к глоболизирующемуся миру заключается не в его относительно слабой пока включенности в процессы глобализации, но в том, что здесь еще только разворачивается процесс формирования и укрепления частной собственности. Важно отметить, что правящие круги большинства стран постсоветского пространства осознают необходимость проведения глубоких рыночных преобразований, которые являются непременным условием преодоления социально-политической и технологической отсталости, тогда как внешнеэкономические связи не могут сводиться к простому товарообмену. Им необходимо координировать свои действия в сфере экономики с партнерами по СНГ, создавать для этого соответствующие механизмы, наделяя последние некоторыми наднациональными функциями. Пока ничего подобного не происходит, экономическая интеграция буксует. Пример тому деятельность (или, точнее говоря, бездеятельность) Евразийского экономического сотрудничества (ЕврАзЭС). Такое положение объясняется опять-таки отсутствием внутренних предпосылок – слабой производственной базой и неразвитостью рыночных отношений. Получается своеобразный замкнутый круг.

В Центральной Азии наибольшие успехи демонстрирует Казахстан, который, наряду с Россией и Китаем, готов участвовать в реализации ряда дорогостоящих и масштабных проектов. Поле деятельности здесь чрезвычайно обширно – от участия в добыче и

транспортировке углеводородного сырья, разработки таких природных богатств, как уран и золото, до строительства электростанций, железнодорожных и автомобильных магистралей.

На протяжении постсоветского периода роль важнейшей скрепы, стягивающей новые независимые государства экономически, играли инфраструктурные объекты советского времени (газо- и нефтепроводы, железнодорожные и автомобильные магистрали и т.д.), которые по большей части оставались под российским контролем. Однако этот объединяющий ресурс, скорее всего, впредь будет сокращаться. В последнее десятилетие энергетическая политика России на постсоветском пространстве характеризуется неуклонным нарастанием экономического прагматизма. В 2005–2006 гг. началась завершающая стадия перевода взаимодействия с бывшими союзными республиками в энергетической сфере на рыночные рельсы. Каким бы болезненным ни был этот процесс в краткосрочной перспективе и какие бы коллизии и конфликты с партнерами он ни вызывал, переход к новой системе координат должен быть завершен.

Но есть и обратная сторона медали. Новые взаимоотношения стран в энергетической сфере «принципиально меняют конфигурацию постсоветского пространства». Прежде всего речь идет о нарастании конкурентной борьбы между производителями углеводородного сырья за рынки сбыта. Азербайджан уже поставляет нефть в Европу по трубопроводу Баку–Тбилиси–Джейхан. Туркмения, Казахстан и Узбекистан реализуют проекты транспортировки энергоресурсов в южном и юго-восточном направлениях (Иран, Афганистан, Пакистан, Китай), что значительно снизит для них зависимость от российского транзита. Не исключено и строительство транскаспийских продуктопроводов, которые позволят им выходить на западные рынки, минуя территорию РФ. Попытки диверсифицировать маршруты экспорта своих энергоносителей активно предпринимает и сама Россия (прокладка трубопроводов по дну Балтийского моря – «Северный поток»; по дну Черного моря – «Южный поток»; по территории Восточной Сибири в Китай и к Тихому океану), рассчитывая укрепить собственные позиции в отношениях со странами транзита: Украиной, Белоруссией и Молдавией. Авторы коллективных исследований, проведенных обществоведческими институтами РАН, с полным основанием подчеркивают: «Для государств СНГ проблема стоит так: будет ли их развитие быстрым и результативным в интеграционной связке с Россией или с кем-либо еще, прежде всего с ЕС?» Ведь и РФ заин-

тересована в сотрудничестве с ЕС и США, в привлечении иностранных инвестиций. Однако возникают и другие вопросы. Первый – готовы ли, и в какой мере, государства постсоветского пространства усваивать опыт передовых держав мира, следовать модели не только экономического, но и политического развития по западному образцу? И второй – готовы ли участники ЕС включить их в перспективе в свою структуру? Ответ очевиден – пока не готовы. Вместе с тем авторы процитированного труда абсолютно правы, указывая на то, что «США и ЕС рассматривают сотрудничество с постсоветскими государствами, помимо прочего, как важный фактор конкурентного сдерживания России». Однако пока это сотрудничество носит ограниченный характер.

Весьма существенным, хотя и не главным, фактором, работающим на удержание (стягивание) постсоветского пространства, является культурно-историческая общность образующих его государств (при всем различии национальных традиций и менталитета). Эта общность, формировавшаяся еще во времена Российской империи и окончательно сложившаяся в советский период, во многом сохраняется до сих пор. Несмотря на кажущуюся эфемерность данного феномена, не имеющего количественного измерения, его присутствие (наряду с интересами безопасности и экономического развития) оказывает заметное влияние на характер отношений между бывшими союзными республиками.

Вместе с тем за два десятилетия раздельного существования в сфере гуманитарного общения произошли изменения, которые отнюдь не способствуют сохранению единого языкового, информационного и интеллектуального пространства. В настоящее время остро стоит вопрос сохранения и расширения сферы использования русского языка в странах СНГ. Проблема носит не только гуманитарный, но и политический характер. Россия, стремясь сохранить свое влияние в Содружестве на долгие годы, заинтересована в том, чтобы не только нынешнее, но и будущее поколение политических лидеров, бизнес-элиты, интеллигенции, да и рядовых граждан стран-соседей (и в буквальном, и в переносном смысле слов) говорило с ней на одном языке.

Ряд новых независимых государств, образовавшихся после распада СССР, приняли законы о языке. Они способствовали вытеснению русских и русскоязычных граждан из органов государственного и местного управления, с руководящих постов, включая социальную и производственную сферу. Это поспособствовало оттоку русскоязычного населения, причем из числа наиболее ква-

лифицированных специалистов. В итоге наблюдается снижение потенциала развития бывших союзных республик. Закрытие русских школ и вузов с преподаванием на русском языке приобрело массовый характер. Сейчас, когда власть и собственность в постсоветских государствах поделены между местными кланами, на первый план выдвигаются задачи модернизации экономического развития. Их решение без тесного сотрудничества с Россией затруднительно, а потому положение стало несколько меняться. Образование на русском языке, открывающее путь к обучению в российских вузах, становится востребованным и даже престижным. Существенное увеличение российских бюджетных средств на поддержку русских школ в странах СНГ – это рычаг, с помощью которого можно закрепить наметившуюся тенденцию.

Так, нынешний президент Туркмении Гурбангулы Бердымухаммедов, связывая успешное будущее собственной страны с ее ускоренной модернизацией, по-видимому, признает, что для этого нужны квалифицированные кадры, хорошо подготовленные в различных областях знаний. Без участия России в образовательных проектах не обойтись. Данный вопрос обсуждался уже на его первой встрече с президентом России В. Путиным в Москве в апреле 2007 г. Спустя две недели, в Ашхабаде, оба президента участвовали в закладке школы с обучением на русском языке, которая должна работать по российским программам и выдавать выпускникам российские аттестаты. Туркменская сторона также обратилась за помощью в создании Международного университета (филиал МГУ), прежде всего в обеспечении его преподавательскими кадрами.

Неизменный интерес к обучению своих граждан на русском языке выражает Киргизия. Именно в Бишкеке еще в начале 1990-х годов был основан Российско-киргизский Славянский университет. А сейчас речь идет об открытии его филиала в подмосковных Мытищах, с тем чтобы обучение здесь стало доступным молодым киргизам, временно проживающим и работающим в России.

Возрастающую потребность в обучении национальной молодежи в российских вузах испытывает и Ташкент. Узбекистан, прежде всего, нуждается в подготовке квалифицированных инженерно-технических кадров. От этого во многом зависит реализация обширных энергетических проектов, с которыми руководство страны связывает перспективу ускоренного развития. Наиболее востребованными оказываются сейчас специалисты в экономике и нефтегазовой области. Не случайно в Ташкенте в последние

годы открылись уже три филиала авторитетнейших российских вузов. Вслед за Академией им. Плеханова и МГУ в сентябре 2007 г. начал работу филиал Академии нефти и газа им. Губкина.

Очевидно, что участие в образовательных проектах стран СНГ отвечает и долгосрочным интересам России. По сути, речь идет о формировании нового поколения лояльно настроенной к России политической, военной и интеллектуальной элиты в странах-соседях. Это тем более актуально, что в некоторых бывших союзных республиках сужение сферы применения русского языка сопровождается ростом интереса к англоязычному обучению и получению высшего образования на Западе.

Весьма показательным может служить решение казахстанского руководства о переводе казахского алфавита с кириллицы на латиницу, принятое в конце 2006 г. и реализованное в 2007 г. В ряде СМИ данный шаг был расценен как политический, как стремление Астаны дистанцироваться от России. Однако, как представляется, оснований для такой оценки он не дает. Еще в 1920–1930-х годах Казахстан, а также Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан и Туркмения пользовались латиницей, а затем перешли на кириллицу. После обретения независимости Азербайджан, Узбекистан и Туркмения вернулись к латинскому алфавиту. Казахстан сделал то же, причем исходя из прагматических соображений. Н. Назарбаев определил их так: «Латинская графика доминирует сегодня в коммуникационном пространстве. Не случайно многие страны, в том числе постсоветские, перешли на латиницу». Иначе говоря, наблюдается стремление бывших союзных республик, в том числе и Казахстана, обеспечить себе непосредственный доступ к мировым источникам информации, передовым технологиям и к тому, чтобы облегчить деловое сотрудничество со странами Запада.

Вместе с тем интерес к русскому языку на постсоветском пространстве не только сохраняется, но в последние годы даже возрастает. Однако свое прежнее, почти монопольное положение он, видимо, будет утрачивать. И это следует принимать как данность глобализирующегося мира, а не как происки конкурентов. В то же время российской элите нельзя оставаться безучастным наблюдателем неблагоприятных для России тенденций. Государственная поддержка различных программ по расширению сферы применения русского языка за рубежом, которая в последние годы уже значительно активизировалась, должна и впредь оставаться в фокусе внимания российского руководства.

Еще одним направлением в деле гуманитарного сотрудничества России со странами СНГ является воссоздание единой культурной среды, существовавшей в СССР, но сильно размытой в постсоветский период. Нет смысла специально останавливаться на том, что ни одна национальная культура не может успешно развиваться, не взаимодействуя с культурами других народов. Русская культура всегда была частью общемировой культуры. В советское время она обогащалась, впитывая в себя, в том числе, и важнейшие достижения многих народов СССР. Вместе с тем именно через включение в русскую культуру и русскую языковую среду такие писатели, как Чингиз Айтматов, Фазиль Искандер, Нодар Думбадзе и др., получили широчайшее признание и стали классиками советской и мировой литературы. То же относится и к кинематографу, само возникновение которого в ряде республик было бы проблематично вне советского культурного контекста, и к развитию драматических и оперно-балетных театров, танцевальных ансамблей и т.д.

После распада Советского Союза, когда были ликвидированы творческие союзы, объединявшие деятелей литературы и искусства многонациональной страны, когда Академия наук СССР была преобразована в Российскую академию наук, а между союзными республиками возникли государственные границы, творческая и научная интеллигенция бывшего Советского Союза оказалась разобщенной, прежние связи во многом были утеряны. Причем все это происходило в условиях жесточайшего экономического и политического кризиса, охватившего новые независимые государства. О развитии науки и культуры, в том числе, о взаимодействии в данных областях, не могло быть и речи. Речь шла о физическом выживании. Только в последнее время, когда участники СНГ прошли первый этап государственного строительства, их руководство повернулось лицом к проблемам науки и культуры. В августе 2005 г. на встрече лидеров стран Содружества в Казани было подписано Соглашение о гуманитарном сотрудничестве. В апреле 2006 г. состоялся форум творческой и научной интеллигенции бывших союзных республик, который определил сферы, формы и принципы такого сотрудничества.

Вместе с тем важен и обратный процесс. Не только зарубежной аудитории нужна информация о России. Желательно также, чтобы российские граждане были в курсе того, чем сегодня живут ближайшие соседи РФ. На телевидении РФ существует не одна

программа, рассказывающая об экзотических странах мира, о быте и правах их жителей. Однако ни один крупный телеканал (а их десятки) не транслирует сколько-нибудь регулярно передач о нынешнем положении в бывших союзных республиках, об их истории, которая во многом переплелась с российской, об их архитектурных памятниках, культуре, традициях и обычаях, об их роли в общем цивилизационном развитии постсоветского мира. (Исключение составляют лишь новостные программы, когда речь идет о политических катаклизмах, уличных беспорядках, демонстрациях и т.д.). То же относится и к печатным СМИ. Вместе с тем существование единой информационной среды является одним из условий сохранения общего постсоветского пространства.

* * *

Проведенный анализ показывает, что в настоящее время постсоветское пространство, при всей противоречивости происходящих на нем процессов, не отвечает критериям, позволяющим судить о нем как о транснациональном политическом пространстве. Можно констатировать созвучность интересов большинства находящихся в этом пространстве государств в обеспечении своей национальной безопасности. И не только. Политические элиты и бизнес-сообщества бывших советских республик осознают настоятельную необходимость преодоления экономической и социально-политической отсталости своих стран от развитых держав мира. Решение данной задачи требует коллективных усилий и опоры на относительно более «продвинутых» партнеров. Ведь государства постсоветского пространства в совокупности обладают уникальными предпосылками, позволяющими им рассчитывать на достойное место в глобализирующемся мире. Налицо огромная территория и огромные транзитные возможности, богатейшие природные ресурсы, в том числе энергетические, значительный научный и интеллектуальный потенциал. А культурно-историческая общность и сохраняющиеся гуманитарные связи способны облегчить сотрудничество, направленное на реализацию указанных конкурентных преимуществ.

Но даже при наличии политико-организационных структур, формально нацеленных на региональную интеграцию, общие политические институты (правила политической жизни) и тем более механизмы, которые обеспечивали бы соблюдение этих правил на всем постсоветском пространстве, здесь отсутствуют, как и четкие

перспективы их оформления, поскольку ни постсоветские элиты, ни население в целом при создавшемся положении не составляют транснационального сообщества, нацеленного на его политическое «освоение».

*«Транснациональное политическое пространство:
Новые реальности международного развития»,
М., 2010 г., с. 37–50.*

Марван Искандар,
экономист, журналист (Ливан)
РОССИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

В 1991 г., когда Российская Федерация была провозглашена независимым государством, правопреемником Советского Союза, после того как из состава СССР вышла Украина и целый ряд других республик, она приняла на себя официальные полномочия стать одной из четырех держав, которые, согласно резолюции представителей международного сообщества, собравшихся на Мадридской конференции по Ближнему Востоку, были призваны участвовать в урегулировании израильско-палестинского конфликта.

В ином, но не менее важном ракурсе, Российская Федерация была заинтересована в координации нефтегазовой стратегии с основными ближневосточными странами – производителями нефти и газа. Около 70% мировых запасов нефти сосредоточено в Саудовской Аравии, Ираке, Иране и Кувейте. В отношении запасов природного газа российский потенциал может быть сопоставим в порядке очередности по критерию величины только с Ираном, Катаром и ОАЭ. Более 60% всех доступных разведанных ресурсов природного газа находится на территории этих четырех стран.

Невзирая на богатейшие запасы углеводородного сырья, сосредоточенные в ближневосточных странах, на могущество собственного российского углеводородного потенциала и на политическую роль, отведенную РФ в урегулировании израильско-палестинского конфликта, при Ельцине Россия не уделяла должного внимания ни одному из этих вопросов. Однако непосредственными причинами такой отстраненности России от ведущих нефтегазодобывающих государств Ближнего Востока как в экономическом, так и в политическом смысле, служили два обстоятельства.

1. С одной стороны, цены на нефть были сравнительно низкими, а на газ – еще ниже. Наблюдался стабильный рост потребления, но никакого ажиотажного спроса не отмечалось. Только к середине 1990-х годов Катар разработал многочисленные проекты производства сжиженного природного газа, которые были свернуты вследствие прямого вмешательства Америки, связанного со строительством крупной американской военной базы в этой небольшой по площади, но богатой по запасам газа стране.

2. Второй причиной того, что Россия не участвовала в решении ближневосточных экономических и политических проблем, явилось резкое ухудшение экономических условий и состояния финансовых ресурсов в самой Российской Федерации. Это было десятилетие разграбления национальных фондов олигархами, работающими в тандеме с коррумпированным и обремененным политическими обязательствами президентом. Так называемые «молодые реформаторы» периода ельцинского правления следовали экономическим курсом шоковой терапии, рекомендованным профессором Гарвардского университета Джеффри Саксом. По сути дела, эта политическая платформа требовала приватизации всех государственных предприятий как можно более быстрыми темпами. Целая армия гарвардских магистров делового администрирования была привлечена к оказанию помощи в деле приватизации российского государственного сектора, и вскоре страна оказалась перед лицом банкротства, объявление о котором последовало в августе 1998 г.

Олигархи, которые стали контролировать практически все жизненно важные отрасли российского производства, кроме оборонной промышленности, совершенно не были настроены на налаживание сотрудничества с Ближним Востоком. Они уделяли внимание перспективе развития сотрудничества с Европой и Соединенными Штатами, а также занимались культивированием международных банков. Лишь только Кипр, предоставляющий укрытие от налогов для офшорных компаний, притягивал к себе олигархов как территория, благоприятствующая регистрации их многочисленных коммерческих структур. Более того, олигархи осуществляли полный контроль над ельцинской политикой, в особенности после 1996 г., и они же подтолкнули его к поиску источников финансирования из Германии, Соединенных Штатов, МВФ, Всемирного банка и Европейского банка развития.

Для того чтобы реализовать свое право на свободный выбор, России – богатейшей стране мира по запасам минерального сырья,

включая нефть, газ, золото, уран, алмазы, алюминий и железную руду, – пришлось дожидаться того времени, когда к власти пришли поборники национальных интересов России. Путин олицетворял собой тот самый выбор, который необходимо было сделать. К 2003 г. он исправил положение дел в стране, и Россия ощутила экономический рост и укрепление своего престижа на международной арене. Однако Путин не спешил выстраивать более прочные отношения с ближневосточными государствами, обладающими богатыми запасами нефти и газа.

Россия и королевская династия Саудов

В июле 2008 г. принц Бандар бин Султан бин Абдул Азиз, в прошлом посол Саудовской Аравии в Вашингтоне, а ныне советник по национальной безопасности короля Абдуллы бин Абдул Азиза, находился в Москве с визитом. Руководство Саудовской Аравии на самом высоком уровне испытывало большое разочарование в действиях президентской администрации Буша. Помимо этого, не могли остаться незамеченными и негативные высказывания в адрес Саудовской Аравии, прозвучавшие в речах кандидатов, баллотирующихся на президентский пост в США, такие как критические комментарии Маккейна по поводу авторитарической формы правления в Саудовской Аравии. На протяжении некоторого времени складывалось впечатление, что королевство и его руководство были объектом критики со стороны ведущих американских политиков и комментаторов средств телерадиовещания. Вдобавок ко всему прочему, Саудовская Аравия стала позволять себе некоторые – очень осторожные – высказывания в отношении перспектив политики США в Ираке.

Безопасность в Ираке остается вопросом первостепенной важности для Саудовской Аравии. Став свидетелями перехода власти в Ираке от суннитского режима Саддама к поддерживаемому Ираном шиитскому руководству, саудовские правители стали опасаться проявления бунтарских настроений среди своего собственного шиитского населения, сосредоточенного в восточной части страны, граничащей с территорией Ирака.

Кроме упомянутых выше аспектов, развитие нефтяных ресурсов Ирака может нести в себе важный элемент, способный стабилизировать ситуацию с поставками нефти на мировом рынке. К настоящему времени американцы полностью взяли под свой контроль все исследовательские материалы, касающиеся нефтя-

ных месторождений в Ираке, находящихся в эксплуатации, а также и существующие данные по участкам, представляющим потенциальный интерес. Предлагаемый к принятию закон, нацеленный на регулирование процесса разработки нефтяных залежей на территории Ирака, бесконечно застревает на различных бюрократических уровнях. Американские военные власти обнаруживают явное нежелание позволить принять закон, который бы поощрял здоровую конкуренцию, передачу технического ноу-хау и привлечение инвестиций со стороны неамериканских компаний, будь они в частной или государственной собственности.

Принц Бандар прибыл в Россию в июле 2008 г. с целью заключить стратегический договор между Россией и Саудовской Аравией в отношении сотрудничества в нефтегазовой и финансовой сферах и подписать пакет контрактов стоимостью в 40 млрд. долл. на поставку российского оружия, а также зенитных ракетных систем и комплексов, которые смогут защитить население королевства и его нефтедобывающие центры от внезапного нападения противника. Когда договоренность была достигнута, принц Бандар заявил о том, что сообщение об этом должно прозвучать из Кремля, местонахождения высшего руководства Российской Федерации. Принимающая его российская сторона попыталась ему возразить, ссылаясь на то, что соглашения, затрагивающие вопросы поставки вооружений, не являются предметом публичного обнародования и уж, во всяком случае, о них никогда не сообщается из Кремля. Однако принц проявил настойчивость и объяснил, что такова воля короля Абдуллы, выраженная им в тот момент, когда он объявил о своем решении приобрести союзника в лице России.

Принц Бандар был послом Саудовской Аравии в США с 1983 по 2005 г., когда Джордж У. Буш вступил в свой второй президентский срок. Его считали практически членом кабинета США в 1990 г., когда Джордж Буш-старший прибегнул к его совету и помощи для того, чтобы снискать одобрение короля Фахда на использование средств тылового и тактического обеспечения для операции «Буря в пустыне» в начале 1991 г. Несмотря на то что принц Бандар считает семью Буша своими друзьями и за 20 лет в качестве посла государства, являющегося сильным союзником США, обрел там прочные связи, он всегда ставил интересы своего государства выше всего остального. В силу этого обстоятельства он договорился в середине 1980-х годов с Китаем о закупке ракет средней дальности действия, что крайне возмутило тогдашнего президента Рейгана. А в начале 1989 г. Бандар нанес визит в

Москву и провел переговоры с Горбачёвым о выводе советских войск из Афганистана на условиях предоставления экономической помощи политическому режиму Горбачёва и прекращения оказания помощи моджахедам, объемы которой составляли 500 млн. долл. ежемесячно и распределялись в равной пропорции между Саудовской Аравией и Америкой.

Роль Бандара в заключении соглашения между Саудовской Аравией и Россией чрезвычайно важна, так как он является главой ведомства, отвечающего за вопросы национальной безопасности в своей стране. Длительный срок пребывания в США и приобретенное там влияние навлекли на принца Бандара не всегда лестные и доброжелательные отзывы в прессе. Американский журналист Дэвид Оттоуэй в ноябре 2008 г. опубликовал книгу «Посланник короля», в которой подверг сомнению правдивость некоторых утверждений принца Бандара. С присущей американской журналистике хлесткостью автор наделяет принца эпитетом – «посыльного» при Белом доме, что вряд ли можно считать справедливым. Принц Бандал был центральной фигурой в достижении договоренности о допуске и оказании поддержки американским войскам во время первой войны в Персидском заливе. Еще более велика его роль в деле вывода советских войск из Афганистана и переговорах об этом с Горбачёвым.

Соглашение между Россией и Саудовской Аравией от 2008 г. выводит двусторонние отношения на принципиально иной уровень в сравнении со всеми предшествующими усилиями, направленными на выстраивание сотрудничества. Это радикальное улучшение объясняется рядом существенных факторов, имеющих отношение к тем взглядам, которых придерживаются оба государства. Некоторые из этих факторов имеют отношение к положению с поставками энергоносителей, тогда как другие связаны со стратегическими соображениями. Между тем оба государства испытывают сомнения в жизнестойкости международной финансовой системы в том виде, в котором она существует на сегодняшний день, и ищут пути для осуществления крупных инвестиций – речь идет как о валютных средствах, так и о деловых начинаниях в промышленности или производстве товаров народного потребления.

Тем не менее отношения России с Саудовской Аравией омрачаются многочисленными притаившимися вдали призраками, хотя зарождались они вполне благополучно и дружелюбно. Советский Союз был первой страной в мире, признавшей законность

полноправного правления короля Абдул Азиз бин Сауда над Эр-Риядом и Недждом. Карим Хакимов, который был консулом, уполномоченным Советским Союзом для работы в Джидде, передал верительные грамоты королю Абдул Азизу в феврале 1926 г. В 1932 г. принц Фейсал бин Абдул Азиз посетил Советский Союз и попытался постичь своим пытливым умом сущность коммунистической формы правления государством. Он был впечатлен грандиозными свершениями и кипучей деятельностью, а также и чувством национальной гордости, присущими советскому народу. Однако атеизм и коммунизм противоречили его мировоззрению. Несмотря на это, поскольку он считал Советский Союз сильным многонациональным государством, объединяющим в своем составе целое созвездие многоликих республик, которое никак нельзя было сбрасывать со счетов, он посоветовал правителям Саудовской Аравии поддерживать дружеские отношения с Советским Союзом и его руководящим ядром.

По неясным причинам Сталин решил разорвать отношения с Саудовской Аравией в 1938 г. Торговое представительство в Джидде было закрыто, а персонал отозван назад в Россию без каких-либо уведомлений. Этот акт впоследствии расценивался российскими арабистами как наиболее пагубный инцидент во взаимоотношениях с Саудовской Аравией. Никаких объяснений ему в печатных изданиях не содержится. К 1938 г. связи между Саудовской Аравией, богатейшим государством по запасам нефти, и американской администрацией, в центре внимания которой всегда была нефть, находились на стадии укреплений.

По окончании Второй мировой войны советско-арабские отношения были развернуты в сторону улучшения на фоне произошедшего Суэцкого кризиса, и Саудовская Аравия направила двух своих посланников с официальным визитом в Советский Союз. Им было оказано особое внимание, и Хрущёв пригласил их посетить его летнюю резиденцию в Сочи.

Однако вскоре все добросердечные настроения развеялись, как только армейские офицеры в Йемене совершили государственный переворот против имама, религиозного лидера Йемена, и его приверженцев, и провозгласили там республику. Саудовская Аравия предоставила политическое убежище и финансовую помощь свергнутому имаму и его семье. В противовес этим акциям Египет послал 70 тыс. солдат, а также танки советского производства и истребители МиГ, для того чтобы при поддержке Советского Союза сражаться на стороне сил, восставших против войск

имама. Египетская радиостанция «Голос арабов» осудила королевскую семью Саудов и методы ее правления. В Саудовской Аравии в то время работало более миллиона йеменских граждан, которые подвергались обработке при помощи нескончаемого потока пропаганды.

Король Фейсал, которому удалось восстановить финансовые резервы королевства, изрядно иссякшие при короле Сауде, в конечном итоге все же добился своего и одержал верх в йеменской гражданкой войне. Советские войска оставались в Йемене после того, как страну покинули египтяне, защищая новый республиканский режим против сторонников имама, державших в окружении столицу – Сану в ноябре и декабре 1967 г. Во время их рейда в Йемен советские вооруженные силы пытались распространить свое влияние и достичь соглашений в регионе. Фейсал был непреклонен и нейтрализовывал усилия Советов, где только мог. Будучи благочестивым мусульманином, он отрицал все постулаты атеизма и находил коммунистическую систему неэффективной, когда дело касалось необходимости поиска путей для диверсификации производства.

Фейсал был, прежде всего, политическим реалистом и арабским националистом. Именно он возглавил кампанию по выделению финансовых средств богатыми нефтедобывающими арабскими странами в пользу Сирии, Египта и Иордании после серьезного поражения арабов в шестидневной войне 1967 г. Вопиющий факт предоставления американской помощи Израилю в 1973 г. вызвал гнев короля Фейсала, и в качестве ответного жеста он санкционировал тактику использования нефти как инструмента политического давления. Первоначально поставки нефти из арабских стран были сокращены на 15%, а в последующем – каждый месяц они сокращались дополнительно еще на 5%. Экспорт энергоносителей в Соединенные Штаты и Голландию – самым стойким сторонникам Израйля – был прекращен.

Русские поддерживали позицию арабских государств на дипломатическом поприще и в вопросах нефтяной политики придерживались линии, находящейся в соответствии с программным курсом короля Фейсала. Для того чтобы выразить русским свою благодарность, король Фейсал направил поздравительный адрес с добрыми пожеланиями советскому руководству по случаю празднования в СССР очередной годовщины Октябрьской социалистической революции, сделав это впервые после того, как взаимоотношения были прерваны Сталиным в 1938 г. По случайному

стечению обстоятельств именно в этот день Киссинджер находился с визитом у короля Фейсала, надеясь снискать его поддержку инициативе по заключению соглашения о прекращении огня между Израилем и Египтом с Сирией, а также добиться возобновления поставок нефти на Запад.

Председатель Правительства СССР Косыгин расценил послание правителя Саудовской Аравии как первый знак, свидетельствующий о желании восстановить межгосударственные отношения и вернуть их в нормальное русло. Так оно и было в действительности, но династии Саудов требовалось время для планирования такого сотрудничества, которое привело бы к полноценному восстановлению дипломатических отношений. Король Фейсал был убит в марте 1975 г. одним из младших членов королевской семьи, который, по сообщениям прессы, был признан невменяемым. Многими выдвигалась версия убийства, связанная с дерзновенными и безбоязненными действиями короля Фейсала, предпринятыми им в отношении использования нефти в политических целях, а также с позицией, которую он занимал до и после арабо-израильской войны 1973 г. Этот сдержанный, вдумчивый, высокообразованный, веротерпимый и снисходительный король погиб как великомученик и стал почитаем после смерти гораздо более, чем тогда, когда он был жив.

В 1976 г. король Халед вместе с принцем Фахдом, наследником престола, были настроены на восстановление отношений с Советским Союзом. Оба саудовских лидера выразили свою признательность за поддержку Советским Союзом политических целей арабских государств и отметили значимость и могущество Советского государства. Оба государства провели предварительное «зондирование почвы», и процесс сближения между ними начался, но был прерван до того, как он смог бы принести свои плоды, – в связи с вводом советских войск в Афганистан. И эта длительная, кровопролитная и дорогостоящая военная конфронтация между советскими вооруженными силами и моджахедами, которых поддерживали и финансировали Саудовская Аравия и Соединенные Штаты, продолжалась без малого десять лет.

Как раз в то время, когда Советскому Союзу были необходимы существенные иностранные вливания для осуществления перемен и процессов демократизации, провозглашенных приоритетными направлениями в горбачёвской политике перестройки и гласности, – неутихающие споры и прения в ОПЕК по поводу квот на добычу нефти, объемов производства и цен на нефть достигли

критического предела. Саудовцы пытались придерживаться политики рационального природопользования, но, не найдя ответного понимания со стороны нефтедобывающих государств, допускающих избыточное производство, они выступили с угрожающим заявлением о том, что собираются переполнить международные рынки нефтью. Это и было сделано Саудовской Аравией в 1986 г., вследствие чего цены на нефть упали до 9 долл. за баррель по сравнению с 37 долл. за баррель, зафиксированными на конец 1980 г.

Россия была парализована в результате этого катастрофического падения цен. Первый заместитель председателя правительства в период ельцинского правления Егор Гайдар в интервью британской газете «Financial Times» от 18 апреля 2008 г. заметил, что «в конце 1970-х и начале 1980-х годов советское руководство допустило стратегическую ошибку, решив, что чрезвычайно высокие цены на нефть гарантированы навсегда», и что «не создав валютных резервов, оно лишь многократно увеличило государственные долговые обязательства». Когда в конце 1985 и начале 1986 г. цены на нефть упали, лидеры СССР не смогли достойно справиться с этой проблемой. Результатом этого явилась гибель советской империи. Возможно, это – слишком резкое суждение, но, очевидно, оно содержит в себе рациональное зерно. Несмотря на то что Гайдар возглавлял Институт экономики переходного периода, его считают одним из основных виновников политики, которая уничтожила государственные активы в течение первых лет правления Ельцина.

Горбачёв попытался достичь взаимопонимания с членами ОПЕК, в особенности с Саудовской Аравией, насчет поднятия цен на нефть. В то время в Советском Союзе считали, что катастрофа с ценообразованием была спровоцирована Саудовской Аравией, что было правдой. В течение нескольких месяцев ситуация с ценами на нефть улучшилась, но 1980-е годы закончились тем, что цены на нефть приблизились к отметке в 20 долл. за баррель, вместо 30 долл. Советский Союз пострадал в сильной степени, ощутив на себе последствия затяжного периода, когда превалировали сниженные цены. В 2008 г. российские лидеры оказались уже более состоятельными перед лицом кризиса, поразившего систему ценообразования в нефтяной отрасли, поскольку Россия к этому времени накопила золотовалютные резервы в размере 700 млрд. долл. и таким способом подстраховала свои финансовые обязательства, которые на сей раз оценивались ниже, чем в советскую эпоху. Тем

не менее резкое понижение цен способно нанести серьезный ущерб, и в связи с этим заключенный в июле 2008 г. российско-саудовский альянс имеет колоссальное значение.

В свете сократившегося спроса на нефть, что количественно выражается снижением потребления на 2–3 млн. баррелей в день и объясняется фактором глобальной рецессии, Саудовская Аравия и Россия могут снизить свои экспортные объемы ровно на такую же величину и выиграть за счет более высоких цен таким образом, что смогут компенсировать свои потери из-за меньших объемов экспорта. Чрезвычайно важно, чтобы нефтяная политика эффективно согласовывалась Саудовской Аравией и Россией на ближайшую перспективу. И только такое сотрудничество способно обеспечить возврат нефтяных цен в 2009 г. к отметке в 60–70 долл. за баррель.

В январе 1989 г. Горбачёв на встрече с послом Саудовской Аравии в Соединенных Штатах и советским послом в Вашингтоне Анатолием Добрыниным, имеющим за плечами внушительный опыт дипломатической службы, подтвердил свое решение о выводе войск из Афганистана до конца марта 1989 г. Принц Бандар заметил по этому поводу, что прекращение военных действий со стороны СССР будет означать сокращение военных обязательств Америки и Саудовской Аравии, и в таком случае Горбачёв может рассчитывать на определенную помощь.

Саудовцы были верны данному им слову: и министр иностранных дел принц Сауд аль-Фейсал, и министр финансов Мохаммад Аба аль-Хейль прибыли в Москву в ноябре 1990 г. Они обсуждали планы дипломатического сотрудничества и испытываемую Горбачёвым потребность в оказании помощи. К этому времени Саддам Хусейн осуществил захват территории Кувейта 1 августа 1990 г., и в определенный момент казалось, что он намеревается вторгнуться в Саудовскую Аравию. Но быстрая мобилизация американских, британских, французских, сирийских и египетских войск воспрепятствовала плану дальнейшей реализации захватнических замыслов Саддама.

Принц Сауд аль-Фейсал и Мохаммад Аба аль-Хейль находились в Москве, когда из средств информации стало известно о планируемом нападении американцев на войска Саддама в Кувейте. Они воздали должное России за ее поддержку усилий союзных войск, несмотря на то, что Саддам Хусейн был крупным клиентом в поставках российских вооружений и, по всей вероятности, политическим союзником России. Саудовские представители выразили

свое одобрение и признательность за позицию, занятую Россией, и предложили ей помощь в размере 4 млрд. долл. без каких-либо предварительных условий. Саудовцы были прекрасно осведомлены о тактических планах Америки, которые предусматривали всяческие проволочки в предоставлении помощи Горбачёву, поскольку принц Бандар был самым непосредственным образом вовлечен в подготовительную работу по разгрому Саддама Хусейна. По поручению короля Фахда он посетил Саддама незадолго до того, как тот осуществил нападение на Кувейт, и получил заверения от иракского лидера в том, что ни о каком наступлении он не помышляет.

Годы ельцинского правления (1991–1999) не были слишком плодотворными в плане налаживания взаимоотношений между Россией и Саудовской Аравией. Два факта оказывали сковывающее влияние на их развитие:

а) во-первых, Ельцин и главы его правительства на раннем этапе, такие как Е. Гайдар и А. Чубайс, были более всего озабочены процессом демонтажа структуры бывшего Советского Союза и разграбления его государственных активов. Американские рекламные фирмы и гарвардские магистры делового администрирования на протяжении многих лет разрабатывали и формировали российскую политику в гораздо большей степени, чем продуманные стратегии, рассчитанные на длительную перспективу и исходящие от парламентариев российской Думы;

б) второй фактор, тормозящий прогресс двусторонних отношений между Россией и Саудовской Аравией, имел еще более важное значение. Ельцин развязал две войны в Чечне. Чеченская проблема обозначилась в 1994 г., возможно, в связи с тем, что чеченцы почувствовали, что Ельцин не будет слишком возражать против того, чтобы потерять еще одну республику, ранее входившую в состав СССР. В Чечне находились боевики-моджахеды, которые проникли туда из Афганистана и ранее получали финансирование из Саудовской Аравии. Саудовцы продолжали оказывать финансовую помощь чеченцам, а русские не предпринимали усилий для того, чтобы воспрепятствовать этому и положить конец.

Предоставление помощи Саудовской Аравией было прекращено лишь в 2003 г., когда ныне покойный Рафик Харири, премьер-министр Ливана, пообещал Путину, что будет работать во имя достижения этой цели. Харири, давний друг королевской семьи Саудов, пользующийся ее особым расположением, заручился поддержкой принца Бандара, и король Саудовской Аравии прекра-

тил оказывать помощь чеченцам. С этого времени, также и благодаря тому, что Путин является профессиональным военным и прекрасным руководителем-организатором, в Чечне, по большей части, сохраняется спокойствие.

Однако Путин захотел большего от Саудовской Аравии, чем просто прекращения оказания помощи чеченцам. Он обратился с просьбой к саудовцам о содействии в проведении встреч между представителями исламских государств, среди которых Саудовская Аравия играет главенствующую роль. Более того, он выступил с призывом выработать предложения по поддержке умеренного ислама в мусульманских регионах Российской Федерации, а также в ее ближнем зарубежье – Узбекистане, Азербайджане и Туркменистане. Мусульманское население Российской Федерации составляет 26 млн. человек из 141 млн. общего числа жителей. На фоне того, что количество православных россиян убывает, а третья по численности категория населения – евреи – эмигрировали из страны в большом количестве, мусульманское население возрастет уверенными темпами.

Для российского руководства насущной необходимостью является поддержание мира и чувства процветания и стабильного развития среди мусульманского населения. Саудовская Аравия может сыграть в этом процессе ключевую роль. Россия хочет восполнить утраченное ею в ходе войны в Афганистане и Чечне, а саудовцам необходима поддержка Российской Федерации и ее мощь.

Потребность в продвижении умеренного ислама совместными усилиями Саудовской Аравии и России дала толчок новой инициативе короля Саудовской Аравии Абдуллы. Сутью ее является призыв к налаживанию серьезного диалога между мусульманами, христианами и евреями по вопросам сотрудничества, сосуществования и культурного взаимообогащения. Первый раунд дискуссий и обмена мнениями о религиозном сотрудничестве и сосуществовании монотеистических религий состоялся в столице Испании Мадриде в июле 2008 г. в ответ на приглашение к диалогу короля Саудовской Аравии. Аналогичное собрание имело место в Организации Объединенных Наций в октябре 2008 г.

Россия и Саудовская Аравия на сегодняшний день и на ближайшую перспективу – единственные две страны (правда, до тех пор, пока Ирак и Иран не увеличат свое производство), способные стабилизировать цены на нефть и обеспечивать устойчивое снабжение нефтью, и таким образом помочь всему миру побороть тен-

денцию оказаться втянутым в очередной виток рецессии. Существует ряд весьма характерных особенностей, присущих энергетической сфере, которые имеют прямое отношение как к России, так и к Саудовской Аравии. В начале июля 2008 г. цены на нефть взметнулись до 147 долл. за баррель, а к середине августа опустились до 111 долл. за баррель. Доллар же успел дотянуться до планки в 160 центов по отношению к евро, а потом сползти до 146 центов за тот же самый срок. Другими словами, 9%-ное повышение курса доллара по отношению к евро привело к 25%-ному спаду в цене на нефть. Многие эксперты высказывали предположение о том, что евро будет стоить не более 130–135 центов к концу 2008 г., и что это будет означать падение цены на нефть еще на 25%, т.е. до уровня 92 долл. за баррель. В действительности же обменный курс в начале декабря остановился на отметке около 1,28 долл. по отношению к евро, что должно было подразумевать цену на нефть чуть ниже 90 долл. за баррель, тогда как фактическая цена упала ниже 50 долл. за баррель. Основными причинами такого непредсказуемого понижения цены на нефть стала рецессия, распространившая свое воздействие на передовые индустриальные страны, возрастающая безработица, банковские проблемы и резкое снижение объемов продаж автомобилей как в Европе, так и в Соединенных Штатах, Китае и Индии. Если цена на нефть опускается ниже 60 долл. за баррель, то это означает, что России и Саудовской Аравии не избежать столкновения с финансовыми трудностями в среднесрочной перспективе. И по этой причине координация нефтяной и финансовой стратегии между двумя этими странами возымела возросшее принципиальное значение.

Принимая в расчет последние события, становится ясно, что Россия и Саудовская Аравия должны сотрудничать для того, чтобы обеспечить надежность и устойчивый характер снабжения энергоносителями, а также и стабильность его объемов на тех уровнях, которые отражают собственные потребности этих государств-экспортеров. При этом необходимо учитывать резерв на истощение недр, стоимость альтернативных источников энергии, к которым относятся жидкие углеводороды, получаемые из неразрабатываемых угольных пластов.

Россия имеет самые большие запасы природного газа, на которые приходится в общей сложности 30% всех общемировых запасов. Она занимает, согласно имеющимся данным, восьмое место в мире по величине своих запасов нефти. Однако, судя по оценкам Геологической службы Соединенных Штатов, Россия располагает

дополнительно 100 млрд. баррелей нефти, которые еще не освоены, а только стоят на очереди, и с учетом этого показателя имеющиеся у нее запасы увеличиваются на 160%. Россия – третий крупнейший потребитель энергии в мире, при этом 55% ее внутренних потребностей обеспечивается за счет использования природного газа.

Саудовская Аравия располагает самыми крупными запасами нефти во всем мире, по оценкам экспертов, составляющими 20% от всех подтвержденных на сегодняшний день запасов. Она также имеет внушительные запасы природного газа и сырого конденсата. Нефтедобыча в Саудовской Аравии составляет приблизительно 10,5 млн. баррелей в день, тогда как общий объем производства газоконденсатных жидкостей составляет около 1,5 млн. баррелей в день, но эти цифры не регулируются квотами ОПЕК. Планы по увеличению объемов добычи нефти до 12 млн. баррелей в день в течение 2009 г. выглядят амбициозными и потребуют внедрения высокотехнологичного оборудования, ибо добыча нефти на месторождениях упала на 700 тыс. баррелей в день вследствие известных факторов. В 2008 г. Саудовская Аравия осуществила поставки нефти в США, тем самым обеспечив 16% от требуемого объема по импорту, что на 2% выше, чем за предыдущий год.

По прогнозам значительного числа специалистов нефтепромысловой геологии, объемы мировой добычи нефти достигнут своего пика в 2010 г. По тем же источникам, добыча нефти в Америке достигла своего наивысшего уровня в 1972 г., а добыча нефти в Северном и Норвежском морях находилась на пике в 1990-е годы. И только богатые нефтью страны Ближнего Востока начнут достигать пика объемов нефтедобычи к 2020 г. при условии, что на такие объемы будет сохраняться спрос в мире.

Ситуация с природным газом вызывает некоторое беспокойство, пожалуй, главным образом, по причине того, что произошел определенный сдвиг предпочтений в сторону потребления газа, в особенности, в целях производства электроэнергии. К 2010 г. большая часть энергосетей в Соединенных Штатах будет ориентирована на использование природного газа. По целому ряду причин потребление газа оказывается более предпочтительным. Природный газ – это наиболее экологически чистое топливо, позволяющее рационально использовать энергию, а газовые электростанции быстрее и дешевле всего строить, да и КПД у них – самый высокий.

В 1999 г. К.Дж. Кэмпбелл, широко известный геолог-нефтяник, выразил свои соображения следующим образом: «Мировой пик добычи газа придется уже на 2020 г. После этого мировой топливно-энергетический комплекс для удовлетворения своих потребностей в природном газе будет все в большей степени зависеть от Ближнего Востока и бывшего Советского Союза, при этом цены на газ будут стремительно расти. Иран, недавно исламизированное государство, обладает 16% мировых газовых резервов, а Катар и Объединенные Арабские Эмираты имеют еще 10%, что делает эти три государства ключевыми игроками в разыгрывании будущей глобальной энергетической партии. И в этом случае, так же как и с нефтью, Ближний Восток становится стабилизирующим и компенсирующим производителем в мире, где запасы природного газа и дешевой нефти постепенно истощаются».

Уникальность топливно-сырьевой базы России и ее союзных государств из ближнего зарубежья, таких как Туркменистан, Узбекистан и Казахстан, а также Саудовской Аравии и других членов Совета по сотрудничеству стран Персидского залива, в особенности Кувейта и Абу Даби, наводит нас на мысль о том, что сотрудничество и координация стратегий в энергетической сфере является абсолютной необходимостью для гарантирования надежности будущих поставок энергоносителей в мире, а также и процветания самих государств-экспортеров.

Такое сотрудничество, уже инициированное Саудовской Аравией и Россией, наталкивается на целый ряд преград, таящих в себе скрытые вызовы. В частности, три из описываемых ниже проблем представляют собой сложнейшие задачи, которые необходимо разрешить. Четвертый же аспект, связанный с последовательными усилиями западных держав, нацеленными на рациональное использование энергетического потенциала и повышение эффективности энергопользования, может только приветствоваться странами, которые экспортируют невозобновляемые ресурсы.

Первая проблема, стоящая на пути развития успешного сотрудничества России и Саудовской Аравии, – это определение уровня приемлемых цен на экспортируемую нефтегазовую продукцию. Скачкообразное повышение цен имеет слишком сильный дестабилизирующий эффект. Исходя их данных, содержащихся в научных трудах, жидкое топливо из угля извлекается по себестоимости в 80–90 долл. за баррель. Более того, сооружение заводов, оснащенных мощностями, достаточными для того, чтобы обеспечить объемы его потребления в размере 90–95 млн. баррелей угле-

водородов в день, займет не один год. Следовательно, более высокая ценовая планка в 100 долл. и выше за баррель нефти или жидкого топлива на сегодняшний день вполне оправдана. Целевая ценовая планка в 60 долл. за баррель, которая подлежит корректировке в зависимости от индекса инфляции в индустриальных странах в будущем, базируется на геополитической потребности проявлять гибкость перед лицом рецессии, охватившей все индустриально развитые страны, а также постепенно, но неуклонно поражающей и экономики развивающихся стран.

Вторая проблема, с которой сталкивается российско-саудовское сотрудничество, чрезвычайно сложна и связана с закулисными махинациями. Ирак имеет вторые по величине запасы нефти в мире. До 1998 г. Соединенные Штаты импортировали более 50% энергоресурсов, потребляемых ими. Импорт нефти с Ближнего Востока превосходил объемы закупок из любой другой страны. Пик добычи нефти и газа в США уже давно миновал, а относительно недавно пик добычи остался в прошлом для Мексики и Канады, которые рассматриваются как наиболее привилегированные поставщики по условиям Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА). Обладая всего лишь 5% мировых запасов энергоресурсов и потребляя 25% от общего объема энергии, производимого в мире, США оказались на грани энергетического голодания и стали заложниками ситуации в финансовом смысле. Американские лидеры обратили свое внимание на перспективы богатого Ближнего Востока. Многие высокопоставленные руководители фирмы «Мобил» были убеждены, что Ирак имеет запасы нефти, намного превосходящие те, что имеет Саудовская Аравия. Еще до окончания второго президентского срока Клинтона и избрания Джорджа У. Буша Дик Чейни дал поручение армейской разведке составить отчет по обеспечению поставки энергоносителей из стран Ближнего Востока. Основное внимание должно было быть уделено Ираку. К этому времени некоторая степень уверенности относительно поставок газа на будущее уже была достигнута вследствие того, что США поддержали правительственный переворот по свержению шейха Катара его сыном Хамадом. Новый эмир и его тогдашний премьер-министр пообещали, что будут способствовать тому, чтобы у Израиля были нормальные отношения со странами Персидского залива, начало которым положит Катар, и предоставят возможность США иметь крупную авиабазу на территории Катара. Оба эти обещания были выполнены, и американские самолеты начали наносить бомбовые

удары по Ираку весной 2003 г. с территории Катара. По запасам газа Катар стоит на третьем месте в мире, уступая только России и Ирану, и компания «Эксон-Мобил» стала основным партнером по проектам производства сжиженного газа в Катаре до и после 1995 г. Так же как и иракцы, иранцы были слишком поглощены войной, а впоследствии столкнулись с напряжением в отношениях с США и не уделяли должного внимания развитию своей нефтяной и газовой промышленности, потенциал которой огромен. Развязывание войны в Ираке было идеей, которая зародилась до того, как состоялись президентские выборы, и задолго до событий 11 сентября 2001 г. Все, что было нужно Бушу, Чейни, Рамсфелду и Вулфовицу, – так это предлог. Теракты 11 сентября 2001 г. затуманили сознание американцев в достаточной степени для того, чтобы позволить этой клике, другим ведущим неоконсерваторам и фундаменталистам из «новых христиан» подстегивать лихорадку, оправдывающую войну в Ираке. Мир только сейчас очнулся от дурманящего воздействия всех приводимых американской администрацией доводов в пользу войны в Ираке и ради избавления себя от ответственности за царящую там по сей день неразбериху, которые преподносились, окутанные завесой фарса и трагедийности одновременно. До сегодняшнего дня – по прошествии более шести лет со дня оккупации Ирака – в местной нефтяной промышленности нет ни должной организации, ни управления. С 2003 г. американцы имеют в своем распоряжении все планы освоения месторождений и все характеристики месторождений, но ничего не предпринимают для того, чтобы помочь Ираку продвигаться в направлении увеличения собственной добычи нефти и улучшения снабжения страны электроэнергией. Еще во времена Саддама у Ирака были планы довести добычу нефти до 6 млн. баррелей в день. Был период, когда Ирак достиг планки в 3,5 млн. баррелей в день, хотя сегодня его добыча составляет примерно 2,4 млн. баррелей в день. Ирак – одна из стран, имеющих первостепенное значение для осуществления устойчивого снабжения мирового рынка нефтью на перспективу. Ресурсы Ирака осваивались с 1991 г. недостаточно, ибо Саддам был вынужден вывести войска из Кувейта и, в конце концов, следовать программе «Нефть в обмен на продовольствие и медикаменты», которая налагала ограничения на ее добычу в Ираке. На сегодняшний момент, при наличии национальной программы развития нефтедобывающей отрасли, рассчитанной на пять лет, и объектов обеспечения экспорта продукции, Ирак в состоянии увеличить свою добычу на 3–3,6 млн. баррелей в

день. Достигнутый в таком случае уровень добычи, составляющий 6 млн. баррелей в день, может поддерживаться на протяжении длительного времени. Однако пристальный американский контроль за постановкой стратегических задач и процессом принятия решений препятствует усовершенствованию производственных процессов и привлечению инвестиций для модернизации всей материально-технической базы нефтяной промышленности Ирака.

То, что американцы делают в Ираке, а именно: выстраивают всяческие препоны на пути увеличения добычи нефти на 3–3,6 млн. баррелей в день, – они пытаются сделать и в Иране посредством наложения ограничений на поставки нефтяного оборудования и привлечение инвестиций в нефтяной сектор Ирана. Любые инвестиции, осуществляемые какой бы то ни было крупной нефтяной компанией в размере, превышающем 20 млн. долл. в год, означают, что данная компания будет подвергнута значительным штрафным санкциям на американском рынке или через американские банки. Иран способен увеличить свою добычу на величину, оцениваемую не менее чем в 2,5 млн. баррелей в день. Существенно то, что Иран занимает второе место в мире по богатейшим запасам природного газа (16% от всех мировых запасов) и совершенно не занимается освоением этого потенциала. В действительности же Иран импортирует газ из Туркменистана. Не так давно, а именно в 2008 г., Россия и Китай продемонстрировали свою готовность сотрудничать с Ираном. Китай будет причастен к добыче нефти и производству сжиженного природного газа, а Россия будет участвовать в добыче газа и его транспортировке. Заявленные обеими сторонами инвестиции превышают 21 млрд. долл. (17 млрд. долл. от Китая и 4 млрд. долл. от России). Не вызывает особых сомнений тот факт, что разработка нефтяных и газовых месторождений Ирана является чрезвычайно важным делом, необходимым, в частности, быстроразвивающимся экономикам стран Дальневосточного региона, а также Пакистану и Индии. Когда же крупные газовые проекты будут запущены в Иране, опасения насчет того, что пик доступности и наличия газовых ресурсов наступит ранее 2030 г., ослабеют и развеются.

Третьей проблемой, с которой придется столкнуться на пути построения успешного тандема между Саудовской Аравией и Россией, которая затрагивает также и Иран, является традиционная система ценообразования в долларах. На протяжении 70 лет XX в. США и все крупнейшие американские нефтяные компании практически контролировали мировые поставки нефти. Цены на нефть

устанавливались в долларах, поскольку первые крупные экспортные поставки нефти были организованы из Соединенных Штатов. Помимо этого, американские компании главным образом обогатились за счет концессий, предоставленных ближневосточными странами, в частности Саудовской Аравией, на территории которой работали исключительно американские компании. Политика установления цены на нефть в долларах в сочетании с американским контролем над добычей нефти в Ираке и с активными усилиями США по противодействию возрастанию экспорта нефти и газа из Ирана ведет к ситуации, при которой американские угрозы в адрес Ирана создают международную обеспокоенность и оказывают огромное давление на уровень цен. Власти в США могут всего-навсего выбросить на рынок больше ликвидных средств, что затруднит процесс дальнейшего укрепления доллара по отношению к евро, фунту стерлингов и иене, и, таким образом, падение цен на нефть будет приостановлено. Но что бы ни случилось, Россия, Саудовская Аравия, Западная Европа, Япония, Китай и Индия должны покончить с порочной практикой привязки цен на нефть к доллару. Новая международная финансовая система должна быть структурирована более подобающим образом, и вышеперечисленные страны должны объединить свои усилия вместе со странами, имеющими значительные золотовалютные резервы, такими как Сингапур и Абу Даби, для того чтобы выработать основы новой международной финансовой системы, которая бы отводила американской валюте ровно столько значимости, сколько обуславливается ее долей в международной торговле. Пришло время кардинально изменить международную систему кредитно-денежного обращения, впрочем, так же как и основательно переработать принципы ВТО, регулирующие международные экономические отношения и мировую торговлю, равно как и экологические нормативы, нацеленные на уменьшение выбросов углекислого газа (CO) в атмосферу и увеличение площади зон лесных насаждений и кустарниковой растительности.

Четвертая проблема, с которой непременно соприкоснутся Россия и Саудовская Аравия, как, впрочем, и другие крупные нефтегазодобывающие страны в ближайшем будущем, сопряжена с программами международного энергетического агентства (МЭА), ориентированными на уменьшение глобальной зависимости от энергоносителей минерального происхождения – ископаемых видов топлива – и повышение эффективности использования энергии. И все же эту проблему неправомерно причислять к разряду

критических трудностей, ибо МЭА было образовано после нефтяного кризиса 1973 г. с целью реализации стратегических мер, которые бы блокировали попытки ОПЕК контролировать цены на нефть. Эта цель была четко сформулирована Генри Киссинджером, который был одним из основателей МЭА.

Как бы то ни было, а политика энергосбережения сослужила добрую службу интересам и России, и Саудовской Аравии, и других основных производителей нефти в 2008 г. Все эти страны мечтают и надеются на то, что прогнозируемый пик нефтедобычи будет отсрочен, как минимум, на десять лет. Это даст им достаточную временную отсрочку на то, чтобы они смогли диверсифицировать свои экономики и использовать имеющиеся у них валютные резервы наиболее рациональным способом для того, чтобы стать инвесторами глобального масштаба.

М. Искандар. «Возрождение России: Медведь превращается в тигра», М., 2010 г., с. 188–235.

А. Малашенко,

доктор исторических наук, член научного совета
Московского центра Карнеги

РЕВОЛЮЦИИ В ТУНИСЕ, ЕГИПТЕ И ЛИВИИ

Трем революциям – в Тунисе, Египте и Ливии – некоторые политики в России уже попытались присвоить имя «оранжевых» (или «тюльпановых»), намекая на некую их преемственность по отношению к событиям на Украине (2004), в Киргизии (2005) и Грузии (2003). К чему? Ведь этак под «цветочно-цитрусовые баррикады» можно подвести и 1789 г. в Париже, и 1917 г. в Петрограде. Но это беспокойство объяснимо: кое-кто на бывшем советском пространстве прикидывает арабскую смуту на себя, на свою дальнейшую политическую судьбу. А что, собственно, произошло? По здравом размышлении – ничего из ряда вон выходящего. В трех арабских странах люди устали плохо жить и решили, что имеют право жить лучше. Как учит реклама: «И вы этого достойны». Люди захотели социально-экономических реформ, сообразив, что без политических перемен это невозможно. Народ устал от засидевшегося начальства. Муамар Каддафи правит Ливией с 1969 г., Хосни Мубарак в Египте с 1981 г., Зин аль-Абидин Бен Али в Тунисе с 1987 г. Они уже не в состоянии качественно улучшить сверстанную под их семейное правление систему. Пропасть между населе-

нием и узким слоем правящей элиты столь глубока и широка, что с ее дальнего сытого края вожди не видят остальную нацию со всеми ее жизненными неурядицами. Конституционная возможность заставить правящий слой поработать на общество отсутствует, так же как и возможность законным путем поменять эту власть. И тогда народ вышел на улицу. Есть мнение, что его побудили к этому «Фейсбуки», «Твиттеры» и прочие технологии, но зажигают огонь не они, а все та же «арабская улица». Замечу, что в Ливии Интернет доступен 4,2% населения, в Египте – 12,9, в Тунисе – 27, а вот в Кувейте – 34, в Азербайджане – 24, в Саудовском Королевстве – 22,7%, причем в последних трех из этих стран так ничего и не произошло. Некоторые полагают, что египтяне и тунисцы совершили революцию, зачитавшись книгой Говарда Рейнгольда «Виртуальная реальность». Но информационные технологии и книги – инструмент распространения революционного огня. Их значение глупо игнорировать, но не следует и абсолютизировать. Ибо осталось множество стран, где передовые технологии в изобилии, а вот революций нет.

Тунисский президент убежал сразу, египетский сопротивлялся три недели. Он, похоже, не верил глазам своим, свидетельством чему стала его знаменитая реплика на вопрос журналиста: «Вы не хотите попроситься со своим народом?» Мубарак ответил: «А разве мой народ куда-то уходит?» Бывший лидер Ливийской Джамахирии – так когда-то переименовал свою страну Каддафи – отчаянно боролся за власть, но был обречен. Общий абрис событий в трех арабских странах не слишком оригинален. Тем не менее кое-какие неожиданности наблюдались. Во-первых, бросилось в глаза полное одиночество, изоляция вождей Туниса и Египта. Их не поддержали ни национальная элита, ни армия. Танки в Каире стояли с выключенными моторами, офицеры безмолвствовали. Они выжидали, кто победит, а фактически – когда и как будет повержен режим. Во-вторых, несмотря на боевой, яростный настрой населения, погромов, массового мародерства и прочих эксцессов, которыми сопровождается всякая революция, в Тунисе и Египте случилось не так уж много. Наиболее ярким событием стало ограбление Национального музея, из которого была похищена мумия, но в горячке политических событий на это мало кто обратил внимание. В целом тунисцы и египтяне обнаружили общественную зрелость. Так или иначе, но «разъяренные, алчущие крови толпы» на улицах особенно замечены не были. Это признают даже обиженные революционерами журналисты, которых египтяне по-

рой третировали как вражеских агентов. В-третьих (и это особенно любопытно), поразительную пассивность обнаружили исламские радикалы. И если в Тунисе это можно объяснить тем, что в свое время их лидеры были высланы из страны, то вялость действий «Братьев-мусульман» в Египте для многих оказалась неожиданной. Так или иначе, «исламский взрыв» не состоялся. Кроме Каддафи, обвинившего в своих трудностях «Аль-Каиду», из политиков мирового уровня, пожалуй, лишь президент России Дмитрий Медведев всерьез заговорил об опасности прихода к власти религиозных фанатиков. Но это можно объяснить страхом российского руководства перед тем, что события в арабском мире отразятся на Северном Кавказе, где исламские радикалы действительно чрезвычайно активны и где, между прочим, внимательно следят за событиями на Севере Африки. Однако вряд ли стоит безапелляционно утверждать, что низкая активность исламистов означает окончательное поражение радикального ислама и его уход с политической сцены. Нечто подобное регулярно предрекается уже три десятилетия кряду. Исламисты остаются важной частью арабской, мусульманской политической палитры, и выражение социально-политического протеста через ислам по-прежнему актуально. Применительно к данной конкретной ситуации я бы назвал его «отложенным протестом».

Наиболее острое положение возникло в Ливии. В отличие от Туниса и Египта ее глава Муамар Каддафи не оказался в полной изоляции, получив поддержку на западе страны в Триполитании, где обосновались выходцы из его родного одноименного племени (каддафи). Ливийский лидер бросил против восставших не только наземные войска, но даже авиацию. Сознывая, что армия ненадежна, Каддафи пошел на использование наемников из Чада, Нигера, некоторых других африканских стран, что вызвало еще большую ненависть к нему ливийцев. Столь отчаянная борьба за власть, с одной стороны, объяснима все еще сохраняющейся у Каддафи уверенностью в своей персональной харизме, в поддержке соплеменников. С другой стороны, лидер Джамахирии известен как один из наиболее жестоких диктаторов, который физически уничтожал своих противников (в том числе за рубежом), чем вызывал раздражение Запада, научившегося его терпеть, но предпочитающего иметь дело с арабскими политиками типа свергнутых глав Туниса и Египта. У Каддафи были напряженные отношения со многими мусульманскими странами, в том числе с Саудовской Аравией. Рассчитывать на благосклонность за рубежом он явно не

может. После применения жесточайших методов при подавлении восстания он вообще оказался политическим изгоем, на Ливию наложены санкции ООН, банковские счета его семьи заморожены, самому ему грозит Международный суд в Гааге, В этих обстоятельствах Каддафи, который все еще сохраняет свой официальный титул «лидер ливийской революции» (что сегодня звучит чрезвычайно парадоксально), сражается уже не только за власть, но и за собственную жизнь. Легко представить, что с ним случится, если он попадет в руки своих противников.

Что будут делать победители? Замечу, что с уходом старых президентов революционный процесс не завершился. В Тунисе в конце февраля поднялась вторая (хотя и не столь бурная, как первая) революционная волна, опрокинувшая новое правительство Мухаммеда Ганнуши. Новая власть, которая будет носить переходный характер, формируется из разношерстных политических сил. В составе коалиций, особенно в Египте, может найтись место «Братьям-мусульманам», разумеется, их умеренному крылу. Достигнуть согласия будет непросто. В Египте функцию гаранта стабильности берет на себя армия, которая здесь всегда играла особую политическую роль. У тунисской армии такой традиции нет (положение в Тунисе напоминает ситуацию в Киргизии, где после второй революции 2010 г. отношения между победителями выстраиваются весьма напряженно). Что касается Ливии, то эта страна может распасться на две или даже три части. «Сложенная» в 1911 г. из трех территорий – Триполитании, Киренаики и Феззана, Ливия уцелела как единое государство благодаря авторитету династии Сенуситов, а затем и каддафийской диктатуре. Уход Каддафи неизбежно ставит вопрос о существовании Джамахирии как единого государства, что, в свою очередь, обострит обстановку на Севере африканского континента. Проблема десятков тысяч беженцев из Ливии уже встала в полный рост перед Тунисом и неизбежно станет головной болью для мирового сообщества.

Следующий вопрос, над которым сегодня чаще задумываются не политики, а исследователи с отвлеченным, академическим складом ума: могут ли возникнуть в Тунисе и Египте новые политические системы, приведут ли происшедшие революции к отказу от авторитаризма, сменится ли президентское правление на реальное парламентское (здесь вновь возникает ассоциация с Киргизией)? Надежды на демократические перемены, конечно, возникают. Но, думается, обольщаться рано. Процесс политического переустройства сложен сам по себе и чреват попятным движением. В

случае неспособности теперь уже новой власти сравнительно быстро решить острейшие социальные и экономические проблемы она также окажется перед угрозой свержения, замены на еще более новую, пока непредсказуемую, но, очевидно, с более радикальным, уже революционно-религиозным настроем. Это во-первых. А во-вторых, из опыта мусульманского мира известно, что и в условиях нормальной, состязательной избирательной системы победителями могут оказаться исламисты, причем не обязательно самые умеренные. Недавний пример – успех ХАМАС в 2006 г. на парламентских выборах в Палестине. Сейчас такой поворот вряд возможен, но при ухудшении общей ситуации его вероятность возрастает. В-третьих, возможен вариант, когда трудности и противоречия парламентской системы заведут в тупик, и тогда общество и элиты востребуют нового национального лидера, очередного «отца нации», института более понятного, привычного, с которым легче, удобнее связывать надежды на светлое будущее. В Египте такой человек выдвинется скорее всего из военной среды. И тогда движение истории пойдет по хорошо известному кругу.

Ныне, однако, все вокруг озабочены другим, тем, как будут дальше развиваться события в арабском мире, оправдается ли «теория домино», иными словами, кто будет следующим? Называли и Сирию, и Иорданию, и Йемен, и Марокко, и даже Саудовскую Аравию. Упоминался в этом контексте и Иран... Но пока новые катаклизмы не произошли. Может быть, в каком-то смысле здесь сыграла свою роль начавшаяся гражданская война в Ливии, приведшая уже к гибели 2 тыс. человек? Революционное цунами пошло на спад, а арабские революционеры в прочих странах ограничились манифестациями, требованиями отставки правительства, небольшими потасовками, явно недотягивающими до настоящей революции. Труднее всего пришлось Бахрейну, но там явно ощущалось внешнее влияние со стороны вечно революционного шиитского Ирана. Так что тунисско-египетско-ливийская революционная триада (к великому сожалению некоторых журналистов) в «великую арабскую революцию» не превращается.

Отмечу в этой связи оперативные превентивные действия избежавших революций арабских режимов. В Иордании король Абдалла II отправил в отставку правительство, марокканский монарх Мухаммад VI стал интенсивнее общаться с оппозицией, глава Йемена Али Абдалла Салех поручил армии охранять демонстрантов, султан Омана Каббус Бен Сайд обещал создать сразу 50 тыс.

рабочих мест, а алжирский президент Абдельазиз Бутефлика – провести широкие реформы. Принадлежащий еще к поколению алжирских борцов за независимость Бутефлика, которому всегда был присущ прагматизм, вполне может инициировать процесс мирной передачи власти новому человеку, тем более что ни президент, ни общество не забыли унесшую 150 тыс. жизней гражданскую войну начала 1990-х годов. Излишне преувеличивается воздействие революций, в первую очередь египетской, на ближневосточное урегулирование. Уверен, что оно будет продолжаться теми же темпами и в том же направлении, т.е. двигаться по кругу. Да, в Иордания состоялись манифестации, участники которых требовали от иорданского короля выйти из мирного процесса, но они были организованы палестинцами. А так все в ближневосточной округе будут прежде всего озабочены внутренними делами.

Что же до влияния трех арабских восстаний на бывшие советские республики, прежде всего в Центральной Азии, о чем в последний месяц было очень модно говорить, то пока оно близко к нулю. Безусловно, вынужденная отставка пары арабских лидеров способствовала пробуждению у части населения комплекса неполноценности: дескать, вот они, египтяне, тунисцы, какие смелые и решительные, а мы... Но, с другой стороны, большая часть тамошнего общества остается инертной, не готовой к решительным действиям. Сыграл свою роль и уже упоминавшийся «ливийский фактор», который можно сравнить с демонстрационным эффектом гражданской войны в Таджикистане, на которую постоянно указывали центральноазиатские авторитарные правители, оправдывая свое жесткое, зато гарантирующее стабильность правления. Одновременно можно намекнуть, что сами они, подобно Каддафи, для самозащиты готовы пойти на самые крутые меры (и здесь уместно вспомнить то, как действовал в Андижане Ислам Каримов). Революции будут продвигаться асинхронно и не по цепочке. В каждой отдельной стране они будут созревать самостоятельно, в силу внутренних причин. Внешнее же воздействие всегда остается вторичным. Так что постсоветским авторитаристам следует не кивать на чужие происки, «на скандал за соседним забором», а больше думать о реальных социальных, экономических и политических реформах, которые не только могут обеспечить стабильность (давно обратившуюся в стагнацию), но и, главное, сдвинуть с места ставшую столь модной в лексиконе российского политического бомонда «модернизацию».

P.S. В случае неспособности теперь уже новой власти сравнительно быстро решить острейшие социальные и экономические проблемы она также окажется перед угрозой свержения, замены на еще более новую, пока непредсказуемую, но, очевидно, с более радикальным, уже революционно-религиозным настроем.

*«Брифинг», Московский центр Карнеги,
март 2011, Т. 13, вып. 2.*

Рашида Мрасси,

ПОЛИТОЛОГ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ, ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС ТУРЦИИ

Анализируя региональную стратегию Турции в ее узком понимании, необходимо выделить три уровня, определяющих выбор ею тех или иных внешнеполитических ориентиров. Первый из этих уровней – международный. Главным фактором здесь является опора Турции на свои оборонные связи с США и на коллективную систему безопасности Североатлантического блока. Второй уровень связан с положением Турции в рамках ближневосточной региональной системы, а третий – это ее отношения с Грецией, омрачаемые проблемами Кипра и Эгейского моря.

Достаточно беглого взгляда на карту региона, чтобы составить ясное представление о значимости в нем Турции. Занимая доминирующее положение в Малой Азии и контролируя проливы, Турция является связующим звеном между Балканскими странами и Ближневосточным регионом. Существенное значение имеет и то обстоятельство, что Турция граничит на северо-востоке со странами Кавказа, а также имеет общую границу с Сирией, Ираком и Ираном. Кроме того, на северо-западе Турция располагает европейским анклавом, который граничит с Болгарией и Грецией.

Можно сомневаться в том, в какой степени то или иное государство следует включать в данное географическое сообщество. Вместе с тем здесь необходимо учитывать историю его формирования. Очевидно, что тесное соседство расположенных здесь стран восходит к достаточно давним временам. Такое «чувство соседа» присутствует здесь уже как минимум четыре столетия. И исторический фактор имеет тут немаловажное значение, способствуя

приданию современной Турции доминирующего значения в рамках данной субрегиональной системы.

По определению Дэвида Истона, международная система – это комплекс отношений, взаимодействий и политических ролей, посредством которых происходит процесс властной спецификации ценностей в обществе; они призваны выполнять интегрирующую функцию путем угроз или легитимного / материального принуждения. К этому определению сделаны дополнения и выдвинут целый ряд возражений со стороны неоструктуралистов и неофункционалистов. Однако Мортон Каплан сформулировал идею международной системы следующим образом: «Международная система, какой мы ее видим на протяжении веков, – это комплекс взаимосвязанных правил и моделей поведения, регулирующих отношения между государствами, определяющих проявления и источники их устойчивости или дезорганизации на протяжении того или иного временного периода. Следовательно, идея международной системы заключается в том, чтобы выявить поведенческие нормы и модели, повторяющиеся в деятельности внешней по отношению к локальной системе среды (т.е. международной среды)». Итак, речь идет о проявлениях и источниках устойчивости или дезорганизации межгосударственных отношений, а затем – о выделении общих и частных закономерностей этого феномена.

Это касается текущих взаимодействий между субъектами международных отношений (государствами, сообществами на основе той или иной идентичности, крупными объединениями, транснациональными корпорациями и т.д.) в современном мире. Когда же говорят о новой международной системе, то подразумевают различие между двумя эпохами: старой эпохой «холодной войны» с ее двумя мировыми полюсами и специфическими международными взаимодействиями и механизмами – и новой, наступившей после окончания «холодной войны», второй войны в Персидском заливе и крушения коммунизма, когда на первый план вышел баланс интересов, мирное соперничество, принципы международной законности, прав человека, защиты окружающей среды и т.д. Под новизной здесь имеется в виду наличие ценностей и поведенческих моделей, которых ранее не существовало. Эти ценности и модели перевернули суть международного баланса, существовавшего до 90-х годов, но ни в коем случае не создали устойчивой или справедливой международной системы, которая устроила бы все народы планеты

В этом контексте проявляется и региональная роль Турции. Говоря о Турции, авторы геополитических аналитических исследований обычно сосредоточивают основное внимание на ее стратегической значимости для, по меньшей мере, трех регионов: Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии и Кавказа и Балкан и Черноморского бассейна. Взглянув на карту, мы увидим, что Турция находится не в центре, а на периферии каждого из этих регионов. А ее политическая принадлежность к ним отнюдь не является очевидной.

Политика Анкары преимущественно была направлена на отсоединение от Ближнего и Среднего Востока, а не на привязку к ним. Что касается Балкан и Черноморского бассейна, то здесь нет долгой общей истории; поэтому эти регионы лишены обширного поприща для объединения, несмотря на имеющиеся здесь политические и географические пересечения. Если же взять узлы, связывающие Турцию с Центральной Азией, то окажется, что они либо возникли совсем недавно, либо уходят корнями в туман раннетурецкой истории.

Правда, существуют отношения Турции с государствами Кавказа, однако они скорее определялись функциональными задачами длительной борьбы за влияние между внешними по отношению к этому региону акторами: народы Кавказа в большей мере видели в Москве, Стамбуле и Персидской империи внешние силы, нежели части региональной системы. Наряду с этим, авторы, рассуждающие о Турции как региональной державе, напоминают о том, что Центральная Азия как регион, обладающий общими с Турцией корнями, появилась лишь недавно; если не считать языковой близости, здесь нет никаких элементов, на основании которых можно выстроить тесное партнерство или региональную систему. Исламская религия не может служить прочным политико-культурным связующим звеном. Что касается языковой общности, то на нее тоже вряд ли можно всерьез полагаться. Пожалуй, наиболее ярким подтверждением этому может служить тот факт, что на саммите тюркоязычных государств в 1992 и 1994 гг. представители Центральной Азии, обсуждая те или иные вопросы в деталях, говорили не на тюркских языках, а по-русски.

Нельзя прилагать абстрактные идеи к конкретным региональным ситуациям. Выявление и сопоставление потенциальных источников силы сопровождаются значительными трудностями. Это относится и к таким, казалось бы, очевидным параметрам, как военная и экономическая мощь, и, тем более, к источникам нема-

териальной силы – например, стабильности политической системы, которая считается главным залогом эффективности внешней политики.

Что касается географического фактора, то Турция в ее современных границах унаследовала важную географическую характеристику, присущую Османской империи. Она обладает едва ли не важнейшим среди всех государств мира расположением между четырьмя морями – Средиземным, Мраморным, Черным и Каспийским, на перекрестье морских (Босфор и Дарданеллы), сухопутных (Азия – Европа), воздушных (Европа – Ближний Восток) и нефтяных (Персидский залив – Средиземное море) путей. Турция доминирует в северо-восточном секторе Средиземноморья, что делает ее с ее проливами, расположенными севернее на одной линии с Суэцким каналом и Баб-эль-Мандебским проливом, обладательницей важнейшего стратегического положения.

Ввиду всего этого турецкая внешняя политика обуславливается целым рядом факторов, связанных с географическим соседством и сопутствующими ему проблемами: такими, как распределение водных ресурсов, пограничные проблемы, нефть и газ, а также с экономическими и торговыми связями, расширением военного сотрудничества и сотрудничества в области безопасности. Этим предопределяется специфика Турции в данной сфере: ей приходится проводить разностороннюю внешнюю политику, призванную обеспечить преодоление как международных, так и региональных вызовов. Как отмечает турецкий экономист и политолог Сенджар Дефтиш-оглу, Турция находится в центре политико-географической структуры: христианский союз, протянувшийся от Атлантики до Урала и включающий Россию, Грузию и Армению, а также Израиль на Юге, который христианский Запад считает частью своей цивилизации; новые республики в Центральной Азии; мусульманский пояс, включающий Арабский Машрик, Иран и Пакистан. Благодаря этому Турция, занимающая срединное положение между этими тремя поясами, может играть весьма значительную политическую и экономическую роль.

Вместе с тем очевидно, что турецкая внешняя политика претерпит определенные изменения, выйдя за рамки знаменитого лозунга Ататюрка: «Мир на Родине – мир во всем мире». Такой изоляционистский курс, проводившийся Турцией в течение десятилетий, поставил ее в положение «периферийного», «теневого» государства, не позволив ей отойти от предназначенной ей функции – служить «погранзаставой» НАТО в регионе. Открывающие

ся перед Турцией новые перспективы позволили ей начать новую политику, нацеленную на достижение открытости и преодоление роли «карлика» в регионе. В свое время об этом публично заявил Тургут Озал, сказав: «Турция как нельзя лучше готова к великой роли, которая ожидает ее на Ближнем Востоке, на Черном море, на Балканах и в Центральной Азии».

Что касается стратегического фактора, то его исследование предполагает анализ реалий и функций, приписываемых Турции как новой региональной азиатской республике и державе, долженствующей поддерживать стабильность и порядок в интересах Запада, а также в качестве политического и экономического образца для центральноазиатских республик и «умеренных» мусульманских государств. Кроме того, она призвана служить мостом между Европой и Ближним и Средним Востоком, между Европой и Центральной Азией и между Европой и миром ислама.

Имидж Турции в контексте диалога о политико-стратегических переменах в международной жизни после распада Советского Союза существенно изменился. Рассуждая о Турции, чаще всего говорят о ее новой роли как региональной державы, способной выполнять некую стабилизирующую функцию или стать моделью развития для других. В то же время продолжают разговоры о «мосте», хотя и в несколько новом свете: если раньше он соединял Европу с Ближним и Средним Востоком, то теперь стал соединять Европу с Центральной Азией или с мусульманским миром. Тем не менее все эти представления и рассуждения служат главной цели: они указывают на меняющуюся, растущую геополитическую значимость Турции как гаранта западных интересов.

Новый подход Запада к стратегическому значению Турции в начале 90-х годов совпал с собственным представлением Турции о самой себе. Это представление, подспудно вынашиваемое турецкой элитой, основывалось на убеждении в том, что Турция является наследницей мировой имперской державы, подобной Великобритании или Франции, и следовательно, должна играть особую роль в международной политике.

Бывший президент Турции Тургут Озал в контексте второй войны в Заливе приложил немало усилий, чтобы убедить западных союзников, в особенности руководство США, в том, что значимость его страны возрастает. В этом смысле можно говорить о взаимном влиянии применительно к новой оценке Турции по окончании «холодной войны». Политическая элита и государственное руководство в Анкаре восприняли новую оценку Западом

Турции без сколько-нибудь существенных коррективов и уделили ей повышенное внимание в своем публичном дискурсе. Апогеем такого дискурса стало выступление Озала на саммите тюркоязычных государств, состоявшемся в Анкаре в конце октября 1992 г. «Предстоящее столетие, – заявил Озал, – может войти в историю как “тюркский век”». Однако, несмотря на различие оценок нынешней роли и функции Турции как региональной державы, существует много неясностей в том, что касается точного значения используемых при этом понятий.

Для американской стратегии Турция по-прежнему имеет большое военно-политическое значение. С окончанием «холодной войны» стерлось стратегическое различие между центром Европы и ее периферийным окружением. Если раньше линия противостояния проходила между двумя Германиями, то сейчас она вытянулась вдоль так называемой «кризисной дуги». Эта «дуга», в свою очередь, подразделяется на два отрезка: восточный (нестабильный регион между Турцией и Кавказом) и южный (от Северной Африки и Средиземноморья до Ближнего Востока и Юго-Западной Азии), где также существует нестабильность, но уже по причине гегемонистской политики Запада, израильской оккупации арабских земель, западного экономического и культурного давления и волны антиарабских и в целом антиисламских настроений. На обеих этих «дугах» ощущается потребность в срединном расположении Турции по отношению к районам, в которых Соединенным Штатам видится необходимость сохранять ситуацию, отвечающую их интересам. Так, 25 марта 1991 г. глава оборонного ведомства США Дик Чейни заявил, что в результате кризиса в Заливе отношения между Турцией и США стали более прочными и развитыми, чем прежде, и отметил, что две страны связаны общими ценностями. А Генри Киссинджер написал в одной из своих статей: «Турция – главная сила в нашей стратегии в Заливе. Она была основной опорой нашей политики в Средиземноморье, однако после десятилетий давления, оказывавшегося американцами и европейцами на ее кипрскую и курдскую политику, она почувствовала себя отверженной. Между тем невозможно отстоять наши интересы в Заливе без эффективной помощи со стороны Турции. Без нее в следующем столетии нельзя будет сохранить международную поддержку антииракских санкций. К счастью, для конструктивного взаимодействия с Турцией нет препятствий. Сейчас самое время обращаться с Турцией соответственно ее стратегической значимости. Существует насущная потребность в том, чтобы

подтвердить это, прежде чем вероятное наступление фундаментализма в Турции ликвидирует такую возможность».

Турция играет роль моста из Европы в Центральную Азию и на Ближний и Средний Восток, однако эта роль находится пока в стадии становления. Внутритурецкие политические дискуссии, а также поведение Турции в западных международных организациях в течение последних десятилетий свидетельствуют о том, что Турция не считает себя безвольным инструментом в руках Запада и не намерена разрешать использовать себя в таком качестве. Под идеей «моста» в Турции скорее понимается исполнение политической функции – функции посредника в самом широком значении этого слова. Здесь считают, что Турция имеет особые политические, культурные и экономические связи с близлежащими регионами, и участие в этих связях отвечает также и интересам ее западных партнеров.

В целом можно сказать следующее: то, что говорят и пишут о Турции как о «мосте», представляется не более чем словесным оборотом; что же касается Турции как региональной державы и общественно-политической модели, то такая трактовка является реалистичной и адекватной. С наибольшей наглядностью это проявилось после падения шаха в Иране в 1979 г. Тогда Турция стала превращаться в наиболее подходящего кандидата на ту роль, которую исполнял шахский режим в регионе, поскольку обладала всеми необходимыми для этого атрибутами и качествами. Так, не будучи арабской страной, Турция не является участницей арабо-израильского конфликта. Далее, Турция – мусульманская страна, но турецкий ислам приемлем для консервативных арабских режимов. В связи с этим Эврен замечает: «Политика открытости по отношению к мусульманским государствам отвечает интересам стран региона и государств НАТО»; «Турция должна быть мостом между странами Запада и мусульманскими государствами».

Очевидна и стратегическая значимость Турции для Ближнего Востока и зоны Персидского залива. Если проанализировать те соображения, которыми руководствуется турецкая внешняя политика по отношению к Персидскому заливу, то обнаружится следующее:

1) Турция не может отказаться от политической и военной привязки к Западу, которая наложила определенный отпечаток на ее идейную и методологическую ориентацию (вестернизация, секуляризация, капитализм и т.д.), отвечающую ее представлениям о национальной безопасности;

2) в этом контексте Турция заинтересована в европейских экономических структурах (Европейский таможенный союз, Общий рынок); ей желательно, чтобы экономические соображения служили дополнением к соображениям военно-политическим;

3) Турция стремится к тому, чтобы быть частью нового мирового порядка, особенно в том, что касается «Ближневосточного общего рынка», или участвовать в конструкциях, наметившихся после второго кризиса в Заливе и событий на Балканах;

4) Турцию живо интересуют перемены, происходящие на ее западных границах, т.е. в государствах Восточной Европы, некоторые из которых перешли из Варшавского договора в блок НАТО;

5) Турция стремится обеспечить благосклонное отношение западных держав к ее связям с государствами Персидского залива, имеющим большое значение для ее региональной и международной политики.

После второго кризиса в Заливе Турция получила приобретение стратегического характера: некоторые страны Залива вложили крупные суммы в Фонд турецкой военной промышленности, капитал которого составляет около 3,5 млрд. долл.: так, Саудовская Аравия и Кувейт вложили в него 2 млрд. долл., а ОАЭ – полмиллиарда. Турция взяла на себя активную роль в поддержании стратегии США, согласившись на создание на своей территории дополнительных военных баз и элементов военной инфраструктуры для облегчения действий американских войск в регионе; это было сделано в надежде на то, что Турция будет вовлечена в новые политические схемы и структуры безопасности.

Внешняя политика Турции во многом предопределяется ее геостратегическим положением. Находясь на стыке Европы и Азии, на перекрестке морских, сухопутных и воздушных коммуникаций между Европой и арабским миром, она является одновременно европейской, средиземноморской и ближневосточной страной. Особое значение такое геостратегическое положение приобрело после присоединения Турции в 1952 г. к Североатлантическому альянсу. Ей были предоставлены крупные преференции в выстраивании системы противовоздушной обороны, а против всех соседних с ней государств велась активная военно-разведывательная работа, призванная оградить западные интересы в Восточном Средиземноморье и в зоне Персидского залива.

В дальнейшем геостратегическая ценность Турции изменилась в связи с распадом Советского Союза и Варшавского догово-

ра и возникновением так называемого «нового мирового порядка». Эти события в значительной мере способствовали активизации деятельности Турции в южном направлении, особенно в отношении стран Персидского залива. При этом обе стороны (Турция и страны Залива) проявляли интерес к новым республикам, население которых имеет тюркские корни, связанным с Турцией, помимо религиозных, историческими и культурными узами.

То же самое можно сказать о геополитическом факторе. Соседство Турции с такими важными регионами, как Кавказ и Ближний Восток, а также с беспокойными Балканами, придает ей особую значимость. Вопреки представлениям о том, что после окончания «холодной войны» напряженность в этих районах спадет, а значит, снизится и геополитическое значение Турции, этого не произошло. Трансформации, происшедшие за последнее десятилетие, и события 11 сентября 2001 г. доказали, что Ближний Восток по-прежнему является важным регионом в западных политических и экономических сценариях. С другой стороны, рост напряженности в отношениях США с Ираном и Сирией (двумя другими соседями Турции) после американской оккупации Ирака вновь может поставить Турцию перед непростым выбором. Западу видятся три аспекта значимости Турции: как образца для государств Кавказа, Центральной Азии и Балкан; как страны, от которой в известной мере зависит активизация или спад фундаменталистских движений на Ближнем Востоке; как государства, обладающего определенным социально-экономическим опытом, конкретно – опытом влияния частного сектора на стабильность и политические реформы. Запад (европейский и американский) усматривает в Турции важный фактор достижения своих целей – таких как обеспечение безопасной транспортировки энергоресурсов с Кавказа, Ближнего Востока и из Центральной Азии на мировые рынки, противодействие распространению оружия массового поражения, особенно на Ближнем Востоке, поддержание безопасности в Черноморском бассейне.

Как показывает существующая ныне реальность, соседствующие с Турцией регионы не утратят своей значимости для миропорядка в обозримом будущем. Это придает Турции дополнительную важность, в том числе с точки зрения выполнения Барселонского соглашения, которое трудно будет в полной мере реализовать на практике без турецкого участия. Все эти факторы во многом предопределили турецкую внешнюю политику. Однако, подобно всякой политике, она зависела от конкретного политиче-

ского этапа. Так, после Первой мировой войны, когда сложилась ситуация, зафиксированная в Лозаннском договоре 1923 г., Турция стремилась по возможности сохранить свое положение или свою прежнюю роль – в частности, действовать совместно с державами Антанты, добываясь новых соглашений по проливам (достигнутых в 1936 г. на конференции в Монтрё). После Второй мировой войны Анкара изменила свои ориентиры, перейдя от нейтралитета к попытке получить определенные преимущества. Это был противоречивый процесс с точки зрения его влияния на турецкую внешнюю политику, особенно в том, что касается превращения Турции в сателлита Запада. Альянс Турции с Западом во главе с США стал приносить ей ощутимую экономическую и военную помощь в обмен на безусловное следование в фарватере американской политики – в отличие от прежнего нейтралитета. Благодаря этому в 1939 г. Турция стала членом Совета Европы, в 1950 г. приняла участие в Корейской войне и, наконец, стала полноправным членом НАТО в 1952 г.

Эта перемена превратила Турцию в «периферийное государство». Она очутилась на периферии Европы, не имея возможности участвовать в европейских делах. В то же самое время она оказалась периферийной по отношению к государствам Ближнего Востока, так как не имеет возможности вмешиваться в ближневосточные дела. А поскольку СССР был закрыт для Турции, постольку она оказалась и на периферии Кавказа и Балкан.

Однако после окончания «холодной войны» Турция неожиданно переместилась на очень важную позицию, быстро перейдя с периферии в центр. Это предопределило ускоренный пересмотр ее внешней политики в направлении более независимой и активной роли в регионе. Ростки этого нового видения Турцией своей региональной роли просматриваются в ее политике по отношению к Ирану и Ираку: заметно, что она существенно отличается от американских концептуальных подходов и практической политики. Это означает, что та роль, которую Анкара играла в эпоху «холодной войны», претерпевает значительные изменения: от узкого политического курса, базирующегося на оборонительных принципах, она переходит к открытости и многовекторности.

«Вестник РУДН. Сер. Международные отношения», М., 2010 г., № 2, с. 66–73.

Е. Дунаева,
ВОСТОКОВЕД
**ТЕКУЩАЯ РАССТАНОВКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В ИРАНЕ**

Политический процесс в ИРИ определяется противостоянием двух идеологических течений – консервативного (фундаменталистского) и реформаторского – при том, что в последние годы внутри каждого из этих течений наблюдаются процессы внутреннего размежевания, расколы и даже переход отдельных фракций из одного лагеря в другой.

Политическое соперничество левых и правых проявилось уже в первые дни исламской республики и не прекращалось ни в период войны, ни в 90-е годы, а присутствие представителей этих двух течений во главе государственных структур уравнивало противостояние сил. С середины 2005 г. после прихода к власти президента М. Ахмадинежада впервые в истории ИРИ все рычаги власти и управления страной оказались в руках представителей одного направления – консервативного. Сторонников Ахмадинежада, пришедших к власти под эгидой нового политического объединения «Абадгаран-е энглаб-е эслами» (Благоустроители исламской революции) стали называть неоконсерваторами. Они по своим взглядам представляют наиболее радикальное направление в лагере консерваторов.

Однако сами представители этого течения по отношению к себе не воспринимают термин «консерваторы» или «фундаменталисты» и, полностью отказавшись от использования персидского термина «мохафезекаран», которым ранее иранские политологи обозначали «правых», ввели термин «осульгарайан», который переводят только как «принципиалисты», подразумевая верность принципам исламской революции, а также правительству и президенту. Некоторые аналитики склонны выделять неоконсерваторов в отдельное политическое течение. Так, например, профессор А. Эхтшеми полагает, что сегодня на внутривнутриполитической арене ИРИ можно говорить уже о трех лагерях. В то же время он сам пишет, что неоконсерваторы «представляют собой новую ветвь консерватизма, для которой характерен экономический и политический популизм». Другие аналитики рассматривают неоконсерваторов как течение внутри консервативного лагеря. Поскольку события последних четырех лет показали, что основная масса

консервативных групп и прежде всего традиционалисты – базовое течение этого лагеря, которых называют еще и первым поколением консерваторов, – в большинстве случаев выступают с неоконсерваторами единым фронтом, вторая точка зрения представляется более соответствующей действительности.

В настоящее время консервативный фланг представлен тремя направлениями.

1. Первое – неоконсерваторы, или последователи линии президента (Райехе-йе хош хедмат или Хамийан-е доулат) – исламское радикальное течение. Его социальную опору составляют в основном новые средние слои города (мигранты из сельских районов), которые ничего не получили от прежних правительств, поскольку еще не успели закрепиться в городах и занять там определенное положение. Консерваторы-радикалы опираются также на определенные круги духовенства, имеют своих представителей во всех органах государственной власти, контролируемых духовенством. Их духовный лидер – аятолла Месбах Йазди. Они тесно связаны с аппаратом государственной безопасности, Корпусом стражей исламской революции (КСИР) и радикальными религиозными организациями. На все внутренние и внешние проблемы исламские радикалы смотрят через призму национальной безопасности и в своей политике руководствуются идеями исламской революции, которые готовы экспортировать. Идея утверждения регионального лидерства, гармонично увязываемая с характерной для иранцев убежденностью в своей культурно-цивилизационной исключительности, стала стержнем внешнеполитической линии правительства неоконсерваторов.

2. Центр консервативного лагеря представлен течением традиционалистов (соннатгаран) или умеренных, к которому примыкает 85% групп и партий консервативной ориентации. Основная организация этого спектра – «Фронт последователей линии имама и духовного лидера» (Джабхе-йе пейраван-е хат-е эмам ва рахбари) во главе с Х. Асгарулади, объединяющий 15 партий и групп. Наиболее известная партия этого объединения – Партия исламской коалиции (Моталефе). Опорой этого течения является одна из наиболее авторитетных организаций духовенства «Общество борющегося духовенства» (Джамеэ-йе руханийат-е мобарез), представители которой имели большинство в меджлисах 4-го и 5-го созыва. Ее генеральным секретарем в декабре 2007 г. был вновь переизбран аятолла Мохаммад-Реза Махдави Кяни. Членами общества являются такие известные политические деятели страны, как

А.А. Хашеми Рафсанджани, Х. Роухани, М. Эммами-Кашани, М. Язди, А.А. Натег-Нури.

Традиционалистов поддерживают большинство духовенства, базар, значительная часть традиционной политической элиты страны. В экономической области они разделяют принципы смешанной экономики (государственное регулирование при функционировании рыночных элементов). В сфере международных отношений придерживаются прагматической позиции и выступают за широкое развитие связей со всеми государствами. Лагерь традиционалистов, на первых выборах поддержавший Ахмадинежада, по прошествии нескольких месяцев его президентства стал выражать недовольство его действиями, прежде всего отстранением почти всех представителей этого течения с руководящих постов в органах исполнительной власти.

Политика президента страны, опирающегося исключительно на поддержку исламских радикалов, и их явное стремление захватить в свои руки руководство всеми консервативными силами вызывают противодействие традиционных авторитетов этого движения. Однако, хотя традиционалисты и критикуют политику Ахмадинежада и порой резко противостоят принимаемым им решениям, тем не менее, соблюдая верность духовному лидеру А. Хаменеи, оказывают поддержку президенту. Их взаимоотношения можно охарактеризовать как «критическое взаимодействие» (таамол-е ентегади). Позиция традиционалистов очень четко проявилась в период последней выборной кампании. В ходе подготовки президентских выборов произошла определенная консолидация консерваторов-традиционалистов и радикалов вокруг фигуры Ахмадинежада, связанная с опасениями поделиться властными полномочиями с реформаторами, что и обеспечило им возможность победы на выборах. Тем не менее некоторые формирования и группы выступили против его кандидатуры и либо поддержали М.Х. Мусави, создав «Фронт фундаменталистов в поддержку Мусави», либо вообще отказались от официальных заявлений в поддержку кого-либо из кандидатов. Так, не пришло ни к какому решению относительно поддержки кандидатов Общество борющегося духовенства. Отказалась поддержать кого-либо из кандидатов и коалиция «Хизбалла». В настоящее время консерваторы-традиционалисты контролируют две другие ветви власти – меджлис и судебные органы. А. Лариджани – спикер меджлиса, родственными узами связанный с высшим духовенством Кума, постоянно и порой резко критикует линию Ахмадинежада.

С. Лариджани (брат А. Лариджани) – также представитель традиционалистов-консерваторов, с осени 2009 г. возглавляет судебную власть страны. Поскольку он был назначен на эту должность самым лидером, такой шаг можно расценить как попытку сохранения баланса сил на консервативном фланге.

3. Третьим направлением в консервативном лагере можно считать консерваторов – сторонников реформ (осульгарайан-е таргахих или осульгарайан-е эслахталаб), которых в настоящее время представляют партия «Последователи исламской революции» (Исаргаран-е энгелаб-е эслами), объединение «Развитие и справедливость» (Эдалат ва тоусе) и др. Среди адептов этого течения такие известные фигуры консервативного лагеря, как М. Резаи – бывший командующий КСИР, а в настоящее время секретарь Совета по целесообразности, мэр Тегерана М.Б. Галибаф, А. Таваколли – руководитель исследовательского центра меджлиса, известные политические деятели О. Афруг и М. Хошчехре. Основные программные цели консерваторов-прогрессистов – упрочение исламского режима и принципа «велейат-е факих», совершенствование иранской экономической модели в рамках плана 20-летнего развития экономики ИРИ, укрепление исламских принципов в культурной и общественной жизни общества.

Они – приверженцы развития конструктивных взаимовыгодных отношений со всеми странами, в первую очередь с государствами Запада. Это та часть консерваторов, которые с первых дней прихода к власти Ахмадинежада выразили недовольство его заявлениями и действиями, считая их излишне радикальными и не отвечающими интересам развития страны. За прошедшие четыре года президентства критика в его адрес значительно усилилась. В ходе последних парламентских выборов они выступали отдельным списком, сформировали в меджлисе 8-го созыва отдельную фракцию и на президентских выборах не оказали поддержки Ахмадинежаду. Поскольку представителям этого течения из-за организационной слабости и идеологической неформальности накануне выборов не удалось сформировать предвыборного объединения и выдвинуть своего кандидата, М. Резаи позиционировал себя на выборах как независимый кандидат, однако по сути выражал взгляды этого политического течения. В настоящее время его сторонники прилагают усилия к поиску путей ограничения влияния Ахмадинежада и ищут пути примирения с умеренно настроенными реформаторами.

Процессы размежевания на консервативном фланге происходили и ранее, и для него было характерно внутреннее деление на правых и левых. Однако переход всей власти в руки консерваторов вопреки логике привел к перегруппировке сил и отделению наиболее прагматично настроенных групп. Часть левого фланга, которая была представлена партией «Созидатели» (Каргозаран), и их духовный лидер Хашеми Рафсанджани примкнули к коалиции реформаторских сил и в настоящее время считают себя ее составной частью. Эти процессы свидетельствуют о кризисе, переживаемом консервативным флангом в целом. Представляется, что после событий лета-осени 2010 г. указанные выше тенденции будут нарастать.

Говорить об организационном формировании реформаторского лагеря и появлении на политической арене страны реформаторского движения можно со второй половины 90-х годов XX в. В 1997 г. 18 политических партий и групп объединились на платформе исламской демократии, образовали единый Фронт 2-го хордада и привели к власти президента М. Хатами. Это предвыборное объединение и положило начало движению, которое в Иране стали называть реформаторским, поскольку его участники заявили о необходимости проведения реформ, направленных на демократизацию и создание гражданского общества. В лагере реформаторов еще в дни его формирования можно было выделить несколько течений. Центральные позиции занимал фронт «Партнерство» (Мошаракат). Эта организация отражает взгляды светской интеллигенции. Левый спектр в лагере реформаторов представляла организация Сазман-е моджахеддин-е энгелаб-е эслами. Традиционалисты, или умеренные, были представлены религиозно-политической группировкой «Ассамблея борющегося духовенства» и Ассоциацией сил линии имама.

За годы пребывания реформаторов у власти (1997–2005) внутри лагеря произошла перегруппировка сил, появились новые организации, прежние несколько изменили свои позиции. В 2005 г., после президентских выборов, бывший руководитель «Ассамблеи борющегося духовенства» М. Кярруби создал новую партию «Народное доверие», в которую вошли сторонники умеренных, постепенных реформ. Сам Кярруби подчеркивает наличие значительных идеологических разногласий с лидером реформаторского лагеря – Хатами, которые связаны как с определением самого понятия реформаторства, так и с тактикой действий. Членов этой группировки и примыкающего к ней Исламского фронта

умеренных (Джабхе-йе этедал-е эслами) можно причислить к новым реформаторам, которых в своей прессе называют даже «консервативно настроенными реформаторами».

Начиная с 2005 г. противоречия внутри реформаторского лагеря продолжали углубляться. Накануне парламентских выборов 2008 г. к этому лагерю примкнула группировка прагматиков консервативного толка «Каргозаран», за которой стоял Хашеми Рафсанджани. Были сделаны попытки объединения прореформаторских сил, результатом чего стало появление треугольника Хатами – Кяруubi – Рафсанджани, за каждым из которых стояли свои партии и группы. Однако в самый канун выборов стало ясно, что им не удастся создать единую коалицию, поскольку лагерь раздирают сильные противоречия, связанные как с программными установками, так и с амбициями руководителей партий.

В целом реформаторский лагерь выступает за упрочение основ республиканского строя в стране при сохранении в нем религиозного элемента, за дальнейшее развитие демократии и политических либеральных реформ. Реформаторы опираются на представителей средних городских слоев, студенчество. В экономической сфере эти силы поддерживают курс на более активное развитие частного сектора, расширение процесса приватизации, выступают за создание правительства из профессионалов-управленцев, за развитие широких международных связей, в первую очередь с государствами Запада.

В преддверии президентских выборов реформаторский лагерь также оказался разобщенным. Свидетельством серьезных противоречий стали невозможность договориться относительно единого кандидата, который мог бы стать альтернативой М. Ахмадинежаду, и приглашение к участию в выборной кампании бывшего премьер-министра ИРИ Мир Хосейна Мусави, прошедшего последние 20 лет вне активной политической жизни страны. Учитывая, что в Иране еще не сложилась система партий в современном ее понимании и отсутствует опыт многолетней партийной борьбы, общество выбирает в основном не программы и лозунги, выдвигаемые партиями, а лиц, которые их представляют. Именно на авторитет, популярность, способности и возможности своего кандидата и делают ставку большинство организаций. Реформаторы рассчитывали, что Мусави, с именем которого связывали выживание Ирана в годы ирано-иракской войны, сумеет привлечь голоса избирателей.

Накануне выборов страна переживала сильнейший политический подъем, отражением которого стала 85%-ная явка электората на голосование. В ходе предвыборной кампании усилилось противостояние двух политических флангов. Предвыборная борьба настолько накалилась, что обоснованная критика позиций оппонента порой перерастала в тривиальное сведение личных счетов давних лет. Это особенно четко проявилось в ходе теледебатов, на которых Ахмадинежад выдвинул обвинения в коррупции против семей таких религиозных авторитетов, как А.А. Хашеми Рафсанджани и А.А. Натег Нури, открыто выступавших против его кандидатуры. Все понимали, что ответ на многочисленные вопросы, поднятые на этих дебатах, дадут выборы.

Согласно официальным данным, Ахмадинежад, набравший более 60% голосов, сохранил за собой пост президента еще на четыре года. После президентских выборов разразился глубокий политический кризис. Оппозиция не признала итоги выборов, обвинив власти в подлогах и подтасовке результатов, хотя никаких документальных доказательств, подтверждающих обоснованность своих обвинений, предъявить не смогла. В Тегеране и других городах сторонники Мусави провели демонстрации и протестные акции, которые были жестко подавлены членами движения «Басидж» и силами правопорядка.

Новым моментом внутривнутриполитического развития стало появление отдельных промонархистски настроенных групп молодежи, активно участвовавших в акциях протеста. Начались массовые аресты в лагере реформаторов, помещения левых партий были опечатаны, их газеты и сайты закрыты. Власти организовали показательные судебные процессы, в ходе которых обвиняемые в совершении преступлений против режима давали признательные показания о том, что их деятельность направлялась и финансировалась из-за рубежа. На страницах государственных СМИ и интернет-сайтах развернулась травля лидеров реформаторского движения и ближайшего окружения бывшего президента М. Хатами. Их открыто обвиняли в отходе от линии исламской революции, подготовке бархатной революции и попытке смены режима. Раздавались требования ареста М. Кяруби, М.Х. Мусави, а также самого М. Хатами и запрета основных организаций – «Сазман-е моджахеддин», «Партнерство». Налицо процесс выдавливания реформаторов с политической арены страны.

Усилились процессы размежевания в лагере консерваторов. Накануне выборов сторонники президента предпринимали попыт-

ки встать во главе всего лагеря консерваторов и установить контроль над всеми политическими группами, отодвинув в сторону традиционалистов. Дважды – в мае и в октябре 2009 г. они пытались сместить А. Лариджани с поста спикера меджлиса и руководителя объединенной фракции фундаменталистов в парламенте. Традиционно личность руководителя этого органа определяла и место парламента в политической жизни страны. Лариджани пришел в парламент в 2008 г. с тем, чтобы превратить его из органа власти, подконтрольного правительству, каким был предыдущий меджлис, в законотворческий орган, контролирующей исполнительную власть. Несмотря на жесткую критику политики Ахмадинежада со стороны спикера и парламентариев, поддержка действий президента не позволяет руководству меджлиса взять под контроль деятельность правительства. Пока попытки сторонников Ахмадинежада переизбрать Лариджани, с тем чтобы утвердить свое господство над парламентом, не удались, но, очевидно, что их действия в этом направлении будут продолжены.

Часть консерваторов-традиционалистов, шокированная и напуганная напором сторонников президента после выборов, идет по пути поиска путей примирения с умеренными реформаторами.

Реформаторское движение переживает очень сложный момент. Активная антиреформаторская пропаганда, а также действия радикальных группировок этого лагеря, выдвигавших в ходе протестных акций лозунг ликвидации принципа «веляят-е факих», привели к формированию настроений неприятия отдельных группировок реформаторов народными массами, что проявилось в ходе массовых демонстраций в поддержку лидера и президента в декабре 2009 г. и в феврале 2010 г.

Очевиден кризис реформаторского движения. В настоящее время у него нет настоящих лидеров, нет реальной поддержки во властных структурах, его деятельность взята полностью под контроль спецслужбами. По оценкам некоторых политологов, действия властей, связанные с организацией судебных процессов против реформаторов, закрытием их изданий, травлей лидеров, могут расцениваться как стремление выдавить реформаторов с политической арены. Эта идея впервые была выдвинута руководителями консерваторов сразу после президентских выборов 1997 г. Отстранение реформаторов от власти в 2005 г. стало первым этапом реализации этого плана. В период парламентских и президентских выборов проправительственные СМИ пытались скомпрометировать реформаторов, обвиняя их в предательстве национальных ин-

тересов, преклонении перед Западом, в коррупции и пр. Особенно активно этот сценарий стал претворяться в жизнь после июньских событий 2009 г., когда лидеров реформаторского лагеря обвинили в попытках организовать мятеж против режима. Стали раздаваться требования ликвидации пяти основных партий реформаторов. При этом для видимости сохранения демократических традиций многопартийности предполагается отвести роль оппозиции тем фракциям консервативного лагеря, которые заявляют о возможности проведения отдельных реформ.

В этом контексте надо оценивать и кампанию против А.А. Хашеми Рафсанджани, активно поддерживающего Мусави на президентских выборах, которого в ходе предвыборной кампании называли подлинным лидером реформаторов. С целью отстранения от власти этого видного политического деятеля, руководителя Совета экспертов (СЭ) и Совета по определению целесообразности (СОЦР) в Тегеране и Куме были организованы демонстрации, участники которых обвиняли Хашеми Рафсанджани в злоупотреблении властью. Одновременно среди членов Совета экспертов собирались подписи за переизбрание Хашеми. Он сам сразу после выборов удался с политической арены, даже отказался от проведения пятничных намазов в Тегеране. Хашеми, обладающему большим опытом политического маневрирования и ведения «закулисной дипломатии», занявшему конформистскую позицию, удалось на осенней сессии СЭ 2009 г. противостоять своим основным оппонентам Мохамадун Йезди, Ахмаду Джанати, Месбаху Йезди и сохранить за собой место руководителя этого органа. Странники президента, видя в нем основного оппонента Ахмадинежаду, в феврале 2010 г. вновь предприняли попытку опорочить Хашеми в глазах общественного мнения, развернув в СМИ активную пропаганду против него и членов его семьи, поддерживающих «зеленое» движение. Однако зимняя сессия СЭ 2010 г. вновь подтвердила полномочия Хашеми. Ему удастся сохранять за собой и руководство СОЦР, что может свидетельствовать о том, что духовный лидер продолжает оказывать ему свою поддержку.

Такое положение Хашеми сохраняет для него возможность оказывать влияние на дальнейшее развитие политической ситуации. В настоящее время в СОЦРе под его руководством и при активном содействии М. Резаи и Х. Рухани разрабатывается проект нового положения о выборах, суть которого сводится к созданию «народной комиссии по выборам», которая будет утверждать кандидатуры желающих принять участие в выборах, контролировать

процесс голосования и рассматривать апелляции. Хотя, по мнению главного редактора консервативной газеты «Кейхан», такие проекты противоречат Конституции страны, определившей, что контроль за выборами осуществляет Наблюдательный совет. Авторы проекта, уверенные в том, что неправильное толкование статей Конституции позволяет Наблюдательному совету активно вмешиваться в предвыборные кампании, отклоняя кандидатов, неугодных ему по политическим взглядам, и тем самым влиять на результаты выборов, полны решимости довести этот документ до рахбара, так как его согласие придаст проекту законную силу.

Проигравший выборы Мусави, опираясь на сохраняющийся протестный потенциал общества, при активной помощи иранской диаспоры за рубежом предпринимает попытки создать объединенный фронт – движение «зеленых». Пока оно не получило идеологического и четкого организационного оформления и может рассматриваться лишь как общественное движение против Ахмадинежада. Однако, говоря о его аморфности, следует обратить внимание на то, что опорой «зеленых» выступают студенчество и научная и культурная интеллигенция – т.е. интеллектуальный потенциал страны. Действия этих социальных групп могут оказаться успешными только в том случае, если будут соответствовать интересам и других более широких социальных слоев общества, что вполне возможно при определенных изменениях внутриполитической обстановки (подобно тому, как 13 лет назад оказалась успешной их деятельность по формированию «Фронта 2-го хордада»).

На сегодняшний день это движение не пользуется поддержкой среди политической элиты страны и не имеет настоящих лидеров. Наиболее значимая фигура лагеря реформаторов – М. Хатами, осознающий необходимость сохранения реформаторского лагеря, призывает пересмотреть стратегию, отказаться от опоры на эмиграцию и, «сняв наиболее радикальные лозунги, перейти на более умеренные позиции, что даст возможность вновь активизировать свою политическую деятельность, которая не будет рассматриваться как противостояние режиму». Руководители реформаторов настаивают на необходимости проведения перегруппировки сил, размежевания с крайне радикальными элементами и постоянно подчеркивают свою верность идеалам исламской революции, принципу веляйте факих и Конституции. Они осознают, что для продолжения своей политической жизни им необходимо

укреплять связи с народом, а в нынешних условиях ограничения их политической деятельности это возможно лишь через общественные организации и культурную сферу.

Несомненно, лето 2009 г. оказалось одним из самых сложных периодов 30-летней истории исламского режима. Политические и религиозные деятели страны признали, что ранее ИРИ не приходилось сталкиваться с подобным противостоянием политических сил. Сегодня можно говорить о том, что пик политической напряженности пройден. Правительству Ахмадинежада удалось взять под контроль оппозиционный лагерь, и, по-видимому, будут продолжены усилия по его подавлению. Власти поддерживают внутреннюю стабильность путем введения полицейского контроля, укрепления административного аппарата представителями КСИР, активизацией движения Басидж и ограничением деятельности оппозиционных партийных группировок. Народ, напуганный кровопролитием и уставший от жестокости и репрессий, выступит за спокойствие. Однако правительство получило лишь тактический выигрыш. Протестный потенциал общества не исчерпан, и уже в обозримой перспективе можно ожидать дальнейших выступлений.

«Ближний Восток и современность»,
М., 2010 г., вып. 4, с. 27–37.

Р. Мухаметзянова-Дуггал, З. Хабибуллина,
востоковеды (ИЭИ РАН, г. Уфа)

ИНДИЯ И РОССИЯ:

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ХАДЖА

Условия удовлетворения религиозных потребностей мусульман в разные периоды российской истории имели определенную специфику. В царской России религиозные учреждения находились в зависимости от государства, их деятельность регулировали Министерство внутренних дел и местные государственные органы. Совершение хаджа, сопряженное со многими сложностями, было редким, притом крайне дорогостоящим, мероприятием. Длительность хаджа составляла от полугода до нескольких лет, совершался он небольшим количеством людей, преимущественно духовными лицами, поэтому не было особой нужды в его организации со стороны государства. Порой паломникам приходилось отказываться от путешествия из-за закрытия

российских границ при возникновении эпидемий чумы в восточных странах.

В советский период количество паломников строго регламентировалось (не более 20–30 человек со всей страны), кандидатуры проходили строжайший отбор и проверку в Совете по делам религий при Совмине СССР и органах безопасности. Как правило, это были номенклатурные деятели культуры, секретари ЦК КП среднеазиатских республик, лояльные представители духовной элиты, мусульмане из числа ветеранов войны и труда. В период перестройки и особенно после распада Советского Союза число желающих отправиться в хадж возросло. Такая возможность у российских мусульман появилась в конце 80-х – начале 90-х годов. Первая многочисленная группа паломников из СССР (около 1,5 тыс. человек) прибыла в Мекку в 1990 г. Поскольку в России религиозные объединения отделены от государства, вопросы паломничества как религиозного обряда отнесены к компетенции религиозных организаций. Государство не может устанавливать твердые правила и ограничения на хадж. В результате основная работа по установлению контактов с Саудовской Аравией (СА) для отправки паломников легла на плечи духовных управлений мусульман (ДУМ).

В 2002 г. был образован координационный орган духовных управлений мусульман – Совет по хаджу при Правительстве РФ (СХРФ). В настоящее время статус Совета – незарегистрированное общественное объединение. Он включает в себя представителей крупнейших ДУМ России, где все решения принимаются большинством голосов. Предполагалось, что представители российских ДУМ регистрируют Совет по хаджу как самостоятельное юридическое лицо и создадут при нем фонд по содействию хаджу, однако все остановилось на уровне принятия решения о создании рабочей группы по регистрации организации. К тому же существует большая сложность определения количества представителей той или иной конфессии в РФ. В российских переписях населения религиозная принадлежность не указывается. Разброс в цифрах о численности российских мусульман очень большой: от 10 до 35 млн. человек. Самая распространенная упоминаемая численность мусульман в России – 20 млн. человек. Согласно этническому критерию исчисления мусульман, т.е. по происхождению, в РФ примерно 15 млн. приверженцев ислама. Если к ним добавить от 2 до 5 млн. мигрантов из бывших советских республик, то реальная цифра численности мусульман в России составит примерно 15–20

млн. человек. Таким образом, мусульмане в России составляют от 10 до 14% населения страны.

Число российских паломников в Мекку за последнее десятилетие многократно увеличилось и в настоящее время превышает официальную квоту, которую СА по согласованию с Организацией Исламская конференция установила для всех стран мира: по одному паломнику от каждой тысячи проживающих в стране мусульман. В 2009 г. для России была установлена квота в 20,5 тыс. человек. Это количество паломников зафиксировано в подписанном в Мекке в апреле того же года российско-саудовском протоколе. В течение восьми лет с момента создания СХРФ государство сделало многое для духовных управлений. Было подписано межправительственное соглашение с СА, сформирована единая хадж-миссия России, для удобства паломников налажено прямое воздушное сообщение из Москвы в Джидду. Однако распределение общероссийской квоты на паломничество внутри страны остается острой проблемой. Следует отметить, что квоты выделяются не для регионов, а для духовных управлений мусульман регионов, которые, в свою очередь, передают эту квоту туристическим компаниям, но не работают непосредственно с верующими по вопросам хаджа. В этой связи заслуживает внимания изучение зарубежного опыта.

На наш взгляд, для России особую ценность имеет постановка дела в Индии. Во-первых, конституционный статус религии в наших государствах схож: Россия и Индия – страны светской государственности. Во-вторых, Россия обладает сопоставимым с Индией процентом мусульманского населения. В-третьих, в Индии уже в течение более 90 лет действует специальное государственное учреждение – Индийский комитет по хаджу (ИКХ). Наконец, государственная политика в сфере свободы совести в Индии проводится в условиях политической демократии. Индия признана мировым сообществом как государство, пользующееся репутацией «крупнейшей демократии мира». История ИКХ неразрывно связана с «воротами Индии» – г. Бомбеем (ныне – Мумбаи). Еще до установления британского правления мусульмане, отправлявшиеся в хадж морским путем, начинали свое путешествие к святым местам именно из селения, на месте которого вырос мегаполис. Доступные источники свидетельствуют о существовании Комитета по хаджу с 1927 г. Тогда он состоял из 10 членов, в число которых входили видные представители мусульманской общественности и президент комитета – комиссар полиции Бомбея.

Но с 1990-х годов поездки по морю стали терять привлекательность, увеличилось число желающих путешествовать воздушным транспортом. По данным ИКХ, в 1994 г. из Индии (при квоте для индийских мусульман – 25 тыс. человек) около 5 тыс. паломников отправились в хадж морскими судами, а более 25 тыс. предпочли путешествовать авиатранспортом. С 1995 г. доставка паломников морским путем из Индии в СА была полностью прекращена, и все желающие совершить хадж стали путешествовать воздушным путем; в связи с этим отпала необходимость для паломников добираться до Бомбея. Постепенно индийское правительство вводило дополнительные пункты отправки паломников, число которых продолжало увеличиваться из года в год. В 2009 г. авиарейсы были организованы из 19 городов, включая столицу страны и крупнейшие мегаполисы – Мумбаи, Колкату, Ченнаи. Изменились и формы управления хаджем. Начиная с 2002 г. Индийский комитет по хаджу открыл свои офисы во всех регионах страны. Для этого вся территория Индии была поделена на шесть зон. Шесть представителей от этих зон, а также три от штатов, из которых отправляется наибольшее число паломников в течение последних трех лет, являются самой многочисленной группой функционеров в ИКХ. Помимо них, в состав ИКХ входят три члена парламента из числа мусульман, чиновники МИД, МВД, министерств финансов и гражданской авиации, а также мусульмане, назначаемые центральным правительством из числа лиц, обладающих знанием мусульманского богословия. Свою деятельность ИКХ осуществляет на основе Закона о Комитете по хаджу 2002 г., согласно которому его главная функция – принимать меры по организации паломничества мусульман. В обязанности ИКХ входит публикация объявлений в ведущих газетах страны о предстоящем хадже. Он осуществляет проверку заявок от штатов, их компьютерную обработку и отправку в генеральное консульство Индии в Джайпуре.

ИКХ организует сбор денежных средств на оплату жилья, обязательных пошлин, авиаперелета, а также обмен индийских денег на иностранную валюту. Комитетом фиксируется курс саудовского риала по отношению к индийской рупии, действительный в течение всего сезона хаджа. Все денежные операции осуществляются только через банк, главным образом – через Банк Индии. Тем, кто готовится совершить паломничество, ИКХ рассылает руководство по хаджу с информацией о ритуалах, совершаемых во время хаджа и умры (малого паломничества), о деталях

материально-технического характера, а также основные положения законов Королевства Саудовская Аравия. Руководство издается на десяти языках, включая урду, хинди и английский. Комитет организует также двухдневные обучающие курсы, на которых специально подготовленные инструкторы проводят обучение паломников во всех регионах страны. ИКХ делает необходимые приготовления к поставке вакцин от менингита и полиомиелита. Согласно нормам Всемирной организации здравоохранения, желающие совершить паломничество обязаны сделать необходимые прививки и получить соответствующие сертификаты. С 2004 г. была введена программа страхования паломников от несчастных случаев и выплата им компенсаций. В этой связи с паломников взимается единовременный страховой взнос.

Не все паломники довольны работой ИКХ. Например, в 2008 г. многие паломники спустя месяцы после совершенной поездки получили письмо от Комитета с требованием доплатить 5 тыс. рупий в связи с понижением обменного курса индийской рупии к саудовскому риялу на момент бронирования жилья. Это письмо вызвало возмущение еще и потому, что многие паломники были размещены в гостиницах более низкой категории, чем те, которые были оплачены. Жалобы касались и плохого обслуживания во время паломничества: недостаточное число туалетов (12 на несколько тыс. человек); размещение паломников в двухместных номерах по 4–5 человек; отсутствие необходимых условий для раздельного проживания женщин, многие из которых были вынуждены спать рядом с незнакомыми людьми в тесных палатках и гостиничных номерах, в то время как по шариату женщины должны во время путешествия сопровождаться родственником-мужчиной. В целом, для деятельности Индийского комитета по хаджу характерна открытость и прозрачность, чему во многом способствует принятый в 2005 г. Закон о праве на информацию. Информация, связанная с подготовкой и совершением хаджа, в том числе списки паломников, публикуются в Интернете в открытом доступе.

Сегодня Индию по праву можно считать одной из крупнейших мусульманских стран. В отличие от России, в Индии известно число мусульман. Согласно последней переписи населения Индии 2001 г. (очередная должна быть проведена в 2011 г. – *Ред.*), мусульмане составляют 13,4% населения, а их численность достигала 138 млн. человек. Последователи ислама являются самым значительным религиозным меньшинством Индии. Их доля в общем

числе официально признанных религиозных меньшинств, к которым, помимо мусульман, относятся христиане, сикхи, буддисты и зороастрийцы (парсы), составляет 73,7%. Квота на хадж для индийских мусульман устанавливается центральным правительством страны по согласованию с СА. Распределение квоты между штатами и союзными территориями осуществляется пропорционально проживающему в них мусульманскому населению на основе данных переписи населения. В случае если в комитеты по хаджу штатов подано заявлений сверх квоты, места между желающими совершить вояж распределяются путем жеребьевки. Если в комитет по хаджу какого-либо штата подано заявок меньше выделенной квоты, то свободные места отдаются в распоряжение ИКХ, который перераспределяет их в штаты, где число желающих совершить хадж превышает квоту.

Подавляющее большинство паломников отправляются в путешествие именно через Индийский комитет по хаджу. В Индии существует практика сдерживания желающих совершить хадж повторно. Лица, совершившие паломничество, не имеют права в течение последующих пяти лет подавать заявку на хадж в комитет по хаджу. Это ограничение распространяется даже на тех, кто совершил бадал-хадж, который совершается вместо другого человека, который не может из-за болезни осуществить его самостоятельно, в том числе за умершего родственника. Среди молодых индийских мусульман растет притягательность хаджа. Состоятельные верующие из молодежи все чаще предпочитают тяготы паломничества туризму в Европе. Известны случаи, когда некоторые молодожены отправляются в хадж. По данным Е.С. Ансари, председателя Комитета по хаджу штата Махараштра, приблизительно 85% паломников составляют возрастную группу от 25 до 35 лет. Адвокат и общественный активист из г. Пуна утверждает, что подобную тенденцию он наблюдает в течение последних десяти лет. Раньше это не было характерно для Индии. Политика секуляризма и поддержка религиозных меньшинств для правящего политического альянса, возглавляемого Индийским национальным конгрессом (ИНК), является основополагающей. Понятие «секуляризм» в Индии не имеет ни четкого определения, ни законодательного закрепления. Чаще всего оно толкуется как равное, покровительственное отношение государства ко всем религиям и общинам.

Придя к власти в 2004 г., правительство Объединенного прогрессивного альянса (ОПА) во главе с ИНК не только увеличило

количество паломников из Индии, совершающих хадж, но и восстановило субсидии, которые были отменены предыдущим правительством. Индия – единственная страна, которая оплачивает часть авиаперелета для малообеспеченных паломников. Так, например, льготные билеты на перелет из Индии в СА и обратно в 2009 г. обошлись приверженцам ислама из малообеспеченных слоев населения в 16 тыс. рупий, а цена за тот же самый рейс компанией «Эйр Индия» составляет 80–90 тыс. рупий. Однако в связи с тем, что государственные затраты на субсидирование авиаперелетов в последние годы значительно выросли, правительство стремится уменьшить такие расходы и признает, что существующая модель субсидирования устарела. В октябре 2009 г. во время церемонии отправки в хадж индийских паломников министр иностранных дел С.М. Кришна заявил, что планируется провести реформы, которые должны сделать систему льготного финансирования хаджа «научно обоснованной, более прозрачной и эффективной». Одним из первых шагов в этом направлении стало предложение МИД о ежегодном 10%-ном сокращении числа паломников, отправляемых по субсидируемым ценам на билет. В настоящее время это предложение проходит этап согласования со всеми учреждениями, имеющими отношение к организации паломничества, – министерствами гражданской авиации, финансов и по делам меньшинств.

Помимо этого, у правительства имеется ряд других предложений относительно субсидий. Один из вариантов предложен К. Рахман Ханом и некоторыми мусульманами – членами парламента, которые советуют использовать модель Малайзии. Суть ее в том, что правительственное учреждение – Управление фондом паломничества Малайзии отвечает за организацию паломничеств в Мекку и инвестиции мусульман согласно исламскому учению. Оно содействует тому, чтобы сбережения будущих паломников инвестировались в том числе и в транспортные средства. Мусульмане делают вклады на сумму, которую могут себе позволить, на определенный срок. Забрать эти деньги вкладчики могут в любое время, когда пожелают совершить хадж. Однако высказываются опасения, что данная модель вряд ли приемлема на сегодняшний день для индийских мусульман.

Некоторые мусульманские лидеры считают, что достаточно устранить монополию компании «Эйр Индия» на перевозку паломников. Согласно закону о хадже 1959 г. и двусторонним соглашениям с СА, доставку всех паломников, отправляющихся через Индийский комитет по хаджу, может осуществлять только

госкомпания «Эйр Индия» или любая саудовская авиакомпания, предусмотренная договором. Стоимость полета компанией «Эйр Индия», как уже было сказано, составляет от 80–90 тыс. рупий в зависимости от пункта посадки, в то время как на обычных рейсах плата по маршруту Дели–Джидда гораздо ниже – 18–25 тыс. рупий. Завышение оплаты чиновники «Эйр Индия» объясняют тем, что приходится снимать самолеты с обычных рейсов, чтобы использовать их для перевозки паломников. Многие паломники сходятся во мнении, что вместо сложившейся практики можно было бы осуществлять перевозки на основе долгосрочной аренды воздушного транспорта других компаний. «Мы требуем, чтобы ИКХ был уполномочен осуществлять мировые тендеры..., чтобы сохранить доступность осуществления хаджа. Я уверен, что многие мировые авиалинии будут счастливы переправить 100 тыс. пассажиров по более дешевой цене за проезд», – заявил имам делийской соборной мечети Ахмед Бухари. ИКХ рассматривает намерение правительства о постепенном прекращении финансирования хаджа «шагом в правильном направлении», а субсидии приносят мусульманскому сообществу больше «вреда», чем пользы. Многие мусульмане принципиально отказываются от господдержки хаджа, обосновывая это исламским принципом, который гласит, что хадж является обязательным только для тех, кто может себе его позволить. «В Коране ясно говорится, что хадж – обязанность только для тех, кто материально в состоянии его совершить», – отмечает Абдул Халек Мадрази, заместитель ректора ведущей исламской школы Дар-ул-улюм в г. Деобанд, штат Уттар-Прадеш.

Индией накоплен большой и ценный опыт в организации паломничества мусульман в СА – созданы концептуальная основа и правовая база государственного регулирования хаджа, а также соответствующие организации. В России же дело отправки мусульман к святым местам пока не имеет твердой организационной основы. Важно поэтому наладить обмен опытом с индийскими государственными и общественными структурами, работающими с исламским религиозным меньшинством.

«Азия и Африка сегодня», М., 2011, № 1, с. 53–56.

Эмиль Паин,
публицист
НЕВОЛЬНИКИ ОБЩИН

Мультикультурализм – это до сих пор один из наиболее расплывчатых терминов политического лексикона, так как сторонники и противники мультикультурализма оценивают его с различных позиций. Подобная коллизия возникла при обсуждении политических заявлений, сделанных в конце 2010 – начале 2011 г. лидерами трех стран – Германии, Великобритании и Франции по поводу «провала» политики мультикультурализма.

У мультикультурализма есть два вида критиков. Консервативная критика (обозреватели часто называют ее «культурным империализмом» или «новым расизмом») исходит из необходимости замены мультикультурализма монокультурализмом и настаивает на законодательно закреплённом режиме привилегий для доминирующих культурных групп (религиозных и этнических). Апологеты такой позиции (неонацисты в Германии; активисты крайне правой «Английской лиги обороны» в Англии или партии Марин Ле Пен во Франции) крайне отрицательно оценили выступления нынешних лидеров своих стран, рассматривая их как «беззубые», как «пустой пиар» и «обман общества». В то же время позиция Ангелы Меркель, Дэвида Кэмерона и Николя Саркози ближе к либеральной критике мультикультурализма, которая исходит из того, что сохранение культурного своеобразия является безусловным правом всех граждан. Однако зачастую такое сохранение своеобразия отнюдь не добровольно, оно происходит под давлением общин и вступает в противоречие с правами других людей, с принципом равноправия и с гражданской сущностью современного общества. Так, Д. Кэмерон предлагает, в целях преодоления культурного раскола общества и установления позитивного плюрализма, заменить нынешнюю узкообщинную трактовку мультикультурализма либерально-гражданской концепций, названной им «энергичный либерализм».

Поясню суть гражданской интеграции, как я ее понимаю. Она не вытесняет традиционные культуры, а дополняет их. Гражданская культура развивается не вместо национальных культур, а вместе с ними. По мнению английского лидера, интеграция произойдет, если люди, принадлежащие к разным культурным сообществам, «освободившись от государственного гнета, обретут об-

щую цель», например, в виде общей гражданской заботы о своей стране как едином доме.

Либеральная критика мультикультурализма включает в себя следующие аргументы: эта политика обеспечивает государственную поддержку не столько культурам, сколько общинам и группам, которые необоснованно берут на себя миссию представительства интересов всего этноса или религии; государственное спонсирование общин стимулирует развитие групповой коммуни-тарной (общинной) идентичности, подавляя индивидуальную. Такая политика закрепляет власть общины над индивидом, лишенным возможности выбора. Кстати, и полный запрет вмешательства государства в дела общин, к чему призывают либертарианцы-анархисты, привел бы к тому же следствию: человек передается в рабство общине, не имея возможности защиты от нее со стороны государства; мультикультурализм искусственно консервирует традиционно-общинные отношения, препятствуя индивидуальной интеграции представителей разных культур в гражданское общество. Во многих странах Европы и в США известны многочисленные случаи, когда люди, утратившие свою этническую или религиозную идентичность, вынуждены были возвращаться к ней только потому, что правительство спонсирует не культуру, а общины (их школы, клубы, театры, спортивные организации и др.). В России же льготы, предназначенные для «коренных малочисленных народов Севера», в 1990-е годы вызвали стремительный «рост» численности таких групп за счет того, что представители иных культур, прежде всего русские, стали причислять себя (разумеется, только по документам) к коренным народам в надежде на получение социальных льгот; главным недостатком политики мультикультурализма является то, что она провоцирует сегрегацию групп, порождая искусственные границы между общинами и формируя своего рода гетто на добровольной основе.

Во многих странах мира возникли замкнутые моноэтнические, монорелигиозные или монорасовые кварталы и учебные заведения. В студенческих столовых возникают столы «только для черных». Появляются «азиатские» общежития или дискотеки для «цветных», вход в которые для «белых» практически заказан. В 2002 г. имам небольшого французского города Рубо посчитал недопустимым въезд в этот населенный пункт Мартин Обри, известнейшей политической персоны – мэра города Лилля, бывшего министра труда, впоследствии лидера Социалистической партии и кандидата на пост президента Франции. Имам назвал этот городок

«мусульманской территорией», на которую распространяется «харам», т.е. запрет для посещения женщины-христианки. Это пример весьма распространенной и парадоксальной ситуации: мультикультурализм на уровне страны оборачивается жестким монокультурализмом и сегрегацией на локальном уровне. Такие же парадоксальные превращения происходят и с иными ценностями, которые в 1970-е годы лежали в основе самой идеи мультикультурализма. Эта политика, по замыслу ее архитекторов, должна была защищать гуманизм, свободу культурного самовыражения и демократию. Оказалось же, что на практике появление замкнутых поселений и кварталов ведет к возникновению в них альтернативных управленческих институтов, блокирующих деятельность избранных органов власти на уровне города и страны. В таких условиях практически неосуществима защита прав человека. Например, молодые турчанки или пакистанки, привезенные в качестве жен для жителей турецких кварталов Берлина или пакистанских кварталов Лондона, оказываются менее свободными и защищенными, чем на родине. Там от чрезмерного произвола мужа, свекра или свекрови их могла защитить родня. В европейских же городах этих молодых женщин зачастую не спасают ни родственники, ни закон. Карикатурный мультикультурализм, из которого выхолощены ценности гуманизма, способствует возрождению в европейских городах таких архаических черт традиционной культуры, которые уже забыты на родине иммигрантов. В ряде исламских стран женщины становились не только членами парламента, судьями, министрами, но и главами правительств (в Пакистане – Беназир Бхутто, в Турции – Тансу Челлер), а в исламских кварталах европейских городов турецкую, арабскую или пакистанскую женщину могут убить за любое неподчинение мужчине в семье, за одно лишь подозрение в супружеской неверности, за не надетый платок. Правда, и в Германии турчанка Айгёль Озкан стала министром земельного правительства земли Нижняя Саксония (апрель 2010 г.), однако как раз она представляет ту, пока небольшую, часть иммигрантов, которая сумела вырваться из локальной общины и индивидуально интегрироваться в немецкое гражданское сообщество.

В замкнутых исламских кварталах Берлина, Лондона или Парижа молодежь имеет значительно меньшие возможности социализации и адаптации к местным условиям, чем их сверстники, живущие вне этих добровольных гетто. Уже поэтому невольники общин заведомо неконкурентоспособны на общем уровне страны. К началу 2000-х годов в Берлине лишь каждый двенадцатый ту-

рецкий школьник сдавал экзамены за полный курс средней школы, тогда как из числа немецких школьников такие экзамены сдавал каждый третий выпускник. Понятно, что и безработица затрагивает молодых турок в значительно большей степени, чем немцев. В 2006 г. 47% молодых турчанок в возрасте до 25 лет и 23% молодых турок являлись безработными и жили за счет социальных пособий. При этом сама возможность получения таких пособий почти без ограничений по времени не стимулирует иммигрантов к интеграции в принимающее сообщество. Социологические исследования показывают, что турецкая молодежь в Германии демонстрирует меньшее стремление к интеграции, чем турки старшего поколения. Это и есть реальное выражение краха политики мультикультурализма, точнее, политики культурной дезинтеграции.

На февральском (2011) заседании Госсовета РФ, обсуждавшем проблемы межнационального общения, президент Д. Медведев попытался реабилитировать слово «мультикультурализм», заметив, что новомодные лозунги о его провале неприменимы у нас. Однако российский лидер сам неоднократно критиковал те же стороны мультикультурализма, что и его европейские коллеги. Особенно часто он это делал при характеристике ситуации на Северном Кавказе, где мультикультурная дезинтеграция ярко проявляется в клановости, в этническом сепаратизме и в религиозном радикализме. Все это порождает почти непреодолимые преграды для управляемости региона, формирует беспрецедентную волну терроризма, не говоря уже о проблемах модернизации этой территории. Президент России так же, как и европейские лидеры, неоднократно связывал проблему преодоления такой раздробленности с гражданской интеграцией, которую он определял по-разному. На прошлогоднем декабрьском Госсовете, посвященном взрыву русского национализма, Медведев назвал это развитием «общероссийского патриотизма», а на февральском Госсовете в Уфе – задачей становления «российской нации».

Российская версия политики мультикультурализма древнее и намного сложнее по своим последствиям, чем европейская. Мультикультурализм как форма поощрения групповой, общинной идентичности был неотъемлемой частью сталинской политики создания национальных республик (союзных и автономных), а также национальных округов и областей. Однако в советское время дезинтеграционные последствия такой политики частично снижались имитационным характером всей системы автономий, за

фасадом которой скрывалось единое территориально-партийное управление. Проблема обострилась в постсоветское время, когда местные элиты попытались наполнить реальным содержанием формальный и мнимый суверенитет своих республик. Целое десятилетие (90-е годы) прошло под знаком мобилизации населения так называемых «титовых национальностей» в республиках России, поднимаемых местными элитами на борьбу за республиканский суверенитет. В ряде случаев такая мобилизация приводила к открытым вооруженным столкновениям больших групп населения с федеральной властью, как это было в Чеченской Республике. В первом десятилетии 2000-х годов ситуация изменилась, ее фокусом стали другие проблемы, а именно: отторжение иноэтнических мигрантов принимающим сообществом, прежде всего жителями крупнейших городов России. Эта проблема породила столкновения между разными группами населения, вроде того, которое произошло в Кондопоге (2006). Вместе с тем этнополитическая ситуация в России 2000-х годов стала в большей мере похожей на проблематику стран глобального «Севера». Такое сходство, казалось бы, позволяет России в большей мере использовать зарубежные концепции и практики культурной, миграционной и этнической политики. Однако в реальности возможность прямой имплементации позитивных концепций и практик весьма ограничена.

На Западе ксенофобия принимающих сообществ направлена в основном на иммигрантов, т.е. на иностранных граждан, прибывших в данную страну из-за рубежа. В России же основным объектом ксенофобии выступают не столько иммигранты, сколько внутренние мигранты, граждане Российской Федерации, жители республик Северного Кавказа. Уже одно это показывает, что применяемая на Западе политика ослабления миграционных проблем за счет ограничений въезда иностранных граждан и изменений условий предоставления им гражданства или вида на жительство не может быть использована в качестве инструмента решения российских проблем межэтнической и религиозной напряженности. В странах ЕС направленность развития законодательства и политических практик в сфере регулирования миграции, защиты прав человека и обеспечения прав национальных меньшинств взаимосвязана как институционально (входят в единый блок управления), так и идеологически (опираются на единые ценности прав человека). В России же нет не только единого идеологического основания для интеграционной политики, но и само управление так же,

как и законодательные практики, разорвано. Так, миграционная политика в 2000-х годах претерпела изменения. Этническая же («национальная») политика России застыла в том положении, в каком она сформировалась в 1990-е годы. Концепция государственной национальной политики, принятая в 1996 г., не пересматривается. В 2000–2010 гг. законодательная активность Государственной думы в сфере этнической («национальной») политики была парализована, а министерство, которое под разными названиями в 1990-е годы отвечало за проведение такой политики, было ликвидировано.

На Западе основные новации в сфере этнической и миграционной политики формируются политическими партиями и институтами гражданского общества, проходят общественное обсуждение; затем принимаются и кодифицируются законодательной властью, становясь нормой для власти исполнительной. В России же принципиально иной способ формирования политики во всех сферах жизни. Ее принципы и нормы формулируются исполнительной властью и затем одобряются партиями, представленными в Федеральном собрании; При таком способе функционирования политики участие экспертного сообщества и широкой общественности в ее выработке и реализации весьма ограничено, а возможность принятия контрпродуктивных политических решений, напротив, чрезвычайно велика. Кроме того, партии, отчужденные от реального участия в формировании политики и не обремененные ответственностью за ее проведение, склонны к популизму. Не случайно практически все партии, представленные в российском парламенте, эксплуатируют этнофобии и мигрантофобии, тогда как в крупнейших странах ЕС такие партии либо вовсе не представлены в парламенте (как в Германии и Великобритании), либо находятся там в меньшинстве (как во Франции). Россия – в числе европейских лидеров и по уровню массовой мигрантофобии, хотя и не опережает по этому признаку такие страны ЕС, как Венгрия, Латвия, Греция и Португалия.

В странах ЕС основным механизмом реализации этнокультурной и миграционной политики выступает взаимодействие органов исполнительной власти с институтами гражданского общества. В России же институты гражданского общества крайне слабы. Более того, наша страна, судя по материалам международных исследований, выделяется среди 28 стран Европы самым низким уровнем ценности гражданской солидарности и взаимного («горизонтального») доверия. При этом исправить ситуацию од-

ними лишь информационными манипуляциями по развитию «общероссийского патриотизма» не удастся. Все это делает маловероятным активизацию процесса гражданской интеграции в нашей стране в ближайшие годы. И все же я верю, что движение России от мультикультурного раскола к мультикультурной интеграции стратегически неизбежно. Наша страна вступила на путь инновационной модернизации, и это не лозунг очередного лидера, а жизненная необходимость для страны с великой историей и великой культурой. Сама же инновационная экономика настолько же неизбежно требует модернизации политико-правовой и социально-культурной, насколько вдох требует выдоха.

«Новая газета», М., 18 марта 2011 г., с. 16–17.

Ю. Кирина,

ВОСТОКОВЕД

К РАЗГРАНИЧЕНИЮ ПОНЯТИЙ

«ФУНДАМЕНТАЛИЗМ»

И «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИСЛАМ»

Сегодня существует склонность путать ислам как религию с исламом, ставшим средством оправдания террора. На наш взгляд, это происходит потому, что в XX в. в мусульманском мире наибольшее развитие получила именно тенденция политического прочтения ислама. Превратные – поскольку политизированные – толкования ислама, как, впрочем, и христианства, могут использоваться для оправдания как тоталитаризма, так и разных видов экстремизма. Идеологическая эволюция ислама в условиях начавшейся глобализации происходит в средневековых формах: фундаментализм оборачивается экстремизмом, хотя они и антиподы. Зачастую по отношению к наиболее ортодоксальным приверженцам ислама применяются такие понятия, как «исламизм», «интегрзм» или «исламский фундаментализм». Однако было бы не вполне правильно ставить знак равенства между этими понятиями. Конечно, эти понятия имеют общую основу и нередко в прессе и литературе употребляются как синонимы. Все же фундаментализм в исламе – это прежде всего теория, а не практика, попытка выразить неповторимость исламской цивилизации, идеологическая утопия. Потому следует разграничить понятия «политический ислам» и «интегрзм» от понятия «исламский фундаментализм».

Понятие «политический ислам» или «исламизм» обозначает не просто стремление использовать идеи ислама для достижения определенных политических целей. Такое стремление можно наблюдать и в эпоху арабских завоеваний VII–VIII вв., в движении Фатимидов в X–XII вв., османских завоеваний XIV–XVI вв. и многих других аналогичных событиях в истории мира ислама. Политический ислам как явление обусловлен прежде всего борьбой исламистов и националистов за идейное лидерство в национально-освободительном движении мусульман.

Термин «интегризм» зародился в католическом историко-политическом контексте. В конце XIX в. интегритами называли членов одной из партий в Испании, выступавших за подчинение государства власти католической церкви. С середины XX в. этот термин употребляется для обозначения течений, отстаивающих «целостность» религиозной системы. Долгое время это понятие применялось лишь к католицизму, обозначая течение, противящееся любой модернизации. Но после исламской революции 1978–1979 гг. в Иране получил широкое распространение термин «исламский интегризм», подразумевающий идеологию исламских фундаменталистов, сделавших выбор в пользу исламоинтегризма. Понятие «интегризм» служит для обозначения довольно широкого спектра сил в современном мусульманском мире, которые выступают против светской модели государства, отстаивая идеал мусульманской теократии. При этом часто термин «исламский интегризм» имеет отрицательное значение, используется как синоним тоталитарной идеологии, которая несовместима с демократией. Как замечает Р. Ланда, «фундаментализм, интегризм и политический ислам (исламизм), имея единую суть и основу, все же различаются тем, что первый из них – прежде всего теория, второй – и теория и практика (с преобладанием то первой, то второй в зависимости от обстоятельств), а что касается политического ислама, то это в основном практика, разумеется, не забывающая о теории, особенно в вопросах пропаганды, агитации и распространения влияния среди широких слоев верующих». Тем более не стоит говорить о терроризме, экстремизме и фундаментализме как о синонимах, понятиях, обозначающих одно и то же явление.

Существует огромное количество определений терроризма, потому как каждый исследователь пытается дать свое определение, вычленив те характеристики, на которые он хотел бы обратить особое внимание. Однако, на наш взгляд, наиболее объективно следующее определение, данное С. Буржем на страницах его

книги «Террористические мифы»: «терроризм – это использование насилия в политических целях. Террорист стоит вне власти, не имеет правительственных полномочий и этим нарушает правила общественного поведения для выражения целям, которые ставит перед собой законная власть в государстве, которую террорист рассматривает как не соответствующую потребностям определенной категории людей». История свидетельствует, что терроризм и ислам развивались своими собственными путями и практически не пересекались. Ведь терроризм – явление, прежде всего, социально-политическое, а не религиозное.

Современные исследователи выделяют три направления в исламе: фундаментализм, сторонники которого не отрицают возможность реформаторства; модернизм, или традиционализм, предусматривающий возрождение ислама Средневековья, в его чистом виде, без реформирования, и экстремизм. В качестве примера различия между экстремизмом и терроризмом можно привести выдержку из статьи Г. Мирского, опубликованной в 1988 г.: «Экстремизм и терроризм – явления достаточно близкие, хотя автоматической связи между ними нет: если видно, что всякий террорист – это экстремист, то неправильно было бы полагать, что каждый экстремист – террорист. Разумеется, экстремизм как определенное умонастроение логически ведет к оправданию террора, но вовсе не обязательно доходит до этой точки. Что касается вооруженных конфликтов, то они не могут считаться непременно проявлением экстремизма: бывает, что под давлением разного рода обстоятельств в конфликт между собой вступают силы, не исповедующие экстремизм в политике». Экстремизм не может быть приписан исламу как сущностный элемент этой религии. Обвинять ислам в экстремизме все равно, что обвинять христианство в существовании средневековой инквизиции и последствиях крестовых походов. Но все это надо воспринимать как использование религии отдельными людьми, политиками в своих целях.

Существуют достаточное количество организаций, которые придерживаются крайне фундаменталистских взглядов и используют ислам в своих интересах. В подобных случаях речь идет не столько об исламе, сколько о «политическом исламе», где исламом как формой прикрываются политические цели конкретных политических группировок. Поэтому точнее говорить о политическом радикализме, скрытом под религиозными одеяниями. Ислам, как и любая другая религия, достаточно сильно страдает от политизации, поэтому нужно разграничивать субъективные политические

идеи, прикрываемые исламом, и ислам, который выполняет свою функциональную религиозную роль. «К сожалению, – пишет Р. Абдуллатипов, – в современном мире ислам нередко используется как инструмент не только духовно-нравственной мобилизации масс на созидательные дела в соответствии с предписаниями Корана, но и политической мобилизации для достижения тех или иных целей, очень далеких от наставлений Аллаха». В XX в. многие мусульманские страны пережили экономические кризисы, политические перевороты, перестройку общественных структур. Это было следствием включения исламского мира в мировые хозяйственные связи и адаптации к воздействию культуры Запада. Реакцией на вестернизацию стал исламский фундаментализм.

Понятие «фундаментализм» в религиозном плане впервые было применено, как известно, по отношению к одному из консервативных течений в американском протестантизме, возникшем в начале XX в. Применительно к исламу термин «фундаментализм» используется для характеристики ряда движений, призывающих к строгому соблюдению мусульманских норм и ценностей. В самом мусульманском мире нет соответствующего общепринятого слова. Иногда «аль-усулия» (от «асл» – корень), иногда «ас-салафия» (от «салафи» – «тот, кто придерживается традиций предков»). Впрочем, похоже, что эти два слова — перевод на арабский язык европейских терминов «фундаментализм» и «интегризм». Сами фундаменталисты называют себя «просто настоящими мусульманами». Религиозный фундаментализм обычно рассматривается как современный феномен, порожденный исторической атмосферой XX в. Тенденция к фундаментализму в большей или меньшей степени, характерна для всех мировых религий. Фундаментализм представляет собой реакцию организованной религии на порожденные современностью проблемы, вставшие перед традиционными обществами. Адепты фундаментализма стремятся сохранить веру в сверхъестественную реальность в период истории, когда подобные верования, по-видимому, находятся в упадке. Фундаменталисты выступают убежденными противниками современного общества с его культом индивидуального разума, ориентацией на материальные ценности и верой в линейный исторический процесс. Фундаментализм и сложился как движение, направленное против господствующей в современном мире секулярной идеологии.

Фундаменталисты в своих требованиях опираются на представление о себе как хранителях исторической традиции, основы

которой они защищают, укрепляют и институционализируют перед лицом угрозы секуляризма и в периоды кризисов. Фундаменталисты провозглашают себя носителями особой миссии, порученной им богом. Отсюда вытекают все характерные черты фундаменталистских движений, в том числе хорошо организованные попытки обратить в свою веру нерелигиозно и нефундаменталистски настроенных людей. Некоторые западные ученые, такие как Дж. Волл, М. Эткин и др., считают, что фундаментализм – это «не что иное, как своеобразный ответ на огромные социальные и культурные перемены... воспринимаемые как угроза расшатывания и разрушения исламской идентичности или подавления этой идентичности». Вместе с тем, по З.И. Левину, это – «течение, требующее возврата к «истокам» ислама, прежде всего Корану, и допущение свободного толкования положений шариата (исключая догмы, ритуал, коранические запреты)».

По мнению известного египетского социополитолога Анвара Абд аль-Малика, фундаментализм – это «постоянная черта всех зрелых цивилизаций, культур и наций – как систем власти, уходящих корнями в свою специфичность, – в момент вызова, создаваемого конфронтацией, отречением, глубоко ощутимой угрозой, так же как и тупиковой ситуацией, прерыванием господствовавших до настоящего времени темпов прогресса, роста, экспансией, дестабилизацией “нормального состояния” мощными силами извне». Признавая справедливость данного определения, стоит заметить, что исламский фундаментализм – явление самобытное, имеющее глубокие исторические корни. Б. Льюис обращает внимание на то, что проникновение Запада в мир ислама заставило мусульман сосредоточиться на проблемах веры. В частности, среди мусульман Индии в XVII–XVIII вв. наблюдалось возрождение религиозности перед лицом возможности возврата индуизма и католицизма, усиленно распространявшегося португальцами. Конечно, это явление еще не было фундаментализмом в полном его понимании: ему не хватало догматической и политической полноты. Однако этот пример показывает, что даже в XVII–XVIII вв. перед лицом возможно преувеличенной или даже воображаемой угрозы исламу мог возникнуть фундаментализм.

За последние 150 лет в мире ислама было три волны идеологического подъема. Первой волной можно считать панисламизм, главной целью которого было объединение всех мусульман в борьбе против европейских колонизаторов и устранение идеологических разногласий внутри мусульманского мира. Наиболее ус-

пешно идея панисламизма была использована османским султаном Абдул-Хамидом II. Для утверждения своего авторитета в мусульманском мире султан стал поощрять осуждение всего западного и пропаганду достижений мусульман. В его лице поддержку нашел один из идеологов панисламизма, афганский теолог Джамаль аль-Афгани, выступавший за решительное обновление ислама, за отказ от замены иджитхада (личного мнения в результате свободного обсуждения) признанием лишь авторитета «салаф» (благочестивых предков). Вместе с тем аль-Афгани осуждал распри между мусульманами, призывал к единству и был уверен, что «религиозную и племенную рознь можно преодолеть путем патриотического воспитания молодежи». Под его влиянием и при его содействии возникали партии, общества и тайные организации в различных странах ислама, в первую очередь в Египте. Однако неспособность панисламистов действенно противостоять идеологическому влиянию Запада привела к упадку этого движения, которому способствовали также крах Османской империи в 1918 г. и устранение султана-халифа как политической фигуры в результате кемалистской революции 1919–1923 гг.

Место панисламизма в мире ислама в 20–60-х годах XX в. заняли другие идеологические направления, главным образом национализм и социализм, в том числе мусульманский социализм, пытающийся обосновать свои принципы ссылками на Коран и шариат. Эти течения явились второй волной идеологического подъема в мусульманском мире. Как отмечал ливийский лидер М. Каддафи, «мы – социалисты в рамках, определенных Кораном... Но прежде всего, мы – мусульмане». Исламизм зародился внутри национализма и в определенный момент стал выходить на поверхность. Битва исламистов за вытеснение национализма привела к третьей волне идеологического подъема в странах мусульманского мира. По словам Р. Ланды, «речь идет об исламском фундаментализме, феномен которого достаточно сложен и не сводится ни к терроризму, ни к фанатизму, ни даже к религиозному экстремизму. Он намного шире всех этих понятий и охватывает самые разные стороны духовной жизни, культуры, религии и во многих случаях политического бытия мира ислама».

Относительно происхождения исламского фундаментализма в науке нет единого мнения. Одни, как американский исследователь Дж. Джэнсен, видят корни этого течения в трудах средневековых мусульманских богословов (труды Таки ад-Дина ибн Таймий действительно содержат ряд положений, характерных для

современных фундаменталистов, и часто ими цитируются). Другие, как Ж. Кепель, началом исламского фундаментализма (в его терминологии – исламизма) считают 1960-е годы – время создания и распространения работ Абу аль-Маудуди, аятоллы Хомейни и египетского богослова Сеида Кутба. Отечественный востоковед З.И. Левин в трудах Джемаль ад-Дина аль-Афгани, Мухаммеда Абдо и Сеида Ахмад-хана, живших в XIX в., видит начало мусульманского реформаторства в целом, до его раскола. Раскол реформаторского течения на модернистов («обновленцев» в терминологии З.И. Левина) и фундаменталистов («охранителей») произошел в 1920–1930-е годы и связан с трудами Хасана аль-Банни, основателя организации «Братья-мусульмане». В то же время Левин отмечает: «Инакомыслие фундаменталистского толка появилось в период ослабления арабского халифата под ударами монголов и во времена господства османов (XII–XVIII вв.)». Некоторые ученые, такие как Ф.М. Мухаметшин, говорят о том, что «исламский фундаментализм – феномен второй половины XX в.». Это определение вполне верно, так как в своей современной форме исламский фундаментализм образовался как результат внешнего давления, неудач, которые пережил исламский мир еще в начале XX в. Данный разброс мнений свидетельствует о том, что фундаментализм в той или иной его разновидности возникал в те или иные исторические периоды всякий раз, когда мусульмане терпели поражение или чувствовали себя ущемленными, чувствовали угрозу своей религии и традициям.

Фундаментализм – это прежде всего тип сознания, образ мыслей, если угодно, идеология, но не обязательно экстремизм, отмечают некоторые исследователи. Термин «исламизм» также не обязательно связывать с исламом. Не всякое исламское движение, созданное на фундаменталистской основе и выступающее за установление исламского государства, за введение шариата, можно считать происламским. Совершенно естественно, если в состав общества, государства входят мусульмане, присутствует мусульманская община. Необходимо только учитывать по возможности ценности и нормы их религии. Объясняя причины столь широкого влияния идеологии фундаментализма, западные социологи подчеркивают, что эта идеология основана на таких фундаментальных принципах и концепциях, которые легко доступны массам и, следовательно, фундаментализм ни в коем случае не является слепым противником социальных перемен, но утверждает, что эти переменны должны руководствоваться традиционными ценностями и обы-

чаями. Таким образом, «фундаментализм, – по словам М.З. Ражбатдинова, – это попытка пересмотреть как практику современного ислама, так и основы самой “современной цивилизации” (пришедшей в мусульманские страны с Запада) с позиций вечного, истинного и первоначального ислама».

*«Российский научный журнал»,
М., 2010, № 6 (10), с. 20–25.*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2011 – 7 (229)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 23/VI-2011 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 12,0 Уч.-изд. л. 11,2
Тираж 500 экз. Заказ № 113

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: market @INION.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

